

СЛАВЯНСКОЕ

Славяно-ведение

ISSN 0132-1366

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО •

2012

• ВЕДЕНИЕ

«НАУКА»

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

2
2012
МАРТ •
АПРЕЛЬ •

Содержание

СТАТЬИ

- Петрухин В.Я.* (Москва). Начало Руси: древнерусская традиция и средневековая историография. Миф, правда и вымысел..... 3
- Турилов А.А.* (Москва). Забытые и малоизвестные факты из истории древнейшего перевода Пролога у южных славян (к проблеме «первого восточнославянского влияния») 8
- Таирова-Яковлева Т.Г.* (Санкт-Петербург). К вопросу о формировании крупного частного землевладения в украинском гетманстве (середина XVII – начало XVIII века)..... 27
- Костяшов Ю.В.* (Калининград). Генерал Иван Хорват – сербский авантюрист на русской службе (вторая половина XVIII века) 34
- Сазонова Л.И.* (Москва). Сказание о Наполеоне-антихристе: старообрядческий вариант антинаполеоновского мифа..... 42

СООБЩЕНИЯ

- Урунова Р.Д.* (Ульяновск). К вопросу о происхождении вариантов местоимения первого лица единственного числа в восточнославянских текстах X–XIV веков 62

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ

- Лаптева Л.П.* (Москва). Значение Вацлава Ганки в развитии славяноведения в России и русско-чешских научных контактов в XIX веке 68
- Фролова М.М.* (Москва). Общество истории и древностей российских и славянская проблематика (1848–1857) 86

ПУБЛИКАЦИИ

- Морозов Б.Н.* (Москва). Царь Василий Шуйский перед польским королем (новый памятник «турецкой темы» с легендарной перепиской польского короля, турецкого султана и царя Михаила Федоровича) 102

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

- Калиганов И.И.* Г.А. Пожидаева. Лексикология деместивного пения..... 107
- Белова О.В.* Полацкі этнаграфічны зборнік. Вып. 1. Ч. 1–2. Народная медицина беларусаў Падзвіння; Вып. 2. Ч. 1–2. Народная проза беларусаў Падзвіння..... 109

<i>Проклов И.Н.</i> Н.М. Вагапова. Международные театральные сезоны в Белграде: БИТЕФ 1967–2007.....	112
<i>Шерлашмова С.А.</i> J. Med. Literární život ve stínu Mnichova (1938–1939)	116

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Белова О.В., Петрухин В.Я.</i> Международная конференция «Выбор веры и идеологические изменения в Средние века в перспективе сравнительных исследований».....	119
<i>Борисенок Е.Ю.</i> Политика и культура в белорусско-русско-украинских отношениях XVII–XXI веков.....	121

ЮБИЛЕИ

К юбилею Сергея Васильевича Никольского	123
К юбилею Виктора Александровича Хорева.....	125

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

М.А. РОБИНСОН (главный редактор),
Г.К. ВЕНЕДИКТОВ, Р.П. ГРИШИНА, В.И. КОСИК, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, С.В. НИКОЛЬСКИЙ, В.Я. ПЕТРУХИН,
Л.А. СОФРОНОВА, А.С. СТЫКАЛИН, Б.Н. ФЛОРЯ, В.А. ХОРЕВ, Т.В. ЦИВЬЯН

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *И.Е. Адельгейм* (отдел литературоведения),
О.В. Белова (отдел культурологии), *М.М. Валенцова* (отдел лингвистики),
А.С. Стыкалин (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова, Е.В. Пономарева, И.Ю. Веслова*

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а,
Телефон 8-495-938-01-20
E-mail: zhurslav@mail.ru

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (200–300 знаков) на русском и английском языках и ключевыми словами (5–7 слов).

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <http://inslav.ru>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, электронную почту и контактный телефон.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© Российская академия наук, 2012 г.
 © Институт славяноведения РАН, 2012 г.
 © Редакция журнала «Славяноведение»
 (составитель), 2012 г.

© 2012 г. В.Я. ПЕТРУХИН

НАЧАЛО РУСИ: ДРЕВНЕРУССКАЯ ТРАДИЦИЯ
И СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ. МИФ, ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ

Начальное летописание («Повесть временных лет») было ориентировано на библейскую традицию изложения всемирной истории. Трансформация взглядов на историю, в том числе начальную историю Руси, связана со становлением средневековой государственности, поисками «престижных» корней государства, квази-историческими конструкциями и вымыслом («Сказание о князьях владимирских»).

The *Primary Chronicle (Povest' vremennykh let)* was orientated on the biblical tradition of recounting world history. Transformation of the view on history, including the early history of Rus', was connected with the maturation of the medieval statehood, quasi-historical constructions and fiction (*The legend of the Princes of Vladimir*).

Ключевые слова: Начальное летописание, Библия, средневековая историография, миф.

Архаический автохтонный миф помещает свое племя «настоящих людей» в центр мира, где совершается священный брак неба и земли, бога и хтонического существа (см. работы М. Элиаде, В.Н. Топорова и др.)¹. Этот примитивный миф не удовлетворял уже Геродота, больше он доверял преданию, повествуящему о вытеснении скифами киммерийцев из причерноморского Боспора (Геродот. IV. 11–12). Всемирная история – взаимодействие народов мира, как варваров, так и эллинов, архаический миф из этногонии трансформировался в этнографию. Автохтонный племенной миф преодолевался в то же время (сер. I тыс. до н.э.) на Ближнем Востоке – в библейской традиции, согласно которой три сына Ноя стали праотцами всех народов мира. Заметим, что в отличие от античной и средневековой хронографии «Повесть временных лет» (ПВЛ) не обращается к античному наследию, хотя первым русским летописцам известны были «Хронограф по Великому изложению», переводные «Хроники» Иоанна Малалы и Георгия Амартола: византийская хронография была ориентирована на проблемы соотнесения

Петрухин Владимир Яковлевич – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Статья написана в рамках работы над проектом «Народное христианство» и библейская космогония: к происхождению славянских дуалистических легенд» (Программа фундаментальных исследований ОИФН РАН, 2009–2011).

¹ Пережитки хтонического (и антропогонического) мифа обнаруживаются в славянской и более архаичной балто-славянской традиции, связанной с представлениями о матери сырой земле (см. [1]), змее-любовнике хтонической девы преисподней [2] и т.п. Универсальный сказочный мотив «чуждого супруга» известен многим народам Европы (ср. русскую Царевну-лягушку, брак с которой связан со специальным испытанием – стрельбой из лука): Ж. Ле Гофф [3] предположил архаичные истоки европейского средневекового мотива Мелюзины – жены-змеи – образ, который восходит к представлениям о хтонической богине-матери.

библейской и античной (римской) истории (см. [4; 5])². Первые русские книжники отмечали особое достоинство *нового* крещеного народа. Библейская генеалогия потомков Ноя снимала проблемы мифической древности того или иного народа – все «языки» возникли в начале истории, после Вавилонского столпотворения, и место славян среди этих «языков», естественно, занимали составителя «Начальной летописи». Разыскания о происхождении собственно руси «Начальная летопись» основывала на легендах о правлении первых князей, используя династическое предание и «официальные источники», в том числе договоры руси с греками X в.

Изучение в процессе становления исторической науки (методов критики источников) официальной историографии обнаруживает тенденциозность историков, особенно близких правящей элите. Облик «внимавшего равнодушно добру и злу» летописца, созданный Пушкиным, остался в истории романтической литературы. Знаменитый исследователь летописных сводов А.А. Шахматов писал накануне революционных событий 1917 г., что «рукой летописца управлял в большинстве случаев не высокий идеал далекого от жизни и мирской суеты благочестивого отшельника, умеющего дать правдивую оценку событиям, развертывающимся вокруг него, и лицам, руководящим этими событиями, – оценку религиозного мыслителя, чающего водворения Царства Божия на земельной юдоли – рукой летописца управляли политические страсти и мирские интересы» [7. С. 538]. Не менее скептически звучат слова В.О. Ключевского о варяжской легенде как об историографической конструкции – «очень недурно комбинированной юридически постройке начала Русского государства» в летописи [8. Т. 1. С. 155].

Заметим, однако, что тенденциозность начального летописания, ориентированного на библейскую традицию, принципиально иная, чем тенденциозность более поздних средневековых сочинителей. Для первых русских летописцев недопустимым было творение неизвестных Библии потомков Ноя вроде Леха, Чеха и Руса и т.п.

Неприемлемым для древнерусского летописца было и обращение к дохристианской мифологической традиции – автохтонному этногоническому мифу: В.В. Иванов и В.Н. Топоров [9] реконструировали «основной миф» древней балто-славянской традиции; согласно реконструкции, праславянам (балто-славянам) был известен миф о женитьбе громовержца (в древнерусском пантеоне Перун) на женском персонаже, воплощающем землю/воду (в древнерусском пантеоне Мокошь). В сюжет священного брака вмешивается змеевидный персонаж (продолжением этого персонажа считается древнерусский Волос/Велес), стремящийся похитить супругу громовержца; потомством этого брачного союза должны были быть люди – славянские племена, подобно тому как скифские племена считались потомками змееногой богини. Естественно, монах-летописец не мог производить новый народ от древних автохтонных химер, языческая мифология была для него бесовскими «кощунками», славяне – потомками Ноя³.

Русская традиция этногенеза и политогенеза (сложения государственности) начинается не с мифа, а с истории – сюжет летописной легенды о призвании варяжских князей не связан со сверхъестественной (мифологической) санкцией – три

² В «Хронике» Малалы библейские допотопные великаны отождествляются с античными змееногими гигантами, «человеки от земля роженны имоуща ноги змиины и дръзноювша на нѣкия божскыя силы, еже нарече змиеногы» [6. С. 20].

³ Иная генеалогия предлагается в «Слове о полку Игореве», где «русичи» названы «Дажьбожьими внуками» – потомками языческого бога Солнца; эта конструкция несвойственна древнерусской книжности (см. [10. С. 407–421], а также [11]). Как уже отмечалось, змееногие персонажи античной мифологии были известны древнерусским книжникам по переводным византийским хроникам (в том числе «Хронике» Иоанна Малалы), но и там они относились к доисторической эпохе и были истреблены, не оставив нечестивого потомства.

брата, варяжские князья Рюрик, Синеус и Трувор, имеют в летописи хоть и заморское, но земное – варяжское, а не божественное происхождение. Аутентичность их скандинавских имен (в ранней славянской передаче) не позволяет сводить мотив трех братьев – варяжских князей – к летописной конструкции: вероятные «фольклорные» истоки этот мотив обнаруживает при сопоставлении с рассказами восточных авторов (X в.) о трех видах начальной руси, ее трех центрах и т.п., близкими распространенным в германо-скандинавской традиции «переселенческим сказаниям» (К. Тиандер)⁴. Проблемы начинаются там, где предание соотносится в летописи с древнерусскими реалиями, а призванные князья получают древнерусские города – Новгород, Изборск, Белоозеро. Мнение А.А. Шахматова о незначительности Изборска и Белоозера для роли «столиц» опровергается данными новых раскопок, демонстрирующими роль этих городов как форпостов славянской колонизации в регионе веси и на границе с чудью, равно как и воздействие балтийско-скандинавской культуры на эти регионы [14]. Основным для начального летописания был мотив братского княжеского рода, который в «братней любви» должен был управлять Русской землей от Новгорода и Ростова до Киева и Переяславля.

Взгляд на начальную историю трансформируется в период становления московского «самодержавства» и единовластия великих князей. В XV в. в Новгороде и Москве создаются «две истории Руси» (Я.С. Лурье) [15], каждая из которых основывается на приоритете собственных традиций. Для Новгорода это исконная власть посадника и веча – в список новгородских посадников включается «древний» Гостомысл, не соотносящийся, впрочем, ни с какими историческими событиями. Московская историография в «Сказании о князьях Владимирских» (первая четверть XVI в.) «переигрывает» Новгород, превращая Гостомысла в инициатора призвания великого князя Рюрика из Прусской земли. Братья Рюрика в изложении «Сказания» не получают никаких городов, Олег тут же называется племянником Рюрика. Формально «Сказание» следует летописной традиции, начиная рассказ с истории сыновей Ноя, но летописная заповедь, обращенная к правящему Русской землей княжескому роду – «не преступать жребий братень», – здесь отсутствует: составитель сосредоточивается на генеалогиях, по преимуществу фантастических, цель которых, в соответствии с установками позднесредневековой хронографии, – совместить библейскую традицию с античной (византийской); фигура Александра Великого оказывалась «переходной» от ближневосточно-библейской к средиземноморской историографии (ибо македонский царь считался потомком египетского волхва). Далее следует переход к Византии (заимствуется из «Сербской Александрии») фигура сродника этого волхва Виза и его дочери Антии, основавших Византий – ср. [16. С. 270], далее – рассказ о Цезаре и разделе Августом имперских областей своим братьям и «сродникам», среди которых некий Алирик и Прус, получивший соответственно верховья Истра (провинция Иллирия), и Мальборк и Гданьск в Повисленье и другие города вплоть до Немана – «и оттолѣ и до сего врѣмяни зоветься Прусъская земля» [17. Т. 9. С. 278–282].

Таким образом, Рюрик, призванный в Новгород, через своего предка Пруса оказывался «от рода римскаго Августа царя». Историографическая конструкция (которую лишь условно можно именовать «мифом») – она была основана на традиционных для средневековых ученых методах «этимологии») служила не только обоснованию претензий Русского государства в Прибалтике – она ставила московских государей – потомков Августа на престижное место в иерархии европейских государей. Европейская наука, однако, уже отдалялась от средневековых методов: Иван IV получал упреки в конструировании фальшивых генеалогий,

⁴ Ср. продолжающиеся попытки «историзации» трех центров, вплоть до возрождения представлений о Рюгене как о «третьем центре Руси» [12. С. 78–83], давно отвергнутых востоковедами [13].

ибо античным источникам не были известны ни Прус, ни другие братья Августа. В ответ московский князь (с трогательной наивностью) настаивал на очевидной для него незыблемости методов средневековой историографии: «Коли уж Пруса на сем свете не было, почему ныне называется Прусская земля, от кого она то прозвище взяла?» [18. С. 291].

Трансформация историографической традиции приводит к тому, что интерпретация древнего предания, доступная древнерусским летописцам, заменяется не столько домыслом, сколько *вымыслом* – таков был путь становления литературы Нового времени. Е.К. Ромодановская, вслед за Д.С. Лихачевым, исследовала историческую природу вымысла в древнерусской историографии, отчасти реабилитируя «романтический» образ летописца. Древнерусскому писателю было свойственно стремление к «правдивости». «Вымысел» был невозможен, пока существовали независимые политические оппоненты и противники (летописание, как считается со времен Шахматова, велось в разных древнерусских центрах, а самого начала – в Киеве и Новгороде. – В.П.). «Как только Москва подчиняет себе последнее “вольное” княжество – Новгородское, оказывается сломанной система “правдивого” официального летописания. Придворная историография начинает фиксировать лишь то, что необходимо великокняжеской власти и впервые получает возможность вводить “государственный вымысел” (термин Д.С. Лихачева. – В.П.) в историю, политическую легенду, публицистику» – речь идет о «Сказании о князьях Владимирских», конструкциях, связанных с идеей «Москва – третий Рим» в историческом повествовании XVI в. [19. С. 61–62].

В более ранней чешской, а затем и польской историографии XV–XVII вв. распространились представления об особом месте славянского мира в античной древности: славяне не были покорены Александром Македонским, завоеватель должен был признать власть славян на севере европейского континента от Ледовитого океана до Итальянских краев, дав им грамоту («привилегию»); уже в XV в. был известен латинский архетип «грамоты». Варианты этого «Александрова дара» получили разную редакцию у разных авторов – польский книжник Оржеховский (1554) упомянул в грамоте трех полководцев – Александра Чеха, Леха и Роксолана, последний воплощал Россию (потомки Ноя «Великопольской хроники» здесь историзированы, превращены в полководцев, неведомый античным источникам Рус заменен Роксоланом – эпонимом сарматского союза племен, известного в Восточной Европе с начала I тыс. н.э.)⁵. В латинском варианте «грамоты» «привилегия» дается «роду Славян (*genti Slavorum*) или Мосхов» – «славному русскому роду» (*glorioso stemmati Ruthico*), чья власть распространяется от Варяжского до Каспийского моря. Три вождя этих Мосхов носят вызывающие недоумение с точки зрения славянской антропонимии имена Великосан, Хасан и Хауассан (уже Юрий Крижанич, хорватский книжник на русской службе, усматривал в них неславянские, а татарские имена: см. его сочинение «Политика», написанное в 1663–1666 гг. [21. С. 373–374])⁶. Вступительная ремарка к «привилегии» гласит, что она «извлечена из рукописных анналов этих самых Мосхов». Мосхи, со времен Страбона известные в Армении, в Средние века стали ассоциироваться с библейским потомком Иафета Мосохом и жителями Московского царства. Эти конструкции не могли не вызвать интереса русских книжников уже в XVII в. (подробный анализ истории знаменитого фальсификата – «Александровой грамоты» см. [23. С. 45–94]).

⁵ См. о позднесредневековых этимологических конструкциях, сближающих имя роксоланы с именем россияне: [20. С. 331–333].

⁶ Неясно, на основании какой «рукописи нач. XVIII в.» норвежский исследователь Х. Станг [22. С. 41] признает эти имена весскими (словене, переместившиеся на Белоозеро, якобы «стали называться Восью»).

Переориентация привилегии Александра со славянского мира на Московию выдает русские истоки цитированного латинского текста. А.С. Мьльников [23. С. 69–70] предположил, что этот текст был составлен на латыни Себастианом Главиничем, побывавшим в Московии в составе австрийского посольства и подготовившим «Донесение о Московии и москвитях» (ок. 1665 г.). В древнерусской традиции близкий текст сохранен «Мазуринским летописцем» последней четверти XVII в., где пределы власти русских князей определяются «от моря Варяжского даже до моря Хвалынского» [24. С. 13], в соответствии с древнейшей географической номенклатурой ПВЛ, где Каспийское море именуется Хвалынским. Синописис 1674 г., использующий «грамоту Александра», объявляет библейского Мосоха, давшего имя Москве (!), «прародителем славеноросским». Библейская традиция «подверстывается» под исторический вымысел [25. С. 60].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Eckert R.* Eine Slawische und Baltische Erdgottheit // *Studia mythologica Slavica*. 2. Ljubljana, 1999.
2. *Евзлин М.* О космогонической основе мотива «змея и дева» в связи с мотивом «странствия в подземное царство» (на материале русских сказок) // *Studia mythologica Slavica*. 2. Ljubljana, 1999.
3. *Ле Гофф Ж.* Другое средневековье. Екатеринбург, 2000.
4. *Бибииков М.В.* Историческая литература. СПб., 1998.
5. *Водолазкин Е.Г.* Всемирная история в литературе Древней Руси. СПб., 2008.
6. *Истрин В.М.* Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. М., 1994.
7. *Шахматов А.А.* История русского летописания. СПб., 2003. Т. 1. Кн. 2.
8. *Ключевский В.О.* Сочинения в девяти томах. М., 1987–1989.
9. *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974.
10. *Петрухин В.Я.* Были ли «русичи» Дажьбожьими внуками? // Категория родства в языке и культуре. М., 2009.
11. *Аничков Е.В.* Язычество и Древняя Русь. М., 2009.
12. *Азбелев С.Н.* Устная история. СПб., 2007.
13. *Thulin A.* The third tribe of Rus // *Slavia Antiqua*. Warszawa; Poznań, 1979. Т. XXV/1978.
14. *Петрухин В.Я.* Русь из Пруссии – реанимация историографического мифа // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. СПб., 2009.
15. *Лурье Я.С.* Две истории Руси XV века. СПб., 1994.
16. *Бычкова М.Е.* Римская тема в Русских генеалогических сочинениях XVI–XVII вв. // Рим, Константинополь, Москва. М., 1977.
17. Сказание о князьях владимирских // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2000. Т. 9.
18. *Ерусалимский К.Ю.* Прус и «Прусский вопрос» в дипломатических отношениях России и Речи Посполитой 1560-х – начала 1580-х гг. Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хорошева. Великий Новгород; СПб.; М., 2009.
19. *Ромодановская Е.К.* Русская литература на пороге Нового времени. Новосибирск, 1994.
20. *Соколов С.В.* Историография XVI–XVII вв. о происхождении имени «Русь» // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2011. Вып. 9.
21. *Крижсанич Ю.* Политика / Пер. и комм. А.Л. Гольдберга. М., 1997.
22. *Станг Х.* Наименование Руси (герульская версия). СПб., 2000.
23. *Мьльников А.С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI – начала XVIII века. СПб., 1999.
24. Мазуринский летописец // Полное собрание русских летописей. М., 1974. Т. 31.
25. Мечта о русском единстве. Киевский синописис (1674). М., 2006.

© 2012 г. А. А. ТУРИЛОВ

ЗАБЫТЫЕ И МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ ИЗ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙШЕГО ПЕРЕВОДА ПРОЛОГА У ЮЖНЫХ СЛАВЯН (К ПРОБЛЕМЕ «ПЕРВОГО ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО ВЛИЯНИЯ»)

К 70-летию проф. Хельмута Кайперта

Статья посвящена малоизученным фактам в истории древнейшего перевода Пролога в южнославянской традиции. Центральное место в ней занимает вопрос о времени и обстоятельствах включения чтений из Пролога этой редакции в состав болгарских и сербских служебных и праздничных Миней. Изучение сербской рукописной традиции – как более репрезентативной – позволяет датировать это ранним XIII в. и связать с деятельностью первого сербского архиепископа, св. Саввы.

The article is devoted to some ill-studies facts from the history of the oldest translation of the Prolog (Menologium) in the South-Slavic tradition. The main question is: when and under which circumstances quotes from the Prolog in the South-Slavic redaction were included into the composition of Bulgarian and Serbian Menaea (Menologia), both of service and festal ones. The study of Serbian manuscript tradition – as a better represented one – permits to ascribe this process to the early thirteenth century and to attribute it to the activities of the first Serbian archbishop St. Sava.

Ключевые слова: русско-южнославянские связи, древнейший перевод Пролога, Минеи служебные и праздничные, Эвергетидский устав.

В истории русско-южнославянских книжно-литературных связей XII–XIII вв. (так называемое первое восточнославянское влияние (ПВсВ¹)) особое место занимает Пролог – сборник кратких житий святых, расположенных в порядке церковного месяцеслова с сентября по август и предназначенных для чтения в церкви на богослужении после 6-й песни канона. Собственно именно с него, после наблюдений, сделанных А.Х. Востоковым в 1830–1840-х годах над русскими житиями в составе сербских списков памятника и над лексикой перевода [8. С. 538–541; 9. С. 447–454], и началось изучение этого культурно-исторического феномена, хотя в полной мере он был осознан и осмыслен как таковой только в первой четверти XX в., в результате трудов М.Н. Сперанского [1]. Последнему принадлежит и наиболее вероятное объяснение происхождения перевода сборника на славянский: поскольку в лексике памятника наблюдается сочетание русизмов и болгаризмов

Турилов Анатолий Аркадьевич – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

¹ См. о нем, к примеру, [1; 2. С. 53–67; 3. С. 64–84; 4–5; 6. С. 162–167, 170–171; 7].

[1. С. 40–42; 10. С. 29–40], он был переведен группой книжников, среди которых были и восточные славяне и болгары².

Эта взвешенная и продуманная гипотеза опирается, как известно, помимо особенностей лексики перевода, на бóльшую древность русской традиции памятника сравнительно с южнославянской³ и на то обстоятельство, что все полные болгарские и сербские списки этой редакции Пролога содержат жития русских святых⁴ при отсутствии южнославянских житий в русских. Однако на рубеже прошлого и нынешнего тысячелетий она стала объектом ожесточенной критики со стороны болгарских филологов, отстаивающих, как нетрудно догадаться, точку зрения о болгарском же происхождении перевода⁵ (библиографию работ по этому вопросу см. [10. С. 29–32])⁶. Рассмотрению исторических и историко-культурных аргументов болгарских исследователей я планирую посвятить отдельную работу в продолжение наблюдений С.Ю. Темчина [11. С. 212–216], лингвистическая же ситуация (как, впрочем и ряд культурно-исторических аспектов проблемы) подробно и убедительно разобрана на основании предшествующих работ отечественных исследователей в недавней книге О.В. Лосевой [10. С. 28–45]⁷.

В целом можно констатировать, что в изучении Пролога у южных славян проблема происхождения его перевода заслоняет собой ряд других аспектов его ранней истории, и в частности таких, которые в конечном итоге могут быть полезны для решения ключевого вопроса. Рассмотрению некоторых из них и посвящена данная статья.

а) Новые южнославянские списки нестихиного Пролога XIV–XVI вв.

Корпус южнославянских списков XIII–XIV вв. Пролога в древнейшем переводе можно считать к настоящему времени вполне устоявшимся (перечень полных списков см., к примеру, [3. С. 32–34; 4. С. 459–460; 10. С. 53; 15. С. 39–56]), хотя нельзя исключить в дальнейшем находок (или, точнее, атрибуции) рукописей

² По поводу места выполнения этого перевода в литературе нет единого мнения – см. [1. С. 41; 11. С. 212–216; 10. С. 33–35, 41–42].

³ Помимо давно известного в науке списка Софийского собрания РНБ, № 1324, житийная часть которого датируется рубежом XII–XIII вв. [12. С. 177–178. № 162], к тому же времени относятся сравнительно недавно открытые Таллинские отрывки (Таллин, БАН Эстонии, 24060, 24061, 24062) [13. Прилож. 2. С. 647–648, № д54–д56], отражающие позднейшую пространную редакцию памятника, возникшую на восточнославянской почве и неизвестную (во всяком случае в целостном виде – см. ниже) у южных славян. Старший южнославянский (среднеболгарский) список, дошедший в отрывках (Москва, РГБ, собр. В.И. Григоровича, № 23; София, НБКМ, № 551), может быть датирован около середины XIII в. (причем в литературе принята еще более поздняя датировка – второй половиной этого столетия [12. С. 314. № 378]; все остальные датируются не ранее рубежа XIII–XIV вв.

⁴ См. о них подробнее, к примеру, [1. С. 23–27, 36–42; 2. С. 34–40; 14. С. 10–13; 15].

⁵ Промежуточную позицию занимают в этом вопросе македонские исследователи, считающие, что первоначальный перевод Пролога был выполнен у южных славян, но существующая южнославянская рукописная традиция прошла через древнерусское посредство (см., например, [16. С. 14–15]).

⁶ Впрочем, побочным положительным следствием этой откровенно непродуктивной, на мой взгляд, критики явилась публикация трех болгарских списков Пролога [16–18], сделавшая их доступными широкому кругу исследователей.

⁷ Автор обратила внимание, что в ряде южнославянских списков сборника (и, в частности, опубликованном Лесновском или Станиславовом списке 1330 г. [17. С. 196]) в житии Марка, епископа Арефусийского (29 марта) для перевода греческого слова, означающего мелкую монету («обол»), использовано слово «щеляг» («яко единого щеляга дам вам») [10. С. 32], восходящее к германскому *skilliggs, scilling*; оно неизвестно в южнославянских памятниках, но достаточно распространено в русских текстах XI–XII вв. [19. Стб. 115–116]. Весьма показательным, что слово не было опознано публикаторами, предложившими в данном случае неверную разбивку текста («яко единого щьяла гадам вам») [17. С. 196]. Помимо Станиславова Пролога оно обнаружено О.В. Лосевой в сербском Прологе начала XIV в. (РГБ, собр. Н.П. Румянцева № 314), а я нашел его также в списке Ковачевича [16. Л. 139 об.] и в болгарском списке 1339 г. РНБ, собр. М.П. Погодина, № 58 (благодаря любезности Ж.Л. Левшиной, наведшей справку по рукописи)

XVI–XVII вв.⁸, подобных Прологу Симона 1560 г. (см. ниже), выступающих раритетами на фоне абсолютно господствующей стилизированной редакции, переведенной в XIV в.⁹ В сущности, за последние полвека из древних списков в научный оборот был введен лишь сербский отрывок Погодинского собрания № 463А второй половины XIII в. [21. С. 266–268, № 58; 12. С. 316, № 381] и «гибридный» Николацкий (см. ниже). Правда, в это время был возвращен в научный оборот [22] и издан фототипически [16] список Ковачевича второй четверти XIV в. (Белград, НБС, Рс 705), долгое время считавшийся утраченным, и введен как полноправный памятник список 1560 г. дьяка Симона (Сербия, Сремска Митровица, Музей церковного искусства, № 323 / Кувежин, № 189) вместе с выписками из него славянских житий, сделанными П.И. Прейсом [14]. Последний, как показало исследование К. Ивановой, несмотря на позднюю датировку имеет (помимо присутствия в нем уникального списка «Успения Мефодия») большое значение для текстологии сокращенного жития Феодосия Печерского, содержащегося в ряде южнославянских списков Пролога [14. С. 11–12]; это обстоятельство лишний раз подчеркивает ту роль, которую могут играть поздние списки древних памятников в текстологических исследованиях.

Пожалуй, наиболее необычным выглядит сербский список третьей четверти XIV в. (о датировке см. [23. С. 169, 221, 232, 267, 280, 299; Сл. 1, 50, 204, 260, 342]) из монастыря Николац на Белом поле (Черногория), № 34, описанный Г. Петковым в процессе подготовки его монографии о Стишном Прологе [20. С. 26–37]. Хотя этот Пролог написан одним писцом на бумаге одного времени, начальная его часть – с 11 сентября (самое начало кодекса утрачено) по 18 октября включительно содержит древнейший перевод, а далее, до конца декабря (список охватывает четыре месяца), следует стилизованная редакция. Появление такого гибридного списка скорее можно было бы ожидать в XVI–XVII вв., когда писцы в малых книжных центрах, ограниченные в выборе оригиналов, вынуждены были использовать то, что имели под рукой, а не в относительно спокойную еще эпоху самого кануна османского завоевания славянских Балкан, когда, с одной стороны, Стишный Пролог уже получил достаточно широкое распространение в рамках общей смены богослужебного устава, а с другой – древнейший перевод сборника был еще достаточно недавним и памятным прошлым. Эта не вполне стандартная ситуация находит, впрочем, соответствие (и тоже достаточно ограниченное примерами) в сербских служебных и праздничных Минеях (см. ниже). Соединение двух редакций Пролога в Николацкой рукописи носило не чисто механический, а в какой-то мере творческий характер. По наблюдениям Г. Петкова [20. С. 26–37], в начальной (нестилизованной) части рукописи житиям предшествуют не тропари, как можно было бы ожидать, а проложные стихи в особой редакции перевода.

б) Проложные чтения в составе служебных и праздничных Миней

Данный сюжет поразительным образом оказался обойден вниманием исследователей русско-южнославянских книжно-литературных связей, начиная с М.Н. Сперанского¹⁰, при том, что он является чрезвычайно важным для изучения судьбы восточнославянского наследия у южных славян, а материал, относящийся к нему, имеет вполне массовый характер (см. ниже), почти не уступая по количеству списков Евангелиям и Апостолам, содержащим памяти русских святых в ме-

⁸ Разумеется, возможны также находки и атрибуции фрагментов XIII–XIV вв.

⁹ О стилизованной редакции Пролога см. подробнее [20].

¹⁰ Весьма показательным в этом смысле отсутствие – в отличие от Пролога – Миней служебных и праздничных (за исключением отмеченного ниже набора) даже в наиболее полном на сегодняшний день опубликованном перечне южнославянских рукописей, отражающих ПВсВ [4. С. 443, 458–459].

сяцесловах¹¹. В связи с «первым восточнославянским влиянием» Минеи служебные и праздничные обычно упоминаются в литературе лишь в тех случаях, когда они содержат службу Борису и Глебу (ГИМ, Хлуд. 156 и 160; Дечаны, № 32 [25], София, НБКМ, № 113 [15. С. 35]) или проложное житие князя Феодора-Мстислава Владимировича (ГИМ, Хлуд. 154), либо обнаруживают правописные русизмы (Миней Братка (или Браткова миней) – Белград, Народная библиотека Сербии, Рс 647 [4. С. 443, 458]).

При этом как бы остается за скобками то обстоятельство, что южнославянские служебные и праздничные Минеи, содержащие чтения (жития и сказания) из нестишного Пролога после 6-й песни канона¹², сами по себе, без дополнительных древнерусских текстов или следов орфографии, являют знаменательный пример адаптации восточнославянского перевода к новой культурно-исторической обстановке и представляют в этом плане достаточно обширное поле для исследований.

Причины подобного невнимания кроются в сочетании следующих факторов. С одной стороны, на протяжении всего XIX и большей части XX ст. светские филологи-палеославы в большинстве своем весьма редко обращались (гораздо реже, чем к библейским книгам, в особенности к Евангелиям) к литургическим книгам, каковыми являются Минеи служебные и праздничные, если те не содержали служб национальным святым или не обладали какими-то исключительными языковыми характеристиками (позитивизм и государственный атеизм в данном случае тесно смыкались). С другой стороны, для южнославянских исследователей несомненно играла свою роль кажущаяся обыденность явления¹³, поскольку и до распространения Иерусалимского устава (ок. середины XIV в.) и в особенности позднее Минеи с проложными чтениями явно составляют большинство списков (так что впору скорее особо отмечать рукописи, их не содержащие)¹⁴ – разница лишь в том, какой Пролог (в древнейшем переводе или же стишной) в них использован. Поэтому в каталогах и описаниях южнославянских рукописей, вышедших

¹¹ В настоящее время по моим подсчетам учтено 23 южнославянских списка Евангелия и 11 – Апостола XIII–XIV вв., содержащих памяти русских святых и праздников в месяцесловах, причем в это число не входят рукописи, включающие только памяти освящения церкви св. Георгия под 26 ноября и перенесения мощей Николая Чудотворца (9 мая), поскольку их присутствие (в особенности первого праздника) может иметь и другое объяснение; ср. также существующие наиболее полные перечни южнославянских рукописей с русскими памятниками в месяцесловах [4. С. 442, 456–458; 15. С. 31–34; 24. С. 93–94, 97–98, 100, 101, 103, 105, 108].

¹² Речь идет, разумеется, лишь о тех списках Миней, которые содержат краткие жития в той же редакции перевода, что и полные списки нестишного Пролога. Особый случай в этом отношении, представленный в настоящее время единственным примером, являет среднеболгарская Палаузовская Минея праздничная первой половины – середины XIV в. (основная часть рукописи – РНБ, Ф.п.1.72; две тетради из нее (к которым в литературе, собственно, традиционно и прилагается название) – БАН, 24.4.11; отождествление частей – В.М. Загребина). Входящие в ее состав особо краткие проложные жития (например, Романа Сладкопевца, Дионисия Ареопита, мучеников Маркиана и Мартирия, Козьмы и Дамиана, великомученицы Екатерины, мученика Филимона, и др.) и сказания (например, о перенесении Нерукотворного образа из Эдессы в Константинополь на л. 10–11 части БАН) восходят, по мнению О.В. Лосевой, определяющей их как «агиографические заметки» [10. С. 53. Примеч. 169], к иному греческому источнику и поэтому составляют самостоятельную исследовательскую проблему.

¹³ В какой-то мере именно этим обстоятельством можно объяснить, вероятно, отсутствие упоминания проложных чтений в анализируемых рукописях (большинство из которых их содержит) в недавно вышедшем исследовании, посвященном особенностям богослужения в сербской Церкви на рубеже XIII–XIV вв. [26. С. 351–352], при том, что сам собой напрашивается вопрос о связи между внесением в Минеи житий и статей богослужебного устава.

¹⁴ Примером такого последовательного указания на отсутствие в Минеях проложных чтений может служить обстоятельное описание Х.Н. Кодова [27].

до 1960-х годов (а порой и позже), наличие/отсутствие проложных чтений в служебных и праздничных Минеях отмечено далеко не всегда¹⁵.

Вопрос о месте включения проложных житий в состав Миней – Русь или славянские Балканы – решается со всей очевидностью в пользу второго варианта. Общеизвестно, что в восточнославянской традиции до XV в. подобные минеи (включающие хотя бы единичные проложные чтения) отсутствуют (что особенно заметно на фоне неплохой сохранности древнерусского минейного корпуса XI–XIV вв., хотя и ограниченного регионально в массе своей списками новгородского и псковского происхождения). Правда, в украинско-белорусских списках XVI–XVII вв. служебные Минеи с проложными чтениями изредка встречаются (в великорусских они отсутствуют и в этот период) – таковы, например, тома на май (Румыния, Брашов, Шкеянский музей при Никольской церкви, № 10, XVI в.¹⁶ [30. С. 90–91]) и на февраль и июль (РГБ, Музейное собр. (ф. 178), № 3176, кон. XVI – нач. XVII в. [32. С. 64–65]), и др. То есть в принципе можно было бы допустить существование региональной архаичной традиции, восходящей к домонгольскому времени, тем более, что некоторые основания для этого имеются: достаточно вспомнить западноукраинские списки Пролога конца XVI – раннего XVII в., включающие сказание о принесении в Киев перста Иоанна Предтечи, написанное в начале XII в. [10. С. 227–229, 340–341]. Однако упомянутые западнорусские списки второй четверти XIV в. Миней явно отражают более поздний этап формирования славянского Пролога, не засвидетельствованный в полном виде южнославянской традицией, поскольку они включают не только житийные, но и учительные статьи (например притчу из «Повести о Варлааме и Иоасафе» и «Слово о черноризце Дамиане» из Киево-Печерского патерика в рукописи РГБ [32. С. 65]). Поэтому вероятнее видеть в них не реликт древней традиции, а результат контактов XV – начала XVI в. с молдавской книжностью, в которой Миней без проложных чтений (хотя и в иной – стишной – редакции) неизвестны¹⁷. Поэтому нет оснований сомневаться, что включение чтений из Пролога в состав служебных миней произошло у южных славян.

В совокупности известно (с учетом отрывков), вероятно, около трех с половиной десятков сербских (по преимуществу) и болгарских списков таких Миней¹⁸. Вот по возможности полный, хотя и явно не исчерпывающий¹⁹, их перечень (рукописи расположены в хронологической последовательности по языковым изводам, а внутри нее в порядке сентябрьского церковного года²⁰):

¹⁵ Так, из приведенного ниже перечня болгарских и сербских Миней служебных и праздничных указания на наличие в них проложных житий отсутствует в описаниях для № 2, 3, 16, 18 в разделе А, 2 и 9 в разделе Б. В большинстве случаев по кратким описаниям [28. С. 42–47. № 132–140; 29. С. 16–18. № 62, 63, 65] невозможно установить наличие или отсутствие проложных чтений в минеях XIII–XIV вв. старого собрания Народной библиотеки Сербии, погибшего во время фашистской бомбардировки Белграда в апреле 1941 г.

¹⁶ В литературе рукопись определяется как молдаво-валашская, написанная по среднеболгарской орфографии с некоторым числом русизмов [30. С. 90–91; 31. С. 133]. Это, однако, явное недоразумение, поскольку никаких следов бытования нестишного Пролога в славяно-румынской (славяно-молдавской) письменной традиции не засвидетельствовано (об отражении в ней древнерусских памятников см.: [33. С. 141–142, 160, 158–159]).

¹⁷ Характерно при этом, что молдавские служебные минеи стали для украинско-белорусских лишь образцом (моделью), а не источником проложных чтений. Причина этого коренится, по всей видимости, в гораздо большей распространенности древнейшего перевода Пролога по сравнению со стишным в восточнославянской (и в особенности именно в украинско-белорусской) традиции XV–XVI вв. (см.: [34. С. 341, 347]).

¹⁸ Здесь уместно напомнить, что число южнославянских списков нестишного Пролога (включая сюда отрывки и сборники на его основе) составляет 19 единиц.

¹⁹ Например, без обращения к рукописям неясна ситуация с отрывками сербских служебных миней XIII–XIV вв. из собрания Народной библиотеки Кирилла и Мефодия в Софии, № 514–518, 520 [35. С. 49–51].

²⁰ Далее ссылки на рукописи, перечисленные в перечне, даются преимущественно в сокращенном виде: раздел, подраздел, номер.

А) Минеи служебные

а) болгарские:

1) Минея служебная, июнь–август. Вторая половина XIII в. 114 л. (без начала и конца) – Болгария, София, НБКМ, № 113 [36. С. 83–85; 15. С. 187–190, 197–198].

2) Минея служебная, июль–август. Отрывки. Кон. XIII (?) – первая половина (четверть?) XIV в.²¹ 3 л.²² – Болгария, София, НБКМ, № 114 [36. С. 85; 37; 38. С. 165].

3) Минея служебная (с отдельными проложными житиями), январь–март. Первая половина (треть?) XIV в. 223 л. (без конца) – Москва, ГИМ, собр. А.И. Хлудова, № 152 [39. С. LVII–LX, CVII–CXXXII; 40. С. 3–16; 41. С. 40–41. № 33].

б) сербские:

4) Минея служебная, декабрь. Конец XIII (?) – начало XIV в. 102 л. – С.-Петербург, РНБ, Ф. п. I. 70 [12. С. 355. № 456; 13. Прилож. 1. С. 589].

5) Минея служебная, ноябрь. Отрывок. Конец XIII (?) – начало XIV в. 2 л. – Москва, ГИМ, собр. П.И. Щукина, № 46 [12. С. 263. № 271; 13. Прилож. 1. С. 575].

6) Минея служебная, январь. Конец XIII (?) – начало XIV в. 63 л. (без начала и конца). – Болгария, София, Церковный историко-археологический ин-т, № 403 [42. С. 14–17].

7) Минея служебная, февраль. Отрывок. Конец XIII (?) – начало XIV в. 2 л. – Греция, Афон, Пантелеймонов м-рь, Слав. 76 [43. С. 55–56. № 1].

8) Минея служебная, март–август. Конец XIII (?) – начало XIV в. 322 л. (без начала и конца). – Москва, ГИМ, собр. П.И. Щукина, № 48 (8 л.); собр. А.И. Хлудова, № 156 (314 л.) [39. С. LX, LXV, CXXV–CXXVII; 12. С. 266. № 279; 41. С. 41–42. № 34; 13. Прилож. 1. С. 575. № 279; Прилож. 2. С. 628–632. № д41].

9) Минея служебная, сентябрь–февраль («Минея попа Георгия»). Начало XIV в. (ок. 1315 г?). 304 л. (без конца). – Москва, РГБ, собр. В.М. Ундольского (ф. 310), № 75 [42. С. 13–14; 44. С. 74–76].

10) Минея служебная, декабрь. Начало XIV в.²³ 174 л. (без начала и конца). – Греция, Афон, м-рь Хиландарь, № 608 (168 л.); Москва, РГБ, собр. В.И. Григоровича, № 43 (6 л.) [45. С. 214; 46. С. 134–135; 47].

11) Минея служебная, декабрь–февраль. Начало XIV в. 99 л. (без начала и конца). – Болгария, София, НБКМ, № 895 [48. С. 65].

12) Минея служебная, март–апрель. Начало XIV в. 158 л. (без начала и конца). – Москва, ГИМ, собр. А.И. Хлудова, № 154 [49. С. 308–310].

13) Минея служебная, сентябрь–ноябрь. Первая треть XIV в. (ок. 1315 г?). 283 л. – Израиль, Иерусалим, Б-ка Греческого патриархата, Слав. 4 [50. С. 9–10; 51. С. 82–83].

14) Минея служебная, [март]–июль²⁴. Первая треть (?) XIV в.²⁵ (датировка М. Стоянова на защитном листе кодекса – 1320 г.). 100 л. (без нач. и кон.). – Болгария, София, Церковный историко-археологический ин-т, № 501²⁶.

²¹ В литературе рукопись принято датировать XIII в. [36. С. 85; 37], однако то обстоятельство, что ее писец надежно отождествляется с одним из писцов Псалтыри («Песнивец») царя Иоанна-Александра 1337 г. [38. С. 165] естественным образом сдвигает допустимый нижний предел датировки по крайней мере к рубежу XIII–XIV столетий.

²² Порядок листов в единице хранения нарушен, правильная их последовательность – л. 2об., 2, 1, 3 [37. С. 61].

²³ Обоснование датировки именно этим временем, а не концом XIII в. см. [46. С. 134–135].

²⁴ Рукопись начинается службой на 29 мая, но перед этим – судя по нумерации – утрачено 18 тетрадей (144 л.).

²⁵ Почерк второго писца рукописи, которым написаны л. 58–97, очень близок к почерку основного писца Никодимова типика 1319 г., хотя, возможно, и не идентичен ему.

²⁶ Пользуюсь случаем сердечно поблагодарить коллегу Хр. Темельского за помощь в получении копии рукописи.

15) Минея служебная с проложными житиями, май–июнь («Минея попа Гюрга»). Первая треть XIV в. 67 л. (без начала и конца). – С.-Петербург, БАН, 4. 5. 10 [52. С. 31–39; 12. С. 267. № 281; 13. Прилож. 1. С. 576].

16) Минея служебная, июль–август. Первая треть XIV в.²⁷ 141 л. – Сербия, монастырь Высокие Дечаны, № 32²⁸ [24].

17) Минея служебная, сентябрь–ноябрь. 1320–1330-е годы 112 л. (без начала и конца). – Сербия, Белград, Архив САНУ, № 58 [53. № 48; 26].

18) Минея служебная, октябрь. Отрывки. Первая половина XIV в. 4 л. – Москва, ГИМ, собр. А.И. Хлудова, № 13, л. 293–294 (защитные); С.-Петербург, РНБ, собр. П.П. Вяземского, F 124/7 (2 л.) [54. С. 105; 55. С. 134–135].

19) Минея служебная, июль–август. Первая половина XIV в. 160 л. – Москва, ГИМ, собр. А.И. Хлудова, № 160 [49. С. 314–315; 4. S. 458].

20) Минея служебная (по Иерусалимскому уставу), сентябрь–октябрь. Вторая четверть XIV в. 103 л. (без начала и конца). – Греция, Афон, Пангелеймонов м-рь, Слав. 80 (2 л.); Сербия, Белград, НБС, Рс 5 (101 л.) [56. С. 7–10; 43. С. 59–61. № 5].

21) Минея служебная, октябрь–декабрь. Сер. (?) XIV в. 75 л. (без начала и конца). – Хорватия, Загреб, Национальная и университетская библиотека, R 4187 [57. С. 188–191. № 13; 58. С. 120–121, 133–134].

Б) Минеи праздничные

а) болгарские

1) Минея праздничная («Драганова минея», «Зографский трефологий»). Вторая половина (конец?) XIII в. л. – Греция, Афон, Зограф, № (219 л.); Москва, РГБ, собр. В.И. Григоровича, № 42 (2 л.); С.-Петербург, РНБ, Q.п.1.40 (3 л.) [12. С. 301–302. № 356–357; 59. С. 468–475; 60. С. 212–214; 61. С. 52. № 54].

2) Минея праздничная, февраль (?)–август. Третья четверть (конец?) XIV в. 252 л. – Болгария, София, НБКМ, № 896 [48. С. 65–66; 62. С. 66].

3) Минея праздничная, сентябрь–февраль («Самоковская минея»). Конец XIV (?) – начало XV в. 179 л. (без начала и конца) – Болгария, София, Б-ка Болгарской АН, № 23 [27. С. 44–48].

б) сербские

4) Минея праздничная, со службами Троицы цветной и торжественными словами. Отрывок. Вторая половина XIII в. 10 л. – Болгария, Пловдив, Народная б-ка «Иван Вазов». № 144 [63. С. 17–18].

5) Минея праздничная со службами Троицы цветной («Минея Томича», «Николина минея»). Конец XIII (?) – начало XIV в. 100 л. (без конца). – Москва, ГИМ, Музейское собр., № 2835 [26. С. 352].

6) Минея праздничная, март–август (частично с проложными чтениями), проложные жития и Сборник слов и житий. Первая половина XIV в. (не позднее 1345 г.)²⁹. 254 л. (без конца). – Москва, ГИМ, собр. А.И. Хлудова, № 162 [41. С. 44–45, № 38; 49. С. 316–344; 64. С. 311–313].

7) Минея праздничная. Первая половина (?) XIV в. 261 л. (без начала) – Сербия, Белград, Народная б-ка Сербии, старое собр., № 810³⁰ [29. С. 16–17, 269. № 62].

²⁷ В литературе рукопись датируется обычно концом XIII в.

²⁸ Собрание в настоящее время находится на депозитном хранении в Народной библиотеке Сербии.

²⁹ В литературе рукопись принято датировать концом XIV в., однако и по палеографическим признакам и по упоминанию в песнопениях «краля нашего» (т.е. явно до принятия Стефаном Душаном царского титула) она относится, вероятнее всего, к первой половине (возможно, второй четверти) этого столетия.

³⁰ Рукопись погибла в апреле 1941 г. во время фашистской бомбардировки Белграда. О наличии в ней проложных чтений явствует из описания С. Матича, однако ни число их, ни регулярность употребления не известны.

8) Миняя праздничная особого состава, сентябрь–декабрь. Первая половина – середина XIV в. 133 л. (без начала и конца). – Украина, Одесса, Государственная научная б-ка, № 1/101 [65. С. 161–170].

9) Миняя праздничная, сентябрь–декабрь. Середина – третья четверть XIV в. 200 л. (без конца). – Москва, ГИМ, собр. А.И. Хлудова 163 [41. С. 46. № 39; 49. С. 344–345].

10) Миняя праздничная, август. Конец XIV – начало XV в. (?). 60 л. (без начала и конца). – Москва, ГИМ, собр. А.И. Хлудов, № 171 [41. С. 50–51. № 43; 66. С. 22].

Перечисленные выше списки Миней, как служебных, так и праздничных, представляют в отношении проложных чтений картину весьма неоднородную, что особенно заметно на фоне их достаточной хронологической близости (временной разрыв между подавляющим большинством рукописей не превышает 50–60 лет). Начать рассмотрение их особенностей уместно со служебных миней (группа А), на материале которых легче проследить определенные закономерности, а внутри этого типа литургических книг – с рукописей сербского извода (подгруппа Аб) как более репрезентативных по количеству списков. Несомненно, со временем, при более обстоятельном изучении рукописной традиции, эти наблюдения будут уточнены и детализированы, однако уже сейчас можно отметить следующее:

1. В структурном отношении чтения (жития и сказания) из древнейшего перевода Пролога располагаются в сербских служебных минеях только внутри служб, после 6-й песни канона. Этим они отличаются от позднейших миней по Иерусалимскому уставу, где жития в редакции Стишного пролога (переведенные непосредственно в составе миней [67. С. 152–164; 68. С. 173–184]) могут размещаться либо аналогичным образом, либо единым блоком в объеме соответствующего месяца в конце книги, после служб.

2. Списки сербских доиерусалимских служебных миней конца XIII – первой половины XIV в. могут существенно различаться между собой в отношении набора и числа проложных чтений. В некоторых списках, таких как Иерусалим, Слав. 4 (Аб 13)³¹, «Миняя попа Гюрга» (Аб 15) [52. С. 31–39] или ГИМ, Хлуд. 160 (Аб 19), могут содержаться все жития и памяти, полагающиеся на этот день³² (в первой из этих рукописей полный набор статей и памятей читается с начала тома по середину октября, далее на каждое число дается по одному житию), но чаще дело ограничивается одним житием в день³³, причем не всегда того святого, которому посвящена служба [13. Прилож. 2. С. 630; 69. С. 4–5]. Наконец, своеобразный промежуточный вариант представляют в этом смысле рукописи София, ЦИАИ, № 403 (Аб 6) и Белград, САНУ, № 58 (Аб 17). Здесь помимо одного чтения на каждый день помещаются все памяти, приходящиеся на данное число.

Вопрос о том, какой из этих вариантов первичен, а какой вторичен, вызывает, в общем-то, мало сомнений. Трудно представить, чтобы сначала была сделана выборка житий из Пролога для Миней, а затем она вторично была дополнена исключенными житиями, причем в полном соответствии с их расположением в исходном сборнике. Поэтому с большой степенью уверенности можно полагать, что первоначально в сербских служебных минеях помещались все чтения дня, а затем

³¹ Пользуюсь случаем сердечно поблагодарить коллегу Климентину Иванову (Болгария) за возможность работать с фотокопией этой труднодоступной рукописи.

³² Как уже сказано выше, подобная особенность хорошо известна по позднейшим минеям Иерусалимского устава, независимо от того, даются ли проложные чтения (в этом случае уже из стишной редакции) в составе служб, или же блоком в конце тома.

³³ Таковы списки РНБ, Ф.п.1. 70 (Аб 4), ГИМ, Щук. 46 (Аб 5), ГИМ, Хлуд. 156 + Щук. 48 (Аб 7), Пант. Слав. 76 (Аб 8), РГБ, Унд. 75 (Аб 9), София, ЦИАИ, № 501 (Аб 14), ГИМ, Хлуд. 13 + РНБ, Вяз. F 124/7 (Аб 18), Белград, НБС, Рс 5+ Пант. Слав. 80 (Аб 20), Загреб, Нац. и университетская б-ка, № R 4187 (Аб 21). Соответствующей информацией о списках Хиландар, № 608 (Аб 10) и София, НБКМ, № 895 (Аб 11) я не располагаю.

этот набор подвергся существенному сокращению переписчиками (возможно, по желанию заказчиков), причем не во всех случаях одинаково. Несомненно, должно было сыграть свою роль и то обстоятельство, что при достаточном распространении на славянском Юге Пролога как самостоятельной книги жития из него в составе служебных миней представляли материал явно избыточный³⁴.

3. Нет, кажется, сомнений в том, что включение проложных житий в состав служебных миней в Сербии не являлось исходно частной инициативой, а было официально санкционировано церковными властями (точнее, высшей церковной властью). Ряд рукописей сербских служебных миней, включенных в перечень, представляют собой экземпляры, написанные для епископских кафедр³⁵ (либо, по крайней мере, списки с них, скопированные не очень внимательно). К их числу относятся, к примеру, списки София, ЦИАИ, № 403 (Аб 6), ГИМ, Хлуд. 156 + Щук. 48 (Аб 7), Иерусалим, Слав. 4 (Аб 13) и «Минея попа Гюрга» (Аб 15)³⁶. Все они после заголовков проложных житий содержат обращение чтеца не к игумену либо настоятелю храма («Благослови, отче»), а к архиерею («Благослови, владыко»)³⁷.

4. Ключом к пониманию времени и обстоятельств появления проложных чтений в составе сербских служебных Миней является, на мой взгляд, присутствие в тех же рукописях (или, во всяком случае, в большинстве из них) [26. С. 351–354, 356–357; 47; 62. С. 66, 68–69; 75. С. 361–363; 76. С. 382] (ср. [77]) пространных уставных указаний, заимствованных из перевода богослужебной части устава монастыря Богоматери Эвергетиссы в Константинополе³⁸. Точнее, пожалуй, следует говорить даже, что богослужебная часть данного типика в полном виде разнесена в этих Минеях под соответствующими календарными датами³⁹. Можно думать по-

³⁴ Разумеется, «избыточность», как и «достаточность», могут восприниматься средневековым книгописцем (а равно и его заказчиком) и современным исследователем весьма по-разному. Здесь, думаю, достаточно будет упомянуть пример болгарской Минеи служебной Париж, Нац. б-ка, Слав. 23, почти современной рассматриваемым здесь рукописям (вторая четверть XIV в.), хотя и относящейся уже к иерусалимской традиции. Кодекс содержит чрезвычайно обширный успенский цикл, со службами на попразднство вплоть до «отдания» праздника (23 августа), занимающий в общей сложности около 20 листов из 144-х. Однако эта пространный объясняется почти исключительно тем, что в рукописи четверократно (помимо службы на сам праздник) повторены абсолютно одинаковые тексты канонов Иоанна Дамаскина гласа 4-го (в службах на 17, 19, 21 и 23 августа) и Козьмы Маюмского гласа 1 (в службах на 16, 18, 20 и 22) [70. С. 340–341].

³⁵ Здесь, вероятно, уместно будет напомнить, что центрами новоучрежденных при создании автокефальной церкви (1219 г.) епископий в Сербии являлись по преимуществу не города, число которых было незначительно, а крупные монастыри [71. С. 73–79; 72; 73].

³⁶ Попутно стоит отметить, что это обстоятельство составляет весомый дополнительный аргумент против того, чтобы считать «Минею попа Гюрга» (Аб 15) и «Минею попа Георгия» (РГБ, Унд. 75 – Аб 9) частями одного комплекта, как это предполагал ранее Н.Б. Тихомиров, считавший, что вполне соименные Гюрг и Георгий могут быть одним лицом [13. Прилож. 1. С. 576. № 281; 74. С. 483], так как в последней рукописи устойчиво используется формула «Благослови, отче».

³⁷ Иногда ситуация с формой этого обращения в конкретных рукописях может быть весьма неоднородной. Например, в списке ГИМ, Хлуд. 160 (Аб 19), в работе над которым принимали участие несколько писцов, приблизительно в равной степени представлены и «владыко», и «отче», и примеры отсутствия какого бы то ни было обращения (причем это не всегда соотносится со сменой почерков), а на листах 105 об. – 113 писец, возможно, устав от колебаний, использовал формулу: «Господи, благослови».

³⁸ Публикацию полной (в объеме сохранившейся части рукописи Хиландар, № 608 (Аб 10), без московских ее отрывков) выборки этих уставных указаний с параллельным греческим текстом см. [47. С. 156–176].

³⁹ Собственно, в данном случае мы имеем дело с ситуацией, когда один памятник (богослужебная часть Эвергетидского типика) стал неотъемлемой частью другого (сербских Миней служебных). Как самостоятельный текст литургическая часть славянского перевода этого устава (в отличие от дисциплинарной – см. ниже) известна в единственном сербском списке первой (?) половины XIII в. из библиотеки монастыря Св. Екатерины на Синае (Слав. 14–Н, л. 125–175), обнаруженном и описанном лишь сравнительно недавно [78. С. 134–140; 199, pl. 15] и до сих пор, в сущности, не исследованном. Пользуюсь случаем поблагодарить коллегу Т. Суботин-Голубович (Белград), указавшую мне в свое время эту рукопись.

этому, что дополнение сербских служебных миней из этих двух источников было произведено одновременно и в одном центре⁴⁰. Перевод Эвергетидского устава надежно связывается в исследовательской литературе с деятельностью св. Саввы Сербского, использовавшего дисциплинарную часть этого типика при создании уставов основанных им Хиландарского монастыря и кельи Саввы Освященного в Карее [79. С. VIII–XIII; 80. С. 147–148; 81. С. XIV–XXI] (кон. 1190-х годов), и «задужбины» его отца (великого жупана Стефана Немани – св. Симеона Сербского), сербского монастыря («великой лавры») Студеница [80. С. 149; 82. С. 288, 291] (1208). Во время длительного пребывания на Афоне (1191–1206 (с перерывами), 1216/1217–1219) св. Савва неоднократно имел возможность познакомиться (и прежде всего, в русском Пантелеймоновом монастыре, где он принял постриг) и со славянским переводом Пролога, и с его употреблением в литургическом обиходе. Логично предположить поэтому, что включение литургической части Эвергетидского устава и проложных житий в сербские служебные Миней связано с учреждением в 1219 г. автокефальной сербской церкви и являлось частью программы⁴¹ ее первого предстоятеля (св. Саввы), направленной на упорядочение и унификацию богослужебной практики в новой церковной организации⁴². Во всяком случае, источники молчат о каких-либо реформах в богослужении сербской церкви в более позднее время, вплоть до 1319 г., когда по инициативе архиепископа Никодима на Афоне был переведен Иерусалимский устав. Переход на новый устав в Сербии произошел далеко не сразу (что видно уже из датировок рассматриваемых списков), затянувшись примерно на четверть века, и не сопровождался резким разрывом с предшествующей традицией. В ходе смены устава возникали порой гибридные варианты богослужебных книг, подобные Минее служебной на сентябрь–октябрь, Афон, Пант. Слав. 80 + НБС, Рс 5 (Аб 20), где в новый перевод служб [56. С. 7–10; 43. С. 59–61, № 5] включены старые проложные жития (см. также ниже раздел о праздничных Минеях).

5. Ситуация с болгарскими служебными Минеями, содержащими проложные чтения, выглядит несравненно менее ясной и определенной. Это происходит, с одной стороны, из-за скудости сведений по истории болгарской церкви и организации богослужения в ней по крайней мере до рубежа XIII–XIV вв., а с другой – из-за

⁴⁰ Отсутствие в некоторых из списков Миней служебных (месячных), содержащих выписки из Эвергетидского устава, проложных житий (например, София, Б-ка Болгарской АН, № 19 [27. С. 39]), не может служить решительным препятствием для такого предположения, поскольку оно (отсутствие) могло возникнуть в результате полного исключения этих чтений, признанных (писцом или заказчиком книги) избыточными на очередном этапе переписки ввиду наличия Пролога как отдельной книги в определенном монастыре или храме.

⁴¹ Другая ее часть заключалась в обеспечении новой церкви каноническими, церковно-правовыми и епитимийными текстами на славянском языке, с чем связан перевод Номоканона с толкованиями («Святосавской кормчей») и переписка в окружении новопоставленного архиепископа «многих законных книг» (о возможном содержании последних см., к примеру, [83; 84]).

⁴² Подобному выводу не противоречит, на мой взгляд, то обстоятельство, что два древнейших сербских списка Миней служебных («Миней Братка» 1234–1243 гг. (Белград, НБС, Рс 6) и Миней на сентябрь–ноябрь середины – третьей четверти XIII в. из собрания Зографского монастыря, № 53; старый – I.e.7) проложных чтений не содержат. Ситуацию с ними можно объяснить, с одной стороны, инерцией традиции (оба кодекса не связаны с Эвергетидским уставом), с другой же – тем обстоятельством, что храмы, для которых писались эти рукописи, обладали отдельными списками Пролога. Попутно стоит заметить, что в исследовательской литературе (прежде всего болгарской) зографскую рукопись принято иногда датировать, на мой взгляд, неоправданно рано – началом или первой половиной XIII в. (см., к примеру: [61. С. 52, 198. Табл. 52; 85. С. 122]). С. Кожухаров, открывший в рукописи канон ап. Андрею Первозванному с акростихом Наума Охридского, датировал ее более осторожно – «не позднее середины XIII в.» [86. С. 6; 87. С. 36]. Ближайшие аналогии почерку зографского кодекса обнаруживаются в письме сербских памятников середины – третьей четверти столетия [85. С. 122. Примеч. 29], таких, как древнейший список Жития Панкратия Тавроменийского (РНБ, Q.п. I. 33 – образцы почерка см. [40. С. 134]) или Шестоднев служебный (Вена, Австрийская Национальная библиотека, Слав. 46, л. 1–193об.).

крайней фрагментарности и неоднородности рукописной традиции. Из болгарских списков служебных Миней, собственно, лишь рукопись НБКМ № 113 (Аа 1) относительно последовательно содержит проложные чтения в составе служб в объеме всего тома (на отрезок с 30 июня по 31 августа здесь приходится 25 житий [88. С. 28, № 26]). Список имеет западноболгарское происхождение [62. С. 66; 75. С. 360], т.е. он создан, по всей вероятности, в одном из славянских скрипториев Македонии и вполне мог испытать влияние современной ему сербской традиции⁴³ (здесь уместно напомнить, что уже в начале 1280-х годов северная часть Македонии (со Скопье) была отвоевана у Византии королем Стефаном Урошем II Милутином [89. С. 191–192; 90. С. 456–457; 91. С. 60–61]). Что касается отрывков НБКМ № 114 (Аа 2) – рукописи несомненно восточноболгарской (тырновской) [38. С. 165], то ввиду их фрагментарности (3 листа) нет полной уверенности, что проложные чтения имелись здесь повсеместно (они присутствуют в службах на 29 июля и 2 августа [37. С. 61], а в других случаях могут быть утрачены). Пример, однако, имеет немаловажное значение для нашей темы. Поскольку можно считать установленным, что отрывки содержат новый перевод служб, выполненный (восточно)болгарскими книжниками, вероятно, не позднее рубежа XIII–XIV вв.⁴⁴ [37; 92], то присутствие здесь проложных чтений, связанных с предшествующим периодом, свидетельствует о достаточной укорененности подобной практики в болгарской богослужебной традиции. Это позволяет рассматривать памятник в качестве болгарской параллели сербской Минее на сентябрь–октябрь по Иерусалимскому уставу (Аб 20), которая уже упоминалась выше. Наконец, кодекс ГИМ, Хлуд. 152 (Аа 3) имеет явно негетерогенный состав, проложные чтения помещены в нем лишь на Обретение главы Предтечи и Благовещение и на память 40 мучеников Севастийских.

6. Не вполне однозначной выглядит ситуация и с Минеями праздничными (как болгарскими, так и сербскими), их особенностями, безусловно, еще предстоит заниматься более подробно. Среди них встречаются рукописи как с практически полным (по одному во всех службах) набором проложных чтений (например, прославленная болгарская Драганова минея конца XIII в. – Ба 1), так и с отдельными житиями (вплоть до одного на весь кодекс, как в сербской «Минее Томича» рубежа XIII–XIV вв. (Бб 5), где в сохранившейся части имеется лишь житие архидиакона Стефана). Особо архаичной по составу, несмотря на ее позднюю датировку (время господства в южнославянской традиции Иерусалимского устава), является западноболгарская «Самоковская минея» (Ба 3). Хотя в ней проложные чтения даны не на каждый праздник, в тех случаях, когда они имеются, помещен полный их дневной набор [27. С. 44–48]. Эта особенность совмещается в рукописи с наличием здесь ряда уникальных (либо очень редких) текстов – жития тырновского патриарха Иоакима I (единственный дефектный список) [27. С. 45–47; 93. С. 216–218], канона гласа 8-го Кириллу Философу, содержащему 2-ю песнь (один из двух известных списков [94. С. 657–658]) и так называемого Успения Кирилла (один из древнейших списков и единственный пример присутствия этого памятника в Прологе или Минее [27. С. 47–48; 95; 96]). Учитывая, что житие патриарха Иоакима, написанное несомненно сразу после его кончины (1246), не получило известности в тырновской традиции второй половины XIII–XIV в., включение проложных

⁴³ Исследователи отмечают отражение в рукописи Эвергетидского устава и сходство ее состава (наличие служб на Положение ризы и пояса (с каноном Климента Охридского), Борису и Глебу, и Иоакиму Осоговскому) с сербской Минеей № 32 из собрания Дечанского монастыря (Аб 16) [75. С. 360].

⁴⁴ Основанием для такой датировки является присутствие того же перевода служб (без житий) в августовской части Минеей праздничной этого времени (Одесса, ГНБ, № 1/5) [37; 92], однако вопрос о более узкой хронологической ее привязке нуждается в дополнительном исследовании.

чтений в архетип «Самоковской минеи» следует датировать не позднее 1240-х годов, а, вероятно, и ранее.

Такое предположение вполне подтверждается и в какой-то мере даже уточняется на материале Минеи праздничной в составе сборника ГИМ, Хлуд. 162 (Бб 6). В существующем виде это сербский список (не исключено, впрочем, что написанный в Македонии⁴⁵), однако восходящий несомненно к тырновскому архетипу второй четверти XIII в. (1230-х годов?). Проложные статьи представлены в кодексе двумя отдельными (и, вероятно, одновременными) группами. Первую составляют чтения по 6-й песни канона, включенные в отдельные службы Минеи праздничной, помещенной в начале рукописи (л. 2–185об.), вторую – календарная подборка проложных статей (л. 185об.–200), имеющая собственный общий заголовок: «А се пролози праздникии» [66. С. 311]⁴⁶. Она явно служит дополнением к Минее, поскольку расположение и набор чтений здесь соответствуют набору служб, их не включающих. Если этот комплекс может в равной мере иметь как сербское (учитывая степень распространения проложных житий в сербских минеях), так и болгарское происхождение, то с житиями в составе служб ситуация выглядит однозначной. В службе мученице Параскеве Римской (26 июля) здесь помещен (л. 141об.–143) уникальный список повести о перенесении в Тырнов мощей преподобной Параскевы Эпиватской (1231) и о поставлении Иоакима болгарским патриархом в Никее в 1235 г. (так называемый летописный рассказ [66. С. 314–322; 93. С. 112–113, 239; 98. С. 113–114]). Сходство судьбы «рассказа» и жития патриарха Иоакима в рукописной традиции позволяет, с одной стороны, говорить о присутствии проложных чтений в болгарских праздничных Минеях к 1230-м годам, а с другой – о том, что в тырновской традиции XIII в. отсутствовало, по всей видимости, представление о соборе местных святых как едином целом (подобное тому, которое дает в следующем столетии Стишной пролог); почитание каждого из них ограничивалось, очевидно (во всяком случае, до середины века), теми храмами и монастырями, где обретались их мощи⁴⁷.

Для Сербии, как можно полагать исходя из числа дошедших списков, история включения проложных житий в Минею праздничную мало отличалась от Минеи служебной (см. выше). В провинциальных центрах (преимущественно в Македонии) практика использования и переписки Минеи праздничной со старыми проложными статьями сохранялась, как видно из датировки сохранившихся списков (см., к примеру Ба 2, 3; Бб 9), и в эпоху широкого распространения Иерусалимского устава. В то же время примерно со второй четверти XIV в. известны и списки Миней праздничных с «гибридным» (из нестишного и стишного Прологов) набором чтений (к примеру, Одесса, ГНБ, 1/101 – Бб 8), представляющие известную аналогию Прологу монастыря Николяц, № 34 (см. выше).

в) проложные повести в южнославянской рукописной традиции

Наличие в Прологе развитой учительной части (слов, поучений, патериковых повестей, извлечений из житий святых и чудес) традиционно рассматривается в литературе как специфически восточнославянская особенность этого календарного сборника. Сохранившиеся южнославянские списки Пролога ее действительно не имеют, однако вне и помимо них (непременное условие) можно указать отдельные (на данный момент не слишком многочисленные и как правило без календар-

⁴⁵ Происходит из числа рукописей, собранных А.Ф. Гильфердингом во время путешествия 1868 г. по юго-западной Болгарии и Македонии (об этой поездке исследователя см. [41. С. 10–11; 55. С. 413–418, 424, 427; 97. С. 84–96]).

⁴⁶ В последнем печатном описании [41. С. 44–45. № 38] ни заголовков, ни сама подборка статей не отмечены.

⁴⁷ Такое предположение находит полное подтверждение и в наборе житий и памятей болгарских святых в разных (в том числе болгарских) южнославянских списках Пролога Константина Мокисийского (см., например: [1. С. 37. Примеч. 102; С. 42. Примеч. 117; 2. С. 32–34, 42–44]).

ной приуроченности в заголовках) следы ее известности болгарским и сербским книжникам, при этом присутствующие в рукописях, входящих в канонический корпус «первого восточнославянского влияния». Еще со времен М.Н. Сперанского [1. С. 26–27] хорошо известен пример «Притчи о теле человеческого и душе» в составе прославленного Берлинского сборника раннего XIV в. [99. Вл. 28–31v; 100. С. 124–129]. Однако там это не единственный заимствованный из учительной части Пролога текст. Несомненно такое же происхождение имеет помещенное далее в той же рукописи «Поучение от Лимониса ходящим по церквам латинским и жидовским» (нач.: «Поведаше поп Георгый, яко некий старец мних бе в манастире святого Феодосиа...») [99. Вл. 130v–132; 100. С. 354–357]. В конечном итоге текст действительно восходит к Лимонису [101. С. 276. № 138], однако его заглавие с явной интерполяцией (в самом тексте «латинские» церкви, разумеется, не фигурируют), указывающей на время после разделения Церкви в 1054 г., выдает непосредственный источник статьи – Пролог под 5 декабря [102. С. 240].

Помимо этого, два текста с именем Иоанна Златоуста в заглавии, помещаемые в учительной части Пролога под 13 ноября (поучение, начинающееся словами «Къждо възлюблении виднем в свою свесть и помыслимь прегрешениа своя...») [102. С. 222; 103. С. 70. № 89], и под 7 февраля («Слово, како достоить в церкви стояти на молитве»⁴⁸ [102. С. 292; 103. С. 144. № 441]), читаются в известном сербском «Сборнике попа Драголя» третьей четверти (?) XIII в. (Белград, НБС, Рс 651, л. 123–123об., 127об.–130) [57. С. 358. № 167]. Еще одно поучение (нач.: «Рече старец, яко седяй в послушании отца духовного болшу мзду имат, паче седящего в пустыни...»), включенное в Прологе под 10 апреля [101. С. 278. № 166; 104. С. 35–36], содержится в той же рукописи на л. 145–145об. [57. С. 359. № 167]. В последнем случае текст, происходящий из Скитского патерика, ошибочно приписан в «Сборнике попа Драголя» Иоанну Лествичнику, что вероятно, свидетельствует о длительном бытовании статьи вне Пролога (уместно напомнить, что хронологический разрыв между созданием учительной части последнего и написанием сербского сборника составляет не менее 100 лет). Примечательно, что тексты следуют в рукописи хотя и не подряд, но в календарной последовательности.

Наконец, в Оксфордском сербском сборнике смешанного содержания XV в. Mss Canon, 13, находится (л. 109–110об.) «Притча о трех друзьях»⁴⁹ (нач.: «Некто человек имяше три други...») из древнерусского перевода «Повести о Варлааме и Иоасафе», традиционно включаемая в Пролог под 16 (либо под 13) апреля [107. С. 49–50; 108. С. 83–84]. В оксфордской рукописи текст озаглавлен «О проминующем жития сего притча и повесть дивна зело»⁵⁰, а его авторство приписано Иоанну Златоусту; последнее, как и в предыдущем случае, служит скорее всего показателем длительного бытования памятника вне Пролога.

Можно полагать, что приведенными примерами тема не ограничивается и что в дальнейшем в качестве выписок из учительной части Пролога будет атрибутирован еще ряд небольших статей, входящих в южнославянские сборники XIII–XV вв.⁵¹, прежде всего в те, которые отражают (как и Берлинский сборник, и рукопись Драголя) и другие аспекты «первого восточнославянского влияния».

⁴⁸ Начало: «Что убо страшнее сих вещи: црьки бо небо есть, прежде убо и храмине [...]».

⁴⁹ О рукописи см. [105. С. 78–81] (текст упомянут без приведения инципита), [106. Р. 251].

⁵⁰ Обычное заглавие притчи в Прологах: «Притча святого Варлаама о печали житейстей и о суетном богатстве» [107. С. 49; 108. С. 83].

⁵¹ В то же время невозможно безоговорочно согласиться с мнением О.В. Лосевой, предлагающей считать выписками из Пролога патериковые повести (см.: [10. С. 54–55]), помещенные в конце сербской Миней служебной на март–август раннего XIV в. (БАН, 45. 5. 10 («Миней попа Гюрга»), л. 64–67об. – см. [52. С. 39]), поскольку они, с одной стороны, расположены не в календарной последовательности, а с другой – не обнаруживают в заголовках специфических признаков проложных вариантов.

Каким же путем статьи учительной части Пролога приобрели известность на славянском Юге? В принципе возможны два варианта, причем трудно отдать одному из них безоговорочное предпочтение. Почти с равной степенью вероятности можно предположить присутствие в одном из центров русско-южнославянских контактов как тома Пролога с поучениями, расположенными в конце, либо составлявшими отдельный кодекс (условие раздельности житийной и учительной частей в данном случае непременно), так и сборника (или нескольких сборников), включавшего учительные проложные статьи. В пользу второй версии может свидетельствовать (помимо уже отмеченных «вольностей» в заголовках) широкое распространение выборок и выписок из Пролога в русских сборниках XIV–XV вв. и позднейшего времени; в этом случае приходится допускать, что календарная подборка поучений начала «растаскиваться» русскими книжниками буквально сразу же после ее составления (в чем, впрочем, нет ничего невероятного). Также скорее против первой версии говорит и то обстоятельство, что даже в XVI – первой половине XVII в., в эпоху «второго восточнославянского влияния», но до начала распространения продукции Московского печатного двора на славянских Балканах⁵², сколь либо систематические южнославянские выборки из Пролога (и прежде всего из учительной его части) представляют исключительную редкость. По существу дело ограничивается единственной сербской рукописью⁵³ второй четверти (?) XVI в. из старого собрания Народной библиотеки Сербии № 450 (479), погибшей в апреле 1941 г.⁵⁴

г) «Слово Илии трудолюбивого»

Этот сравнительно небольшой славянский псевдоэпиграф, посвященный архангелу Михаилу (нач.: «Хотяя преблагыи и человеколюбивыи Бог всего мира створити от небытия...»), был открыт, исследован [111] и опубликован [112] М.Н. Сперанским в начале XX в. по погибшему в 1941 г. списку середины – третьей четверти XIV в.⁵⁵ Народной библиотеки Сербии. В наше время Слово Илии заново опубликовано по сербскому сборнику Дечанского монастыря № 103 последней четверти XIV в.⁵⁶ с вариантами по предшествующему изданию и рукописи XVI в. [115. С. 187–197].

М.Н. Сперанский не рассматривал данный памятник в системе русско-южнославянских связей XII–XIII вв., хотя текст требует этого независимо от окончательного решения вопроса о месте его написания. Как установил исследователь, одним из источников Слова (с которым у него совпадает инципит) послужило проложное сказание о чудесах архангела Михаила (другими явились похвальное

⁵² О влиянии учительной части московских изданий печатного Пролога на репертуар южнославянских рукописных сборников XVII–XVIII вв. подробнее см. [109].

⁵³ Здесь следует подчеркнуть, что все прочие примеры проложных подборок поучений XVI в., фигурирующие иногда в болгарской литературе (см., например, [110. С. 53–57]) как восходящие к южнославянским (среднеболгарским) оригиналам (к слову сказать, так охарактеризован в указанной работе и упоминаемый сборник старого собрания НБС, № 450), в реальности являются восточнославянскими (обычно украинско-белорусскими) кодексами, болгаризированное (порой весьма сильно) правописание которых отражает не орфографию более ранних подлинников, а правописные установки копиистов.

⁵⁴ Постатейное описание рукописи см. [28. С. 331–340]. Рукопись была датирована Л. Стояновичем XVI–XVII вв., однако есть основания думать, что продолжением этого кодекса (в котором за выписками из Пролога следовал (начиная с л. 148 по нумерации конца XIX в.) Торжественник триодный, обрывавшийся на втором поучении в седмицу сыропустную), является отрывок сербского Торжественника триодного (ГИМ, собр. Е.В. Барсова, № 1456), также восходящего к русскому оригиналу и датируемого по филиграммам второй четвертью XVI в.

⁵⁵ Российский исследователь в обоих случаях датировал кодекс, написанный на пергамене и бумаге «впрокладку», концом XIV ст., однако еще ранее Л. Стоянович на основании записи Райчина Судича с упоминанием безымянного сербского кесаря (справедливо отождествленного публикатором с носившим этот византийский придворный титул вельможей царя Стефана Душана Воихной) обосновал датировку рукописи ок. 1360 г. [113. С. 42. № 118].

⁵⁶ О датировке рукописи см. [114. С. 37–38. № 105].

слово Климента Охридского Михаилу и Гавриилу, «Сказание Пандолея диакона» и «Сказание вкратце» чудес архангела Михаила), из предисловия к Прологу были заимствованы также имя и прозвище псевдоавтора, вынесенные в заглавие текста [111. С. 300–302]. Речь идет, таким образом, либо о памятнике, скомпилированном на Руси и принесенном к южным славянам не позднее раннего XIII в., либо о тексте, составленном южным славянином с использованием восточнославянского перевода Пролога между концом XII и серединой XIV в. (верхнюю границу в данном случае определяет перевод и распространение на славянских Балканах Стишного Пролога). К сожалению, лексика псевдоэпиграфа очень невыразительна и не позволяет сделать однозначный вывод, однако по косвенным признакам предпочтительнее выглядит первый вариант. Создание похвальных слов, посвященных общехристианским (либо общеправославным) святым и праздникам, нехарактерно для болгарской литературы между первой четвертью X (творчество Климента Охридского и Иоанна Экзарха) и второй половиной XIV в. (Евфимий Тырновский) [116. С. 170–205; 117. С. 397–587], а для сербской оно, по сути, неизвестно на протяжении всего средневековья [80. С. 141–273; 116. С. 205–207]. До последнего времени «Слово Илии Трудолюбивого» не было известно в восточнославянских списках, однако сравнительно недавно С.Ю. Темчин⁵⁷ отождествил с ним анонимную гомилию на Собор архангела Михаила (8 ноября) в составе сборника слов и житий (Вильнюс, БАН Литвы, ф. 19, № 103⁵⁸, л. 396–401), переписанного в 1569 г. в Корце на Волини по заказу князя Богуша (Евфимия) Корецкого. Существование западнорусского списка текста, хотя и достаточно позднего, имеет немаловажное значение для определения его происхождения. Объяснить появление слова в украинском сборнике 1569 г. «вторым южнославянским влиянием» не представляется убедительным, поскольку болгарские и сербские памятники, созданные до середины XIV в., практически не участвовали в этом процессе [118. С. 43–44; 119. С. 41–42; 120]. Слово же Илии, вдобавок, представляет несомненную редкость в южнославянской традиции (см. выше) и неизвестно там в составе календарных сборников уставных чтений (минейных Торжественников)⁵⁹. Поэтому наиболее вероятно видеть в нем древнерусскую компиляцию XII в. с использованием Пролога, попавшую на Балканы с «первым восточнославянским влиянием».

В заключение следует сказать, что хотя рассмотренными выше аспектами тема, вынесенная в подзаголовок статьи, явно не исчерпывается, уже из приведенных примеров видно, что древнейший перевод Пролога (хотя он вовсе не обойден вниманием исследователей) играл в «первом восточнославянском влиянии» конца XII – раннего XIII в. даже более значительную роль, чем это принято считать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Сперанский М.Н.* К истории взаимоотношений русской и югославянских литератур (русские памятники письменности на Юге славянства) // ИОРЯС. Пг., 1921–1923. Т. 26 (= *Сперанский М.Н.* Из истории русско-южнославянских литературных связей. М., 1960; ссылки на 2-е изд.)
2. *Mošin V.* Slavenska redakcija Prologa Konstantina Mokisijskog u svjetlost I vizanijsko-slovenskih odnosa XII–XIII v. // Zbornik Historijskog Instituta Jugoslavenske Akademije. Zagreb, 1959. Vol. 2.
3. *Мошин В.А.* О периодизации русско-южнославянских литературных связей XI–XV вв. // ТОДРЛ. Л., 1963. Т. 19 (= Русь и южные славяне. Сборник статей к 100-летию со дня рождения В.А. Мошина (1894–1987). СПб., 1998; ссылки на 2-е изд.).
4. *Miklas H.* Kyrillomethodianisches und nachkyrillomethodianisches Erbe im ersten ostslavische Einflüss auf die südslavische Literature // Simposium Methodianum: Beiträge des Internationale Tagung in Regensburg zum Gedänken an den 1100 Togestag des heiligens Method. Neurid, 1988.

⁵⁷ Пользуюсь случаем сердечно поблагодарить вильнюсского коллегу за сообщенную информацию.

⁵⁸ Постатейное описание рукописи см. [117. С. 205–219]; сведения о слове – на с. 213.

⁵⁹ Лучшим свидетельством этого служит отсутствие памятника в новейшем справочнике, посвященном репертуару таких сборников [121].

5. Турилов А.А. Памятники древнерусской литературы и письменности у южных славян в XII–XIV вв. // Славянские литературы. XI Международный съезд славистов: Доклады российской делегации. М., 1993. С. 27–42 (= Турилов А.А. *Slavia Cyrillomethodiana: Источниковедение истории и культуры южных славян и Древней Руси. Межславянские культурные связи эпохи Средневековья*. М., 2010; ссылки на 2-е изд.).
6. Турилов А.А. Древнерусские (восточнославянские) «вливания» на южнославянскую культуру // Православная энциклопедия (ПЭ). М., 2007. Т. 16.
7. Турилов А.А. Из истории русско-южнославянских книжных связей XII–XIII вв.: новое и забытое // *Russica Romana*. Pisa; Roma, 2011. Vol. 17 (2010).
8. Востоков А.Х. Описание рукописных и печатных книг словенских, принадлежащих действительно статскому советнику А.С. Норову // Журнал Министерства народного просвещения. 1836. Ч. 11. № 9 (= Востоков А.Х. *Филологические наблюдения*. СПб., 1865).
9. Востоков А.Х. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея. СПб., 1842.
10. Лосева О.В. Жития русских святых в составе древнерусских прологов XII – начала XV в. М., 2009.
11. Темчин С.Ю. Почему древнеславянский календарный сборник кратких житий был назван Прологом (об одном палеославистическом недоразумении) // *Славяноведение*. 2001. № 2 (= Темчин С.Ю. *Исследования по кирилло-мефодиевистике и палеославистике*. Kraków, 2010 (= *Krakowsko-Wileńskie studia slawistyczne*. Т. 5); ссылки на 2-е изд.).
12. Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984.
13. Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV в. М., 2002. Вып. 1.
14. Иванова К. Успение Методиево // *Palaeobulgarica*. 1999. № 4.
15. Павлова Р. Восточнославянские святые в южнославянской письменности XIII–XIV вв. Halle (Saale), 2008.
16. Велев И. Лесновски Ковачевікев пролог. Скопје, 2004.
17. Павлова Р., Желязкова В. Станиславов (Лесновски) пролог от 1330 г. Велико Търново, 1999.
18. Десподова В., Митревски Л., Новотови С., Чичева-Алексик М. Пролог бр. 72. Скопје, 2006.
19. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1912. Т. 3.
20. Петков Г. Стишният пролог в старата българска, сръбска и руска литература (XIV–XV в.): Археография, текстология и издание на проложни стихове. Пловдив, 2000.
21. Иванова К. Български, сръбски и молдо-влахийски ръкописи в сбирката на М.П. Погодин. София, 1981.
22. Павлова Р. Пролог Рс 705 од Народната библиотека на Сърбия в Белград // *Palaeobulgarica*. 1996. № 2.
23. Станковић Р. Датирање и водени знаци рукописних књига манастира Николџа // *Археографски прилози*. Београд, 1994. [Бр.]. 16.
24. Лосева О.В. Русские месяцесловы XI–XIV вв. М., 2001.
25. Суботин-Голубовић Т. Фрагменти службе св. Борису и Глебу у рукопису бр. 32 збирке манастира Дечана // *Јужнословенски филолог*. Београд, 1998. Т. 48.
26. Суботин-Голубовић Т. Једна група минеја Милутиновог доба // *Манстир Бањска и доба краља Милутина*. Ниш; Косовска Митровица; Манастир Бањска, 2007.
27. Кодов Хр. Опис на славянските ръкописи в Библиотеката на Българска Академия на науките. София, 1969.
28. Стојановић Љ. Каталог Народне Библиотеке у Београду. Београд, 1903 (репринт – 1982). Књ. IV. Рукописи и старе штампане књиге.
29. Матић С. Опис рукописа Народне библиотеке. Београд, 1952.
30. Николова С. За възникването на Проложното Методиево житие // *Литературознанието и фолклористика: в чест на акад. П. Динев*. София, 1983.
31. Николова С. Кирило-Методиевски традиции във Влахия, Молдова и Трансилвания // *Старобългарска литература*. София, 1982. Кн. 12.
32. Музейное собрание: Описание. М., 1997. Т. 2 (№ 3006–4500).
33. Турилов А.А. Критерии определения славяно-молдавских рукописей XV–XVI вв. // *Хризограф*. М., 2005. Вып. 2. (= Турилов А.А. *Slavia Cyrillomethodiana: Источниковедение истории и культуры южных славян и Древней Руси. Межславянские культурные связи эпохи Средневековья*. М., 2010; ссылки на 2-е изд.).
34. Турилов А.А. К истории Стишного Пролога на Руси в XIV–XV вв. // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2006, № 1 (= Турилов А.А. *Slavia Cyrillomethodiana: Источниковедение истории и культуры южных славян и Древней Руси. Межславянские культурные связи эпохи Средневековья*. М., 2010; ссылки на 2-е изд.).
35. Цонев Б. Опис на славянските ръкописи в Софийската Народна библиотека. София, 1923. Т. 2.
36. Цонев Б. Опис на славянските ръкописи и старопечатните книги в Софийската Народна библиотека. София, 1910.

37. *Кривко Р.Н.* Среднеболгарский фрагмент НБКМ № 113 в истории переводов славянских служебных миней // *Scripta & e-Scripta*. Sofia, 2006. Vol. 3–4.
38. *Турилов А.А.* Заметки о тырновских «обыденных» рукописях и книгописцах первой половины – середины XIV в. // *Старобългарска литература*. София, 2009. Кн. 41–42 (Юбилеен сборник в чест на 60-годишнината на К. Станчев и А. Наумов).
39. *Ягич И.В.* Служебные минеи за сентябрь, октябрь, ноябрь в церковно-славянском переводе по руским рукописям 1095–1097 гг. СПб., 1886.
40. *Ангелов Б. Ст.* Из старата българска, сръбска и руска литература. София, 1967. Кн. 2.
41. *Николова С., Йовчева М., Попова Т., Тасева Л.* Българското средновековно културно наследство в сбирката на А. Хлудов в Държавния исторически музей в Москва. София, 1999.
42. *Богдановић Д.* Најстарија служба светом Сави. Београд, 1980.
43. *Турилов А.А.* Сербские отрывки XIII–XVI вв. в собрании Русского Пантелеймонова монастыря на Афоне // *Археографски прилози*. Београд, 2006. Бр. 28.
44. *Иванова К.* Из истории славянской на Святой земле (О славянских рукописях, связанных со Святой землей, хранящихся в книгохранилищах вне Израиля) // *Jews and Slavs*. Jerusalem; Sofia, 2008. Vol. 20 (The Holy Land and the Manuscripts Legacy of Slavs).
45. *Богдановић Д.* Каталог ћирилских рукописа манастира Хиландара. Београд, 1978.
46. *Васильев Љ.* Геометријски иницијал од средине XIII до двадесетих година XIV в. и његов палеографски значај у датирању српских пергаментних рукописа // *Археографски прилози*. Београд, 1984–1985. Бр. 6–7.
47. *Суботин-Голубовић Т.* Прилог познавању богослужења у српској цркви крајем XIII века // *Хиландарски зборник*. Београд, 1998. Књ. 10.
48. *Кодов Х., Стојанов М.* Опис на славянските ръкописи в Софийската Народна библиотека. София, 1964. Т. 3.
49. *Попов А.Н.* Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А.И. Хлудова. М., 1872.
50. *Красносельцев Н.Ф.* Славянские рукописи Патриаршей библиотеки в Иерусалиме: Описание их // *Православный собеседник*. Казань, 1889. № 12.
51. *Недомачки В.* О српским рукописима у библиотеци Грчке православне патријаршије у Јерусалиму // *Археографски прилози*. Београд, 1980. Бр. 2.
52. *Бубнов Н.Ю., Лихачева О.П., Покровская В.Ф.* Пергаментные рукописи БАН СССР: Описание русских и славянских рукописей XI–XVI вв. Л., 1976.
53. *Стојановић Љ.* Каталог рукописа и старих штампаних књига: Збирка Српске Краљевске Академије. Београд, 1901.
54. *Гранстрем Е.Э.Ј.* Описание русских и славянских пергаментных рукописей [ГПБ]: Рукописи русские, болгарские, молдо-влахийские, сербские. Л., 1953.
55. *Турилов А.А.* К истории второй (македонской) рукописной коллекции А.Ф. Гильфердинга // *Славянский альманах 2002*. М., 2003 (= *Турилов А.А.* От Кирилла Философа до Константина Костенецкого и Василия Софийнина: История и культура славян IX–XVII вв. М., 2011).
56. *Штављанин-Ђорђевић Љ., Гроздановић-Пајић М., Цернић Ј.* Опис ћирилских рукописа Народне Библиотеке Србије. Београд, 1986. Књ. 1.
57. *Мошин В.* Цирилски рукописи и писма Националне sveučilišne biblioteke u Zagrebu // *Radovi Staroslovenskog instituta*. Zagreb, 1964. Knj. 5.
58. *Досева Ц.* Еште один список Последования св. Димитрију Солунскому // *Slavia Orthodoxa*. Език и култура. Сборник в чест на проф. д-р П. Павлова. София, 2003.
59. *Иванов Ѕ.* Български старини из Македония. 2-е изд. София, 1931 (репринт – 1970).
60. *Кувев К.* Съдбата на старобългарската ръкописна книга през вековете. 2-е изд. София, 1984.
61. *Райков Б., Кожухаров С., Миклас Х., Кодов Х.* Каталог на славянските ръкописи в библиотеката на Зографския манастир в Света Гора. София, 1994.
62. *Йовчева М.* Проблемы текстологического изучения древнейших памятников славянской гимнографии // *La roesia liturgica slava antica / Древнеславянская литургическая поэзия*. Рим; София, 2003.
63. *Станчев К.* Опис на славянските ръкописи в Пловдивската Народна библиотека «Иван Вазов», постъпили след 1920 г. София, 1982.
64. *Кожухаров С.* Низвестен летописен рассказ от времето на Иван Асен II // *Литературна мисъл*. София, 1974. № 2 (= *Кожухаров С.* Проблеми на старобългарската поезия. София, 2004. Т. 1. Прилож.; ссылки на 2-е изд.).
65. *Васильев Љ.* Орнаментика, повез и ново датирање српских рукописа Универзитетске библиотеке «А.М. Горког» у Одеси // *Зборник Музеја примењене уметности*. Београд, 1976. Св. 19–20.
66. *Йовчева М.* Старобългарска служба за първомъченик Стефан и Стефан I папа Римски // *Старобългарска литература*. София, 2001. Кн. 32.
67. *Стойкова А.* Чудесата на св. Георги от Стишния пролог в балканската кирилска книжнина // *Език и история на българските средновековни текстове / Сборник в чест на Е. Дограмаджиева*. София, 2001 (= Кирило-Методиевски студии. Кн. 14).

68. *Тасева Л.* Паралелните јужнославијански преводи Стишног пролога и триодних синаксарей // *Byzantinoslavica. Praha, 2006. Vol. 64.*
69. *Мошкова Л.В., Турилов А.А.* «Моравските земље велел граждинин» (Неизвестна древња служба првоучителу Мефодију) // *Славијановедение. 1998. № 4.*
70. *Turilov A.* Per la ricostruzione di un serie di menaia slavi di Tarnovo del secondo quarto – meta del XIV secolo // *Τοζότης: Studies for Stefano Parenti. Grottaferrata, 2010 (= Авалеќта Крултоферрџс).*
71. *Марковић В.* Православно монаштво и манастири у средњовековној Србији. Сремски Карловци, 1920 (репринт – Горни Милановац, 2002).
72. *Јанковић М.* Епископија // *Лексикон српског средњег века. Београд, 1999.*
73. *Чанак-Медић М.* Катедрале // *Лексикон српског средњег века. Београд, 1999.*
74. *Турилов А.А.* Сводни каталог славијано-руских рукописних књига, чувајућих се у СССР. XI–XIII вв. (Ч. 1: Исправљенија и уточњенија) // *Annali dell’ Istituto universario Orientale di Napoli (AION): Slavistica. Napoli, 1997–1998. Vol. 5.*
75. *Јовчева М.* Јужнославијанската литургијска књижнина през XIII в. // *Зборник радова Византолошког института. Београд, 2009. Књ. 46.*
76. *Суботин-Голубовић Т.* Шта је све нестало из српских Минеја XIII в. // *Зборник радова Византолошког института. Београд, 2009. Књ. 46.*
77. *Симић П.* Структура и редакције словенских минеја // *Богословје. Београд, 1974. Бр. 1–2.*
78. *Tarnanidis I.C.* The Slavonic Manuscripts, discovered in 1975 at St. Caherine’s Monastery on Mount Sinai. Thessaloniki, 1988.
79. *Ђоровић В.* Списи светог Саве. Београд; Сремски Карловци, 1928 (= Зборник за историју, књижевност и језик српског народа. Дела старих српских писаца. Књ. 1).
80. *Богдановић Д.* Историја старе српске књижевности. Београд, 1980.
81. *Свети Сава.* Сабрана дела. Београд, 1998.
82. Студенички типик. Цароставник манастира Студеница / Књигу природио, превео и поговор написао Т. Јовановић. Београд, 1994.
83. *Калезић Д.М.* О могућности да је св. Сава писац номоканунца // *Проучавање средњовековних јужнословенских рукописа / Зборник радова са III Међународне Хиландарске конференције. Београд, 1995.*
84. *Турилов А.А.* Какве «многи законне књиге» переписал в 1219 г. св. Савва Сербский? // *Юбилейный сборник к 80-летию чл.-юр. РАН Я.Н. Щапова (в печ.).*
85. *Христова-Шомова И.* Новгородските минеи и Зографският минеј № 53 (I.e.7) // «Пение мало Георгиу»: Сборник в чест на 65-годишнината на проф. дфн. Георги Попов. Софија, 2010.
86. *Кожухаров С.* Песенното творчество на старобугарски књижевник Наум Охридски // *Литературна историја. Софија, 1984. № 12.*
87. *Кожухаров С.* Проблеми на старобугарската поезија. Софија, 2004. Т. 1.
88. *Христова Б., Караџова Д., Икономова А.* Бугарски рѣкописи от XI до XVIII в., запазени в Бугарија: Своден каталог. Софија, 1982. Т. 1.
89. *Иречек К.* Историја Срба / Прев. Ј. Радонић. Београд, 1978. Друго, испр. и доп. изд. Књ. 1 (Политичка историја до 1537. год.).
90. *Острогорски Г.* Историја Византије. Београд, 1969 (= Сабрана дела. Књ. 6).
91. *Томоски Т.* Скопска област от XI до XIV в. // *Споменици за средновековната и поновата историја на Македонија. Скопје, 1975. Т. 1 Грамоти, записи и друга документарна граѓа за манастирите и црквите во Скопска област.*
92. *Јовчева М.* Бугарска редакција на служебнија Минеј през XIII в. // *Старобугарска литература. Софија, 2007. Кн. 37–38.*
93. *Бугарската литература и књижнина през XIII в. / Под ред. на И. Божилов и С. Кожухаров. Софија, 1987.*
94. *Попов Г.* Служби за Кирил и Методиј старобугарски // *Кирило-Методијска енциклопедија. Софија, 2003. Т. 3.*
95. *Флорја Б.Н.* К вопросу о датировке «Успения Кирилла» // *Советское славяноведение. 1986. № 6.*
96. *Бабалијевска С.* Успение Кирилово // *Кирило-Методијска енциклопедија. Софија, 2003. Т. 4.*
97. *Куев К.* Сјдбата на старобугарската рѣкописна књига през вековете. 2-о, прераб. и доп. изд. Софија, 1985.
98. *Каймаќамова М.* Бугарска средновековна историопис. Софија, 1990.
99. *Berlinski Sbornik: Vollständige Studienausgabe / Eingeleitet und herausgegeben von H. Miklas. Graz, 1988 (Codices selecti phototypice impressi. Vol. LXXIX).*
100. *Миклас Х., Тасева Л., Јовчева М.* Берлински сборник. Софија; Виен, 2006.
101. *Давидова С.А.* Патериковые чтения в составе древнерусского Пролога // *ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 43.*
102. *Прокопенко Л.В.* Состав и источники Пролога за сентябрьскую половину года по спискам XII – начала XV в. // *Лингвистическое источниковедение и история русского языка 2006–2009. М., 2010.*
103. *Иоанн Златоуст в древнерусской и южнославянской письменности XI–XVI вв.: Каталог гомилиј / Сост. Е.Э. Гранстрем, О.В. Творогов, А. Валевичус. СПб., 1998.*

104. *Турилов А.А.* Заметки о киевских граффити // Лингвистическое источниковедение и история русского языка 2000. М., 2000.
105. *Стефановић Д.* Палеографске белешке о старим српским и неким другим рукописима у Великој Британији // Археографски прилози. Београд, 1984–1985. Бр. 6–7.
106. *Clemison R.* A Union Catalogue of Cyrillic Manuscripts in British and Irish Collections. London, 1988.
107. *Лебедева И.Н.* К истории древнерусского Пролога: Повесть о Варлааме и Иоасафе в составе Пролога // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37.
108. Повесть о Варлааме и Иоасафе: Памятник древнерусской переводной литературы XI–XII вв. / Подг. текста, иссл. и комментарий И.Н. Лебедевой. Л., 1985.
109. *Атанасов П.* Московские старопечатные Прологи и болгарские рукописные книги в XVII–XVIII вв. // Рукописная и печатная книга. М., 1975.
110. *Павлова Р.* Петър Черноризец, старобългарски писател от X в. София, 1994 (= Кирило-Методиевски студии. Кн. 9).
111. *Сперанский М.Н.* Слово Илии Трудолюбивого // Jagić-Festschrift. Zbornik u slavu Vatroslava Jagića. Berlin, 1908. (= *Сперанский М. Н.* Мелкие старинные тексты. М., 1910).
112. *Сперанский М.Н.* Слово Илии Трудолюбивого // ЧОИДР. 1909. Кн. 3.
113. *Стојановић Љ.* Стари српски записи и натписи. Београд, 1902 (репринт – 1982). Књ. 1.
114. *Гроздановић-Пајић М., Станковић Р.* Рукописне књиге манастира Високи Дечани: Водени знаци и датирање. Београд, 1995.
115. *Skowronek M.* «Świat cały ma Cię za obrońcę»: Michał Archangel w kulturze Słowian prawosławnych na Bałkanach. Łódź, 2008.
116. *Podskalsky G.* Theologische Literatur des Mittelalters in Bulgarien und Serbien. 865–1459. München, 2000.
117. История на българската средновековна литература / Съст. А. Милтенова. София, 2008.
118. *Добрянский Ф.Н.* Описание рукописей Виленской публичной библиотеки, церковнославянских и русских. Вильна, 1882.
119. *Турилов А.А.* Болгарские литературные памятники эпохи Первого царства в книжности Московской Руси XV–XVI вв. (заметки к оценке явления) // Славяноведение. 1995. № 3. (= *Турилов А.А.* Slavia Cyrillomethodiana: Источниковедение истории и культуры южных славян и Древней Руси. Межславянские культурные связи эпохи Средневековья. М., 2010; ссылки на 2-е изд.).
120. *Иванова К.* Bibliotheca hagiographica Balcano-Slavica. София, 2008.
121. *Турилов А.А.* К истории великоморавского наследия в литературе южных и восточных славян // *Турилов А.А.* От Кирилла Философа до Константина Костенецкого и Василия Софиянина: История и культура славян IX–XVII вв. М., 2011.

© 2012 г. Т. Г. ТАИРОВА-ЯКОВЛЕВА

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ КРУПНОГО ЧАСТНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В УКРАИНСКОМ ГЕТМАНСТВЕ (середина XVII – начало XVIII века)

В статье содержится анализ крупного частного землевладения в Украинском гетманстве с момента его возникновения в ходе восстания Б. Хмельницкого и до начала XVIII в. Делается вывод о полном его ликвидации к середине 50-х годов XVII в., а также раскрываются этапы и формы возникновения старшинского землевладения.

The article presents an analysis of big landowning in the Ukrainian Hetmanate from the period of its emergence during the uprising led by Bohdan Chmelnytski to the early eighteenth century. The author demonstrates the forms and stages of evolution of the *starshina's* landowning and came to the conclusion, that big landowning was totally destroyed by the 1650s.

Ключевые слова: история, Украина, Украинское гетманство, землевладение, XVII в.

Вопрос о формировании крупного частного земельного владения в Украинском гетманстве после восстания Богдана Хмельницкого является ключевым для понимания той социально-экономической ситуации, которая сложилась на Украине во второй половине XVII в., в каком виде она подошла к присоединению к России и как эти процессы развивались дальше, вплоть до момента ликвидации украинской автономии в конце XVIII в.

Несмотря на то, что на рубеже XIX–XX вв. этой теме был посвящен ряд блестящих работ А. Барвинского, В. Мякотина, И. Крипякевича и других историков, в советской историографии продолжали использовать упрощенные схемы об «усилении феодальной эксплуатации крестьян» казацкой старшиной без всякого соотношения с реалиями и сложными перипетиями социально-экономического развития Украинского гетманства. К сожалению, эти штампы зачастую используются и современными российскими историками (равно как и некоторыми украинскими). Например, российский историк А.Г. Шкваров пишет про Зборовский договор 1649 г. Б. Хмельницкого с поляками: «Ничего в отношении каких-либо послаблений малороссийскому крестьянству – хлопам сказано не было. Их судьба Хмельницкого и его казаков просто не интересовала» [1. С. 104]. В недавно опубликованных «Очерках истории Украины» под редакцией П.П. Толочко говорится, что уже при И. Выговском «количество крепостных быстро росло» [2. С. 203]. Как мы увидим ниже, это было не совсем так или точнее – совсем не так.

После трех волн изгнания поляков (1648, 1651 и 1652 гг.) все владения польских магнатов и шляхты, а также той части украинской шляхты, которая не под-

Таирова-Яковлева Татьяна Геннадьевна – д-р ист. наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

держала восстание, перешли в собственность Войска Запорожского¹ [3. С. 750]. На Левобережье этот процесс завершился раньше, а правый берег постигла иная судьба: по Андрусовскому договору он остался за Речью Посполитой, польская шляхта туда вернулась, и даже казакам, не говоря уже о крестьянах, приходилось там силой отстаивать свои права.

Что касается Левобережья, то огромное число крепостных из Вишневетчины и других магнатских латифундий стало свободным (например, 87% населенных пунктов, входивших ранее в состав Вишневетчины, в 1656 г. были вольными) [4. С. 425–426].

Из старых владельцев после первых лет восстания землю сохранили практически только православные монастыри. Населявшие «свободные войсковые» села посполитые (т.е. крестьяне), избавившись от частной зависимости, находились «под правлением сотенным, в ведомстве полковом и в диспозиции гетманской» [5. С. 16]. Фольварочное хозяйство вместе с польской формой крепостного права на территории Украинского гетманства было полностью уничтожено. Следует сказать, что право перехода крестьян от одного пана к другому сохранилось там вплоть до гетманства К. Разумовского, т.е. до конца XVIII в.

Многу были проанализированы сведения, содержащиеся в «Генеральных следствиях о маетностях полков Левобережья» [6. С. 16]. Эти следствия проводились по приказу гетмана Данилы Апостола в начале 30-х годов XVIII в. и содержат уникальные сведения об изменениях в положении сел и местечек Украины. Они позволяют установить следующее: в Гадячском, Лубенском, Миргородском, Нежинском, Переяславском, Прилуцком и Стародубском полках² (имеется в виду территориальное деление гетманства к началу XVIII в.) в 1657 г. среди различных категорий сел, городов и местечек составляли: свободные войсковые 77%, частновладельческие 4,8%, монастырские 2,5%.

Эти данные ставят под сомнение тезис об усилении «феодалного гнета» на Левобережье и быстром превращении старшин в помещиков. К этому следует добавить, что цифра 77% – лишь среднее арифметическое. В различных полках количество свободных войсковых сел и городов колебалось. Так, в Нежинском и Стародубском полках оно составляло соответственно только 51,8% и 67%. Такое явление объяснимо. Еще В. Мякотин отмечал, что этот регион Украины заселялся задолго до восстания Б. Хмельницкого. Здесь преобладала сябринская (совместная) форма землевладения, имелось большое количество местных землевладельческих родов, «бояр», «земян», владевших своими землями на паевой основе.

Зато в Гадячском, Лубенском, Миргородском, Прилуцком и Полтавском полках этот процент свободных войсковых приближался к абсолютному (90%, 89%, 95,7%, 95%, 94,3%), а частные и монастырские владения в Гадячском, Миргородском, Переяславском и Прилуцком полках практически отсутствовали. В Стародубском же полку частные владения составляли 16,2%, в Нежинском – монастырские 7,2%.

Итак, после восстания Б. Хмельницкого огромные земельные пространства перешли в собственность Войска Запорожского. Верховным распорядителем всех этих земель был гетман. Ему, как главе Украинского гетманства, принадлежало и право раздачи свободных земель. С первых же лет гетманы стали широко пользоваться этим правом для вознаграждения заслуг отдельных старшин и войсковых

¹ «Которые наперед сего в той всей Украине, в Малой России и на Воляне и Подолии были города и места королевские, и кляшторские и панские маетности, и теми всеми ныне владеют и доходы собирают на себя гетман и все Войско Запорожское» [3. С. 750].

² К сожалению, в «Генеральных следствиях» Киевского и Черниговского полков отсутствуют сведения о положении большого числа населенных пунктов и, таким образом, нет возможности проследить соотношение различных категорий владений в этих двух полках.

товарищей. Это положение не изменилось и после присоединения Украины к России в 1654 г.

А.Г. Шкваров абсолютно ошибочно утверждает, что в 1654 г. «в распоряжение царя передавались все имения, находившиеся на малороссийской территории, и царь получил право раздавать их по своему усмотрению» [1. С. 126]. Действительно, сразу после вхождения Украины в состав России, московское правительство посчитало себя вправе раздать украинской старшине большие пожалования. Однако при сопоставлении этих сведений с данными «Генеральных следствий о маестностях» становится ясно, что из 36 пожалованных царем городов и сел только одно село, Рожево, действительно стало частным, а остальные оставались свободными [4. Таблица 1. С. 408–410].

Такой вывод подтверждает и следующий факт: в августе 1657 г. во время посольства полковника П. Тетери в Москву, он просил для себя и Выговских больших пожалований в Белоруссии. Ему ответили, что их уже пожаловали «большими городами и маятностями» на Украине «и им из того мочно жить без нужи». Тогда Тетеря объяснил, что «они тем ничем не владеют, опасаясь от войска запорожского» [3. С. 764]. На предложение Москвы, что посылаемый на Украину боярин А.Н. Трубецкой объявит о пожалованиях, Тетеря заявил, что тогда «их де всех тотчас побьют».

Таким образом, пожалования Москвы оставались только на бумаге. В этом факте проявляется вся глубина непонимания, существовавшая между объединившимися в 1654 г. сторонами, которая впоследствии не могла не привести к конфликту. Царское правительство или не понимало социально-экономических реалий, сложившихся на украинских территориях в результате восстания, либо не хотело их принимать. По крайней мере, вначале оно явно предполагало распространить на Украину привычные схемы земельной собственности, но затем не стало предпринимать никаких попыток, чтобы обеспечить свои пожалования, сохраняя автономию Украины, предусмотренную «мартовскими статьями» 1654 г.

С другой стороны, сохранялась довольно широко распространенная практика, согласно которой царь подтверждал гетманские пожалования, подчеркивая свое право совершена.

Надо сказать, что единоличное право гетманов распоряжаться земельным фондом гетманства было нарушено только однажды, при гетмане Иване Брюховецком. Выслуживаясь перед Алексеем Михайловичем, Брюховецкий «подарил» ему Украину со всеми городами и селами [16. С. 309]³. Тогда же, в соответствии с идеей перехода Украины под непосредственное управление Москвы, киевский воевода П.В. Шереметев начал выдавать документы на владение имениями в Украинском гетманстве [17. С. 24]. Вспыхнувшее в 1668 г. восстание на Левобережье, когда жители «избивали» русские гарнизоны и воевод, положило конец такой практике.

Уже в «Глуховских статьях», принятых гетманом Д. Многогрешным в 1669 г., говорилось, что гетманы и старшина выдают универсалы на деревни и мельницы, а царь эти пожалования будет подтверждать своими грамотами [18. С. 220].

В «Каламакских статьях» 1687 г. расплывчато говорилось о пожалованиях, которые будут давать самим царем (царями)⁴ [18. С. 310]. Но уже в 1689 г. «Московские статьи» четко декларировали: «И великие государи, их царское величество, ево, гетмана, и старшину, и войско, и народ малороссийской пожаловали, никому

³ «Жебы его царское пресветлое величество места все и села, будучие на Вкрайне, на себя взял, жебы болшей нами гетманы не владели» [16. С. 309].

⁴ «Кому даны будут их государские жаловальные грамоты, и по тем жаловальным грамотам теми мельницами и деревнями им владеть непременно, а гетману тех грамот у них не отымать, и их государскаго милостиваго указу ничем не нарушивать» [17. С. 310].

малороссийских городов жителем своих царского величества жалованных грамот на села и мельницы без листов ево, гетманских, давать не указали» [19. Л. 146].

Такое положение дел сохранялось до конца правления И. Мазепы, подчеркивая и укрепляя автономный статус Украинского гетманства⁵. При И. Скоропадском право распоряжаться землями Украины перешло к царю. Но и после этого гетманы не сдались, и при Даниле Апостоле все вернулось к прежнему положению, причем большинство великороссийских земельных собственников были лишены своих украинских имений.

Обратимся к тем пожалованиям, которые делали гетманы. Между прочим, доминировавшая в советской историографии концепция утверждала, что именно пожалования старшине стали причиной социальной напряженности в 1657–1658 гг. Этот штамп о росте эксплуатации крестьян со стороны старшины часто повторяется до сих пор. Анализ гетманских и старшинских универсалов, т.е. главных юридических документов Украинского гетманства раннего периода (1649–1659) рисует совершенно иную картину.

Впервые анализ структуры гетманских пожалований был сделан мной в кандидатской диссертации в 1994 г., а затем опубликован в монографии, базировавшейся на диссертационном исследовании [4]. Книга эта была опубликована только в переводе на украинский язык небольшим тиражом. Хотя ссылки на статистические подсчеты, произведенные в монографии, имеются практически во всех украинских академических изданиях (см., например [2. С. 203]), они остались малоизвестными для российских коллег.

В диссертации и монографии использовались универсалы, опубликованные в XIX–XX вв., а также найденные в архивах. За прошедшие со времени публикации монографии почти 20 лет на Украине было осуществлено академическое издание универсалов Б. Хмельницкого и И. Выговского. Надо сказать, что оно учло не все выявленные мной универсалы, но некоторые, ныне опубликованные, наоборот, не были мне ранее известны. Поэтому возникла необходимость пересчитать и пересмотреть сделанный ранее анализ. Принципиальных изменений в цифрах не произошло, а, наоборот, прежние выводы подтвердились.

Если взять все пожалования гетманов и полковников за период с 1648 по 1659 г., то при Выговском они составляли лишь 29,2%, а пожалования за последние три года гетманства Хмельницкого – 50% (!).

Всего же грамоты (новые пожалования и подтверждающие старые), выданные старшиной при Богдане Хмельницком, составляют 64,8% (за 1655–1657 гг. – 53%), а при Выговском – 35% (до января 1658 г. – 6,3%).

Еще больше впечатляют абсолютные цифры: при Хмельницком было пожаловано четыре местечка, 30 сел, три грунта, 14 мельниц, два мельничьих кола, один плац, один сенокос и одна слободка. При Выговском – одно местечко, 11 сел, три слободки, шесть мельниц и одна гребля.

Таким образом, если бы действительно причиной социальной напряженности на Левобережье были пожалования, то пик восстаний должен был прийти к концу правления Б. Хмельницкого (1655–1657), а не на гетманство Выговского. В период до января 1658 г. (т.е. до разгара антигетманского восстания) Выговский сделал вообще только одно пожалование (местечко Девицу-Салтыкову с селами «надалисмо» Нежинскому Рождественскому монастырю) и подтвердил шесть старых грамот Богдана Хмельницкого.

Интересна также структура пожалований. Как при Хмельницком, так и при Выговском большая часть вновь пожалованных владений давалась монастырям (соответственно 70,5% и 71,4%). Это совершенно объяснимо. После Брестской унии

⁵ Любопытно, что В. Мякотин не знал об этом изменении, внесенном в «Московские статьи», и поэтому полагал, что Мазепа нарушал поставленные условия.

православные монастыри в большинстве своем лишились владений, и, разумеется, гетман – лидер восстания, одним из главных лозунгов которого была «вера старинная», – должен был теперь вознаградить Бога за свои победы.

Второе место при Б. Хмельницком занимали пожалования старшине (14,7%), затем шли обыватели (11,7%) и священники (3,1%) и т.д. При Выговском пожалования старшине составляли 14,3%, а остальные пожалования делились поровну (по 7,15%) между обывателями и священниками.

Что касается подтверждения прежних пожалований, то при Хмельницком здесь преобладали грамоты, повторявшие польские дачи (61,3%), а при Выговском – подтверждение дач Богдана (58,4%). Эта практика подтверждения пожалований прежних гетманов сохранялась при Ю. Хмельницком, И. Брюховецком и др.

Говоря о появлении старшинских частных владений, следует понимать, что их права были значительно более ограниченными, чем права землевладельцев в Речи Посполитой или Московском государстве. По отношению к Украинскому гетманству вообще неприменимо понятие «крепостной», встречающиеся в некоторых современных изданиях.

Даже «владельческие посполитые», т.е. тягловые крестьяне помещиков, полагали, что имеют неоспоримое право на свои наделы земли («предковские земли, на которых сидят») и даже могут сохранять эти земли за собой, выходя из-под власти владельца имения [17. С. 124]. Крестьяне, населявшие эти помещичьи имения, являлись теперь собственниками земельных участков и могли не только передавать их по наследству, но и закладывать, продавать и т.д.

Конечно, старшина стремилась превратить свои земельные владения в реальную частную собственность. Но это был очень сложный процесс, затянувшийся на многие десятилетия.

Большую часть старшинских владений составляли так называемые ранговые. Владения раздавались «на ранги», т.е. на время исполнения какой-то войсковой должности. Ранговые владения не являлись собственными и переходили от одного старшины к другому вместе с должностью. Личные владения тоже не были частной собственностью в полном смысле этого слова. В. Мякотин различал три вида личного владения: 1. «В спокойное и беспрепятственное владение» – вечное владение. 2. «До ласки войсковой» – т.е. до указа. 3. «На вспартье дому» – на некоторое время для поддержки дома [17. С. 32].

Самым существенным было отсутствие возможности у старшины завещать свои земельные владения или получать их по наследству. Отсюда огромное количество гетманских универсалов вдовам и детям старшины, в которых гетманы подтверждали их права на землю. Но пока гетман имел право их не подтвердить, владения не были частными в полном смысле этого слова.

Только в конце XVII в., по окончании Руины, начинается период, когда старшина становится или хотя бы стремится стать реальными собственниками своих владений. Безусловно, на землевладение на Украинском гетманстве большое влияние оказывали внешние факторы, пример соседей и историческая память. И шляхта, и старшина хорошо помнили, что при польском правлении имения на Украине раздавались в полную собственность. Сохранение такого положения на Правобережье (оставшемся в составе Речи Посполитой) пробуждало у землевладельцев Левобережья стремление распространить такие же права на собственные имения, сделать из условного владения безусловное, превратить его в наследственное, «вечное».

Как писал В. Мякотин, старшина постепенно все более проникалась владельческими инстинктами и вскоре нашла поддержку в лице царского правительства. Царь после неудачных попыток 1654 г. более не раздавал владения. Но царские грамоты, закреплявшие полковничьи и гетманские универсалы на имения, и распоряжения царской власти, ограничивавшие права гетмана, фактически поддер-

живали стремление старшины рассматривать дававшиеся им имения как наследственные. Процесс превращения украинских старшин в помещиков, а затем и в российских дворян успешно шел на протяжении всего XVIII в. и стал одним из главных условий, приведших к бескровной ликвидации Украинского гетманства.

В период экономической и политической стабилизации в гетманство И. Самойловича появляются универсалы старшине, дававшие им села «в держане» [20. С. 699] и «во владѣніе» [20. С. 772]. Но только при преемнике Самойловича И. Мазепе впервые появляется термин «вечистой поссессии», т.е. вечного владения. При этом следует заметить, что при следующем гетмане, И. Скоропадском, этот термин из исключения стал правилом.

В конце XVII в. в Украинском гетманстве все больше увеличивалась тенденция к переходу личного и условного владения имениями в наследственное. Такой переход постепенно входил в норму и начинал казаться естественным. Все чаще появляются случаи, когда старшина в своих духовных завещаниях оставляла распоряжения относительно имений и земельных владений. Правда, они все еще включали оговорку о необходимости утверждения таких распоряжений гетманской властью. Но учитывая влияние казацкой старшины и большую зависимость от них гетманов, во многих случаях превращение имений в наследственные признавалось и допускалось.

Теперь начинался новый этап и в сябринском землевладении. Члены союза стремились провести раздел общего землевладения и получить отдельные участки в полную собственность отдельных семей. Особенно активно этим занимались усилившиеся старшинские роды. Стремясь расширить свои земельные владения и обладая более или менее значительными средствами, они предпринимали энергичную и упорную скупку сябринских паев.

Раздачей «свободных войсковых сел», пустующих земель и запустелых дворов активно занимались Черниговские и Переяславские полковники – при Мазепе это Я. Лизогуб, Д. Райча, И. Мирович, Л. Полуботок [21. С. 628, 630 и др.]. Будучи «господарем» полка и «диспозитором добр войсковых» на своей территории, полковник не нуждался для этого в специальном разрешении гетмана, хотя тот мог такое распоряжение отменить [17. С. 28–30].

Но существовали строгие ограничения. Так, стремления старшины ни в коем случае не должны были затрагивать интересы казаков. Так, Мазепа, очень хорошо чувствуя настроения в обществе, категорически выступал против того, чтоб «жадная речь не повинна бити от козаков отбирана», так как земли эти «отвагою ридерства Войска Запорозкого» были отняты у поляков, «не поглядуочи на тутешніе малороссийскіе обикновєнія». Поскольку восстание проводилось под лозунгами «за веру святую» и «волности войсковые», все завоеванное «саблей и кровью» должно было остаться в руках новых владельцев или их потомков и никто – ни духовные, ни светские особы – не имел права покушаться на казацкие свободы [21. С. 150].

Рост собственности не мог не привести и к росту «послушенства» и «повинностей», в том числе и облегченных форм панщины. Уже при Самойловиче процесс роста владельческих имений достиг такого уровня, что социальная обстановка резко обострилась. После его свержения в 1687 г. во многих полках вспыхнули крестьянские волнения, направленные против старшины – главных земельных владельцев. В 1692 г. началось восстание Петрика. Своим лозунгом он тоже провозглашал борьбу со старшиной, обещая, что «голоколенники» «панов и арендарей побьют» [22. С. 366]. Под влиянием восстания Петрика петровское правительство обратилось к гетману за советом, нельзя ли нейтрализовать обвинения, из-за которых «происходят меж народом посполитым вопль и пререкания» [22. С. 324]. Гетман И. Мазепа поспешил использовать ситуацию в свою пользу. Он пообещал сделать пересмотр розданных имений и отнять их у старшин, по раз-

ным обстоятельствам лишившихся своих званий. Первой в этот список попала, разумеется, оппозиционная гетману старшина.

Опасаясь роста социальных протестов, Мазепа был вынужден сдерживать частновладельческие стремления старшинских кланов. В своем универсале от 28 ноября 1701 г. гетман запрещал нежинскому полковнику, сотнику веркиевскому и другой старшине требовать «великие и нестерпимые» повинности от крестьян. Генеральный суд принял постановление, согласно которому сотник мог требовать с жителей принадлежащего ему села только два дня в неделю работы на панщине. Все остальные дни крестьянам надлежало работать на себя [21. С. 379].

Подводя итог, можно сказать, что процесс формирования крупного частного землевладения в Украинском гетманстве растянулся на десятилетия и проходил по сложному извилистому пути. Кардинальные социально-экономические изменения, происшедшие в результате восстания Б. Хмельницкого, не были отменены старшиной сразу или вдруг. В желании стать полноправными частными владельцами они были вынуждены считаться с новыми традициями и реалиями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шкваров А.Г. Петр I и казаки. СПб., 2010.
2. Очерки истории Украины. Киев, 2010.
3. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб., 1879. Т. XI.
4. Яковлева (Таирова) Т.Г. Гетьманщина в другій половині 50-х років XVII століття. Причини і початок руйни. Київ, 1998.
5. Барвинский В.А. Заметки по истории финансового управления в Гетманщине. Харьков, 1914.
6. Генеральне слідство про маєтності Полтавського полку 1729–1730. Полтава, 2007.
7. Генеральне слідство про маєтність Лубенського полку // Українські архів. Київ, 1931. Т. IV.
8. Генеральне слідство про маєтність Стародубського полку // Українські архів. Київ, 1929. Т. 1.
9. Генеральное следствие о маетностях Гадячского полка. Полтава, 1893.
10. Генеральное следствие о маетностях Киевского полка // Чтение Императорского общества Нестора-летописца. Київ, 1893. Кн. VII. Отд. III.
11. Генеральное следствие о маетностях Миргородского полка // Труды Полтавской ученой Архивной комиссии. Полтава, 1912. Вып. 9.
12. Генеральное следствие о маетностях Нежинского полка / Под ред. Н.П. Василенко. Чернигов, 1900.
13. Генеральное следствие о маетностях Переяславского полка / Изд. Мякотин В.А. // Сборник Харьковского историко-филологического общества. Харьков, 1896. Т. 8.
14. Генеральное следствие о маетностях Прилуцкого полка / Изд. Мякотин В.А. // Чтение Императорского общества Нестора-летописца. Київ, 1897. Т. II. Отд. III.
15. Генеральное следствие о маетностях Черниговского полка. Чернигов, 1892.
16. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб., 1867. Т. V.
17. Мякотин В. Очерки социальной истории Украины XVII–XVIII вв. Прага, 1924. Вып. 1.
18. Источники малороссийской истории, собранные Д. Бантыш-Каменским и изд. О. Бодянским. М., 1858. Т. 2.
19. Российский государственный архив древних актов. Ф. 229. Малороссийский приказ. Оп. 2. № 57.
20. Универсали українських гетьманів від Івана Виговського до Івана Самойловича (1657–1687). Київ; Львів, 2004.
21. Универсали Івана Мазепи. Київ; Львів, 2006.
22. Источники для истории запорожских казаков / Изд. Эварницкий Д.И. Т. 1. № LXIX.

© 2012 г. Ю. В. КОСТЯШОВ

ГЕНЕРАЛ ИВАН ХОРВАТ – СЕРБСКИЙ АВАНТЮРИСТ НА РУССКОЙ СЛУЖБЕ (вторая половина XVIII века)

На основании неизвестных ранее документов из АВПРИ, РГАДА и РГВИА представлен новый взгляд на одну из страниц в истории русско-сербских связей XVIII в., связанных с переселением в Россию австрийских сербов, деятельностью генерала Ивана Хорвата и историей основанной им на Украине Новой Сербии.

On the basis of recently discovered documents from the Archives of Foreign Policy of the Russian Empire, the Russian State Archives of Ancient Acts and the Russian State Military History Archives, the article presents a new look on one page in the history of Russian-Serbian relations in the eighteenth century, connected with migrations of the Austrian Serbs into the Russian Empire, activities of General Ivan Horvath and the history of the New Serbia settlement in the Ukraine, which he founded.

Ключевые слова: русско-сербские связи, Иван Хорват, Новая Сербия, Екатерина II, XVIII век.

Имя Ивана Хорвата довольно хорошо известно в исторической литературе. Сведения о нем можно почерпнуть из мемуаров княгини Екатерины Дашковой [1] и Симеона Пишчевича [2], имеется около двух десятков опубликованных документов [3]. В «Русском биографическом словаре» его жизнеописанию отведено почетных полторы страницы [4]. О Хорвате писали С.М. Соловьев [5], А. Скальковский [6], Н.А. Попов [7], В.И. Григорович [8], М. Костич [9], а также современные историки А.П. Бажова [10], В.М. Хевролина [11] и др.

Весь этот комплекс источников и исторических сочинений создает довольно противоречивую картину. С одной стороны, практически все авторы отмечают негативные личные качества Ивана Хорвата и его многочисленные злоупотребления, но с другой стороны, возглавленное им переселение сербов из Австрии в Россию рассматривается как одна из самых ярких страниц в русско-сербских отношениях XVIII в., его имя вписывается в летопись «славных подвигов воинов наших» [8. С. 3], а созданная им Новая Сербия и другие сербские поселения на Украине представляются как «живая стена храброго воинства» [6. С. 59], которая укрепила южные рубежи Российской империи.

Между тем опубликованные документы и факты – это лишь малая часть того материала, который имеется в отечественных архивах. В РГАДА, АВПРИ и РГВИА хранится несколько тысяч листов документов, в которых Иван Хорват – главное действующее лицо. Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы дополнить то,

Костяшов Юрий Владимирович – д-р ист. наук, профессор Балтийского федерального университета им. И. Канта (г. Калининград).

что уже известно о Хорвате новыми фактами и попытаться на их основе дать новую оценку как ему самому, так и тому делу, которому он служил.

Как известно, к середине XVIII в. в России уже сложилась традиция принимать на русскую службу единоверных сербов из Турции и Австрии. Среди самих сербов имелись весьма преувеличенные ожидания насчет устройства своей судьбы в России. Русским дипломатам не раз приходилось опровергать упорно ходившие на Балканах слухи о том, что якобы согласно грамоте Петра I всякий доброволец по приезде в Россию будет награжден чином полковника. В действительности, в царском указе 1723 г. такое «обнадеживание» обещалось только тем, кто «соберет и приведет в службу [...] целый полк, и тому дастся над тем полком чин полковничий» [12. Оп. 6. Д. 4714. Л. 107].

Имя Ивана Хорвата впервые появилось в реляции посла в Вене Михаила Бестужева-Рюмина Елизавете Петровне 22 мая 1751 г., написавшего о тайном визите граничарского¹ полковника Ивана Хорвата, который изъявил желание вступить в русскую службу вместе с другими сербами. Предложение Хорвата выглядело крайне заманчиво: он брался «привести с собой целый гусарский полк в 1000 человек», которых обещал всех за свой счет снабдить полным мундиром, амуницией и лошадьми и в дороге содержать, «не требуя за то ни малейшего себе награждения». Еще две тысячи человек он готов вывести из Австрии за отдельную плату. Впрочем, одно условие было высказано: для себя он запросил чин генерал-майора, пожизненное командование полком, которое после него должно перейти к его детям [3. С. 140].

Вскоре последовал рескрипт царицы, в котором все условия принимались, Хорвату и его спутникам назначалось следовать в Киев [3. С. 144–145]. Хорват, по словам посла Бестужева, выслушал эту новость «с неописанною радостью» и заверил, что вскоре намерен отправиться в путь, правда, речь шла уже не о тысяче гусарах, а о 500–600 человек вместе с женами и детьми, а остальных людей он «стараться станет получать исподволь» [14. Д. 6. Л. 59–60].

Между тем волнения киевского генерал-губернатора М.И. Леонтьева о том, как встретить и разместить такое большое количество людей, были преждевременными. 10 октября 1751 г. в Киев прибыла первая колонна во главе с Хорватом, в которой находилось всего 77 военных. В течение месяца подтянулось еще несколько мелких групп добровольцев. В литературе часто приводится цифра – 276 сербов, которые прибыли с Хорватом [3. С. 147], однако при этом не расшифровывается, что только 107 из них были военными, а большинство составляли домочадцы и слуги [14. Д. 6. Л. 71–75, 89–93].

Сразу же по прибытии в Киев Хорват стал жаловаться генерал-губернатору М.И. Леонтьеву, как он поиздержался в пути и потребовал для себя и своих спутников выплаты годового жалованья вперед и еще двух тысяч рублей в качестве малой компенсации понесенных расходов. Свободных денег у Леонтьева не было, и чтобы не допустить до скандала, Хорвату отдали деньги, которые предназначались «на ремонт фортификации». Последний между тем заявил, что желает без промедления ехать ко двору и потребовал выдать ему и свите паспорта и снабдить десятью подводами, в чем ему также не было отказано².

В Петербурге Хорват и сопровождавшие его офицеры произвели настоящий фурор. Новоиспеченный генерал представил новый «проект», поразивший воображение Елизаветы Петровны. Он брался сформировать из сербов уже четыре полка численностью в 10 тыс. человек, понастроить на Украине крепости, завести ремесла и оживить торговлю. Царица пожаловала его генерал-майорским чином и

¹ О граничарах в Австрии см.: [13].

² См.: донесения М.И. Леонтьева в Коллегию иностранных дел (КИД) от 25 и 26 октября 1751 г. [14. Д. 6. Л. 79об.–81].

распорядилась выдать генералу и его свите 6 тыс. руб. «в подарок» и еще 10 тыс. годового жалования. На совместном заседании Сената и Военной коллегии все проекты Хорвата были одобрены. 11 января 1752 г. последовал указ об учреждении на Украине Новой Сербии, под которую отводились огромные пространства земли по правому берегу Днепра. Впоследствии ее территория увеличивалась и составила около 1,5 млн десятин. Иван Хорват также добился получения генеральной привилегии, которая фактически делала его единственным и полновластным хозяином в Новой Сербии [14. Д. 6. Л. 126, 129об.–131об., 143–146, 156; 15. Т. 13. С. 552–558, 570–577, 581–584, 598–605, 624–626, 654–655 и др.]. Естественно, что Хорват вернулся на Украину триумфатором.

Начав с заверений, что ему не нужно ни малейшего вознаграждения, новоиспеченный генерал очень быстро освоил несколько безотказно действовавших способов опустошения российской казны. Едва ли не каждый год он рапортовал в Санкт-Петербург, что из-за границы «выведено его коштом и обмундировано амуницией до 1000 человек», на которых требовал государственное содержание. Последующие проверки показали, что все эти цифры были вымышленными: в один год «оказалось же, что в службу годных было 56 человек», в другой, что «согласно и вовсе не бывало» [16. Д. 370. Л. 76об.]. Хорвату пришлось «сманывать» в свою команду людей «породы малороссийской», выдавая их за сербов, и эти «нововписные сербы» были элементом весьма беспокойным, «готовым на всякие шалости» [17. С. 509].

Во-вторых, с завидной регулярностью Хорват выдвигал разнообразные дорогостоящие «проекты». Так, он сообщил о строительстве в Новой Сербии грандиозных укреплений «до трехсот верст стеною» с шанцами и редутами, из-за которых он якобы «всего имущества своего лишился» [16. Д. 370. Л. 84]. В другой раз он затеял «из собственного его кошту построить монастырь каменной во имя Николая Чудотворца» и добился от Сената ежегодной субсидии в тысячу рублей на церковные нужды. Монастырь так и не был построен, но через несколько лет он стал требовать деньги на «возведение каменной соборной церкви» [18. Л. 403, 410–411, 417–420, 444об.].

Вследствие этих и других махинаций личное состояние Хорвата, произведенного в генерал-лейтенанты (1755), а затем в генерал-поручики (1759), росло как на дрожжах. На свободные деньги он скупал земли и крестьян в центральной части империи, в основном под Смоленском и в Белгородской губернии. Под конец карьеры за ним числилось 4313 душ крепостных мужского пола [16. Д. 370. Л. 6]. И это без учета Новой Сербии, которую, как сказано в одной из него жалобе, Хорват «считал своею собственною деревнею» [12. Оп. 6. Кн. 1. Д. 4. Л. 109].

С первых же дней пребывания Ивана Хорвата и его воинства на Украине в Петербург шел поток жалоб на сербов. С самого начала не заладились их отношения с местным населением, которое вынуждено было нести дополнительную постоянную повинность. Чтобы пресечь возникавшие конфликты, по требованию генерал-губернатора была разослана по всем цехам и сотням инструкция, чтобы обыватели обходились с сербами «по единоверию дружелюбно и ласково, а не грубиянски». Киевский магистрат, со своей стороны, непрестанно слал в Сенат ходатайства об освобождении города от беспокойных квартирантов и даже снарядил в Петербург особую депутацию, которая представила в КИД целый реестр жалоб на воинов Хорвата, от которых город «поносит всякия нужды, разорения, пакости и крайнее поругание» [17. С. 505–511].

Начались раздоры между сербскими командирами, в частности между Хорватом и основавшими в следующем году по соседству с ним Славяно-Сербию генералами И. Шевичем и Р. Прерадовичем. Последний жаловался в КИД, что вербовщики Хорвата переманивают его людей, а в Австрии ведут себя крайне неосмотрительно и только портят дело. Новосербских стражей, кроме того, обвиня-

ли, что за взятки они могут пропустить в Россию кого угодно. Затяжной конфликт случился у Хорвата и с черногорскими переселенцами, оказавшимися в Новой Сербии на положении людей второго сорта. Далматинский епископ Симеон Кончаревич писал в Сенат и в Синод, что Хорват, воспользовавшись его «незнанием здешних порядков и российского языка», обольстил его и обманом принудил подписать кабальный договор [3. С. 248–249]. С хозяином Новой Сербии насмерть рассорилось семейство Юлинецв. Будущему автору первой печатной сербской истории Павлу Юлиincu вместе с отцом пришлось тайно бежать из Новой Сербии в Петербург, оставив у Хорвата все свои документы и имущество (см. [19]).

Казачьи предводители обвиняли генерала в том, что от его действий все соседствующие с Новой Сербией поселения пришли в разорение, что посланные им люди «на наших лугах выкашивают траву», «разгоняют слобожан и разбрасывают их строения», грозятся «обратить в пепел их деревни». Жалобы шли и из соседней Речи Посполитой, жители которой страдали от набегов хорватских отрядов, грабивших польские поселения, убивавших обывателей, вырубавших леса (в одной жалобе говорилось, что «вся Новая Сербия из их лесов поселилась») [20. Д. 1. Л. 3–15]. Сенат, в конце концов, вынужден был в феврале 1761 г. указать Хорвату, что «могут от того воспоследовать весьма худые следствия и замешательства на границе, кои наконец и поправить трудно и дорого будет». В решении Сената далее говорилось, что поскольку дело о границе «до него, Хорвата, и Новой Сербии ни мало не касается, то ему в оное напрасно и вмешиваться не надлежит», а должно «старание прилагать наипаче о установлении на границе между обывателями обеих сторон всякого спокойствия» [21. Т. 12. С. 10–11].

Жаловались собственные подчиненные Хорвата на произвол, унижения, немилосердные расправы с неугодными с отрезанием ушей, вырыванием ноздрей, «поставлением знаков» (клеимением), битьем кнутом и батогами до смерти. Поселенцев он нещадно эксплуатировал и «в свои работы употреблял без всякой заплаты», рядовых держал впроголодь, задерживал жалование, непокорных офицеров «бил саблею по щекам» и подвергал разорению, всех жалобщиков объявлял изменниками [12. Оп. 6. Кн. 1. Д. 4. Л. 162–163 об].

Недовольство Хорватом высказывали сенаторы и некоторые высшие армейские чины³. Прежде всего, сомнительной выглядела военная польза от Новой Сербии. Когда началась Семилетняя война и от Хорвата потребовали выставить тысячу гусар, оказалось, что выполнить этот приказ он не в состоянии. У его гусар не было в достаточном количестве оружия и амуниции, многие даже не имели мундира и обуви; не было знамен, трубачей, походной церкви; выяснилось, что и на войну сербы идти не очень расположены. Чтобы избежать скандала, канцелярия Хорвата в Миргороде стала буквально заваливать все столичные инстанции письмами о чрезвычайной угрозе южным границам империи одновременно со стороны турецкого султана, гайдамаков, нагайских татар и трех крымских ханов, которые якобы уже выступили в поход. Хорват требовал денег и прибавки ему еще пяти полков и был столь настойчив и убедителен, что таки добился отправки в Новую Сербию двух дополнительных полков [21. Т. 10. С. 49, 58, 78, 100, 104, 143–144, 383, 410, 422, 460, 493–494, 526–527, 558–559, 582–583]. Впрочем, это не помешало ему позже, в письме Екатерине II, без зазрения совести утверждать, что он «с начала войны с Пруссией до двух тысяч человек к армии исправных людей отправил» [20. Д. 1. Л. 6].

Как же удавалось Ивану Хорвату в течение целого десятилетия вводить в заблуждение правительство и противостоять настоящей лавине жалоб?

³ В Сенат и Военную коллегию, в частности, обращались князь Я.П. Шаховской и генерал-фельдмаршал А.П. Бестужев-Рюмин, требуя сатисфакции за ложный и оскорбительный для них донос и «поносительные слова, касающиеся к повреждению их чести» [21. Т. 15. С. 603–607].

Главный секрет непотопляемости генерала заключался в том, что, как сказал генерал А.П. Мельгунов, «Хорват на подарки, как известно, не скуп» [12. Оп. 6. Кн. 1. Д. 4. Л. 101]. И это была истинная правда! Сам генерал вел подробный учет презентам и не постеснялся в свое оправдание предъявить Екатерине II подробную ведомость, где среди взяточполучателей значились два канцлера, три фельдмаршала, генерал-прокурор, президенты иностранной и военной коллегий и еще десятки других имен высших российских сановников, а также их жены и домоладцы. Суммы фигурировали внушительные: от 100–200 до 3–5 тыс. червонцев, а кроме того, он преподносил своим благодетелям и заступникам мешочки с золотом, лошадей, скот, штуки парчи, сафьяны, венгерское вино бочками, мешки кофе и пр. [20. Д. 1. Л. 6об.–8, 46–46об.; 16. Д. 10. Л. 228об.].

Первый раз следствие по злоупотреблениям Хорвата было начато еще при жизни Елизаветы Петровны. Его обвинили в «фальшивых рапортах» о состоянии Новой Сербии и в растрате «знатных сумм денег» без надлежащих документов. Дело рассматривалось на собрании Сената 10 мая 1760 г., все критики Хорвата были посрамлены, а обвинения в его адрес названы «облыжными». Жалобы главного обличителя – коменданта крепости св. Елизаветы бригадира Муравьева в постановлении Сената были названы «весьма непорядочными и крайне предосудительными поступками», а сам он был отрешен от комендантской должности. Посланному на его место действительному тайному советнику Толстому велено было с Хорватом «согласие иметь», «не чиня ни малейших ссор и излишних переписок» [21. Т. 11. С. 367–371]. Более того, все поселения при крепости позже велено было отдать в команду Хорвату, так что от проведенного разбирательства последний еще и выиграл [20. Д. 1. Л. 97–97об.].

Второй раз расследование велось при Петре III. Государь направил в Новую Сербию «инспектором» полковника Спичинского, к которому по приезде, как рассказывает в своих мемуарах Симеон Пищевич, стали многие офицеры подавать на Хорвата доносы «о похищении казны» и причиненных им обидах. Полковник потребовал от генерала предъявления «обо всем подлежащих щетов и об отпускаемых на Новую Сербию денег ведомости». Однако и на сей раз Хорвату повезло: неожиданная смена на престоле приостановила следствие [2. С. 439–441].

Всерьез за сербского генерала взялись уже после воцарения Екатерины Алексеевны. Исследованием жалоб на Хорвата занималась особая комиссия в составе генерал-аншефа И.Ф. Глебова (председатель), генерал-поручиков П.С. Мещерского, А.П. Мельгунова и белгородского воеводы В. Нарышкина, получившая недвусмысленные инструкции довести дело до конца [21. Т. 12. С. 175–177]. О причине этой немилости, этого неожиданного поворота в судьбе Хорвата говорится в устном предании, которое было обнародовано Петром Бартевым. Оно гласит, что когда до Хорвата дошло известие о случившемся в Петербурге перевороте, он «в простоте своего славянского сердца немедленно объявил, что вместе со своими сербскими дружинами пойдет на помощь к низвергнутому якобы императору Петру» [22. С. 355]. На сей раз интуиция подвела этого чрезвычайно изворотливого человека. Он сразу попал в опалу и был взят под стражу.

Поначалу казалось, что и на этот раз ему удастся выйти сухим из воды. Известно даже напутствие Екатерины членам следственной комиссии, чтоб «ево без нужды не обижали б» [22. С. 356]. Хорват же действовал проверенным способом. Его канцелярия день и ночь строчила доносы на всю комиссию и на каждого члена в отдельности, а также на всех прочих жалобщиков, в ход шли подкуп, шантаж. Членов комиссии он «начал страшать, что ожидает скорого указу о взятии комиссии в Петербург». В своих многочисленных письмах в столицу Хорват упирал на свои заслуги и не уставал задаваться вопросом: «И что подумают за границую о таковых поступках з генералитетом, столь заслуженным как я?» [12. Оп. 6. Кн. 1. Д. 4. Л. 62об., 108об.].

Однако на сей раз все эти способы защиты не сработали. Члены комиссии сумели найти им противоядие. В донесениях царице они писали, что «Хорват со всем своим богатством не в состоянии был их купить», и недвусмысленно намекали на непочтительное отношение фигуранта к самой императрице. Так, в «Записке» генерал-майора Нарышкина от 4 июня 1763 г. пересказывались речи Хорвата, в которых он выражал недоверие комиссии, действующей якобы против воли царицы. При этом он заявлял, что знает о настоящем ее указе «и видел, стояв за стулом у Ея величества, когда тот указ она писать изволила, и написав, объявила: вот, не боися, мы тебя не велели ничем огорчать». Екатерина, которая внимательно читала все донесения, была оскорблена такой фамильярностью и на полях рапорта Нарышкина написала со свойственными ей ошибками: «Никогда Хорват за маим стулом не стаявал» [12. Оп. 6. Кн. 1. Д. 4. Л. 62–63]. Уже 11 июня последовал именной указ Сенату об отрешении Хорвата от Новосербского корпуса и всего тамошнего поселения [15. Т. 16. С. 297–299].

Следствие продолжалось около полутора лет. Члены комиссии жаловались, что Хорват всячески его затягивает, «на вопросные пункты медленно отвечает и пишет сверх требуемого много излишнего и совсем неподлежащее, к одному только затмению» [12. Оп. 6. Кн. 1. Д. 4. Л. 61об.]. На то пришел специальный указ императрицы, в котором было «велено ему, Хорвату, чтоб он ответы свои подавал в комиссию немедленно, а неподлежащего б отнюдь не писал» [12. Оп. 6. Кн. 1. Д. 4. Л. 80].

Обвинения в злоупотреблениях подтвердились по всем статьям. В ходе следствия в декабре 1763 г. была проведена перепись всего населения Новой Сербии, в которой проживало всего 50 028 человек. Оказалось, что сербов среди них было всего 1 857 чел. или 3,7% [16. Д. 370. Л. 6–7]. И это всех, включая не только военных поселенцев, но и женщин, стариков и детей. При этом среди рядовых и офицеров оказалось большое число «неспособных к службе за старостою, дряхлостью, слепотою от рождения и глухотою, малоумием и малолетством». Среди малолетних значились и три подполковника – 14, 13 и 11 лет. Это были, разумеется, сыновья Хорвата – Антон, Осип и Иван [23. Д. 221. Л. 279–281, 426–431, 460–463].

Вся деятельность Хорвата была оценена исключительно негативно, а он сам характеризовался следующими словами: «хитрой, дерзкой, предприимчивой, нечеловеколюбивой»; в Новой Сербии ведет себя так, «как будто в самовластное его правление все отдано было и как бы ни за что ответ давать не должен» [12. Оп. 6. Кн. 1. Д. 4. Л. 83об., 101об.]. Следствие установило, что Новой Сербией «от начала до ныне уже было употреблено из государственной казны до 700 000 рублей». Расходы эти были признаны совершенно неэффективными и чрезмерными («казне в тягость»). 22 марта 1764 г. Екатерина II высочайше утвердила доклад Н.И. и П.И. Паниных «О именовании Новосербского селения Новороссийскою губерниею» [15. Т. 16. С. 657–667].

В обвинительном заключении, которое было представлено императрице в докладе сенатора Н.И. Панина и генерала А.П. Мельгунова 1 мая 1764 г., преступления Хорвата были изложены в 16 пунктах, главными из которых были: употребление казенных средств «в противные указам расходы», присвоение жалования офицеров и солдат, незаконные поборы и подача Сенату «ложных рапортов о числе людей, через что и получал чины своим малолетним сыновьям». По этим пунктам только доказанные суммы хищений составили 124 613 руб. ¼ коп. [12. Оп. 6. Кн. 1. Д. 4. Л. 162–163об.]. В докладе предлагалось взять недвижимое имущество Хорвата «в казенное смотрение», «его деньги, серебряную и золотую посуду, бриллиантовые вещи, скот, лошадей, конские уборы, ружья, мельницы и лавки – описать и продать с публичного торгу», а детей со службы уволить. На докладе

царица собственноручно написала: «По сему исполнить Военной коллегии» [12. Оп. 6. Кн. 1. Д. 4. Л. 164–166].

Для вынесения приговора императрица учредила специальный военный суд, который под председательством генерала Олица заседал в крепости Св. Елизаветы, где и следствие проводилось. Суд постановил: «[...] учинить ему, Хорвату, смертную казнь – повесить, а деревни его все описать на Ея императорское величество». По именному указу от 1 декабря 1764 г. Екатерина II освободила Хорвата от смертной казни и повелела «жить ему неисходно на Вологде под воеводским приглядом» и впредь воздерживаться «от всяких продерзостей, опасаясь в противном случае нашего тяжчайшего гнева» [12. Оп. 6. Кн. 1. Д. 4. Л. 166об.–167об.].

Все биографы Хорвата сообщают, что он и умер в вологодской ссылке в 1780 г. [4. С. 413]. Однако в действительности Хорват был прощен императрицей. Сначала, 5 августа 1773 г., по высочайшему указу все его имения были отданы в управление жене Магдалине Ивановне и детям [12. Оп. 6. Кн. 1. Д. 5. Л. 192об.]. Через два года, 3 декабря 1775 г., Екатерина издала указ, по которому «велено оному генерал-поручику возвратить чины и достоинства жить в его деревнях» [12. Оп. 6. Кн. 1. Д. 5. Л. 193]. В 1776 г. восстановленный в звании генерал-поручика Хорват вернулся в свои имения. Вплоть до своей смерти в 1780 г. он свято следовал напутствию царицы «воздерживаться от продерзостей», в большой политике не участвовал, разве что увлекся судебными тяжбами со своими соседями [12. Оп. 6. Кн. 1. Д. 5. Л. 188–190об., 201].

Дети Хорвата в 1775 г. были восстановлены на военной службе в прежних званиях. За них ходатайствовали видные люди государства – Г.А. Потемкин, П.А. Румянцев, П.М. Голицын [23. Д. 221. Л. 415–416, 426–427, 460–463]. Двое из них дослужились до генеральского чина. Помимо немалого числа генералов и офицеров, среди потомков Хорвата были: губернатор, камер-юнкер, статские советники, губернские предводители дворянства, профессора университета и врачи. В отечественной истории не остался незамеченным и последний известный представитель этой фамилии, праправнук Ивана Хорвата генерал-лейтенант Дмитрий Леонидович Хорват (1858–1937), который летом 1918 г. объявил себя «временным верховным российским правителем», а затем был уполномоченным А.В. Колчака по Дальнему Востоку.

Деятельность Ивана Хорвата и его следственное дело интересны не только в контексте истории отечественного казнокрадства, но и тем, что позволяют определить реальные масштабы сербской переселенческой акции середины XVIII в., более трезво взглянуть на истинные мотивы граничар, которые стремились в единоверную Россию отнюдь не из-за мнимых религиозных гонений и других притеснений в Австрии. О них откровенно поведал в реляции в октябре 1763 г. российский посол в Вене князь Д.М. Голицын: «Всяк же, кто ни является, требует денег, а без того ни одного охотника к выходу в Россию не сыскивается» [14. Оп. 6. Д. 415. Л. 2об.].

Вместе с тем нельзя не отметить, что хотя сербско-русские отношения той поры не были лишены корысти и расчета, причем с обеих сторон, все равно для утратившего государственность и разделенного границами народа сама возможность обратиться к великой православной державе за помощью и покровительством, на худой конец, перейти в российское подданство, была ощутимой поддержкой, ибо давала сербам своего рода точку опоры в быстро меняющемся и зачастую враждебном мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дашикова Е.Р. Записки. М., 1987.
2. Известие о походе Симеона Степановича Пишчевича. 1731–1785. М., 1884.
3. Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. М., 1984.

4. Русский биографический словарь. СПб., 1901. Т. 21.
5. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1993–1994. Кн. 12–13.
6. *Скальковский А.* Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. 1730–1823. Одесса, 1836. Ч. 1.
7. *Попов Н.А.* Военные поселения сербов в Австрии и России // Вестник Европы. 1870. Т. 3. С. 584–614.
8. *Григорович В.И.* Об участии сербов в наших общественных отношениях. Одесса, 1876.
9. *Костић М.* Српска насеља у Русији: Нова Србија и Славеносрбија // Српски етнографски зборник. Београд, 1923. Књ. 14.
10. *Бажова А.П.* Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. М., 1982.
11. *Хевролина В.М.* Из истории создания и боевой деятельности сербских воинских формирований в России в первой половине XVIII века // Югословенске земље и Русија у XVIII веку. Београд, 1986.
12. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 2. Внутренние коллежские дела.
13. *Костяшов Ю.В.* Сербские граничары // Вопросы истории. 1997. № 5.
14. АВПРИ. Ф. 32. Сношения России с Австрией. Оп. 1.
15. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830–1842. Т. 13–16.
16. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 10. Кабинет Екатерины II. Оп. 3.
17. Сербы в Киеве // Киевская старина. 1885. № 7.
18. РГАДА. Ф. 248. Сенат и его учреждения. Кн. 3344.
19. *Костяшов Ю.В.* Неизвестные страницы жизни сербского просветителя XVIII в. Павла Юлинца // Вестник МГУ. Серия: История. 1994. № 6.
20. АВПРИ. Ф. 86. Сношения России с Сербией и Славонией. Оп. 1.
21. Сенатский архив. СПб., 1903–1913. Т. 10–15.
22. Осьмнадцатый век. М., 1868. Кн. 3.
23. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 10. Гусарское повытье Канцелярии Военной коллегии. Оп. 1/74.

© 2012 г. Л.И. САЗОНОВА

СКАЗАНИЕ О НАПОЛЕОНЕ-АНТИХРИСТЕ: СТАРООБРЯДЧЕСКИЙ ВАРИАНТ Антинаполеоновского мифа

Старообрядческий вариант антинаполеоновского мифа изучается на основе ново-найденного рукописного Сказания о Наполеоне-антихристе, датируемого вторым десятилетием XIX в. Коллективное сознание старообрядцев сформировало образ Наполеона-антихриста, встроив его в традицию эсхатологического учения, восходящего ко времени церковного раскола середины XVII в.

In the present article, the Old-Believers' version of the anti-Napoleonic myth is studied on the basis of the recently discovered manuscript *The Story of Napoleon the Antichrist*, dated as early as the second decade of the nineteenth century. Collective identity of the Old Believers produced the image of Napoleon the Antichrist, having built it into the tradition of eschatological teaching, stemming from the period of the Russian Church Schism in the middle of the seventeenth century.

Ключевые слова: старообрядцы, сказания о Наполеоне-антихристе, эсхатология, Апокалипсис, уральские казаки, «Греческий проект».

Наполеон – фигура, вокруг которой как в Западной Европе, так и в России сформировались в короткий промежуток времени – всего лишь за четверть века – культурные мифы: антинаполеоновский и романтический, героизирующий его личность, реализовавшийся в массовом сознании эпохи. Они отражают широкий спектр оценок французского императора: от негативного восприятия его как врага христианской веры до восхищения им как героем, покорившим судьбу, которая вознесла его на вершину власти.

Образу Наполеона в русском общественном сознании, культуре и литературе XIX в. посвящено немало исследований (см., например, [1. Т. 236. № 2. С. 195–228; Т. 237. № 4. С. 214–243; Т. 238. № 6. С. 3–34; Т. 239. № 7. С. 73–114; 2. С. 193–324; 3; 4. С. 126–138; 5. С. 159–172; 6]. Однако возможности изучения этой темы далеко не исчерпаны. В данной работе мы обратим внимание на аспект, который до сих пор, насколько нам известно, оставался вне поля зрения историков литературы и нуждается в разработке. Речь идет о старообрядческом варианте антинаполеоновского мифа, представленном в ряде сочинений, бытовавших в рукописной традиции первой трети XIX в. и пока еще не введенных в научный оборот. В статье изучается, в частности, ново найденное сказание о Наполеоне-антихристе анонимного старообрядческого автора [7] в контексте русской литературной традиции.

В общественном сознании эпохи широко было распространено представление о Наполеоне как антихристе. На формирование этого образа, как уже неоднократно

Сазонова Лидия Ивановна – д-р филол. наук, главный научный сотрудник Института мировой литературы РАН.

но отмечалось исследователями, определенное влияние оказало «Объявление» Святейшего Синода, составленное при непосредственном участии придворного проповедника Платона (Левшина) в связи с царскими манифестами о начале войны с Францией; в соответствии с именным указом от 6 декабря 1806 г. оно провозглашалось в храмах каждый воскресный и праздничный день после литургии. Наполеону дана здесь следующая характеристика:

«Неистовый враг мира и благословенныя тишины, Наполеон Бонапарте, самовластно присвоивший себе царственный венец Франции, и силою оружия, а более коварством распространивший власть свою на многия соседственныя с нею государства, опустошивший мечем и пламенем их грады и селы, дерзает в иступлении злобы своей угрожать свыше покровительствуемой России вторжением в ея пределы [...] и потрясением Православныя Грекороссийския Церкви во всей чистоте ея и святости [...]» [8. С. 928].

Возникновение у Наполеона зловещих замыслов, «коими он пограл закон и правду», связывается в синодальном документе с антихристианскими законами победившей во Франции «богопротивной революции» 1789 г., «бедственной для человечества и навлекшей небесное проклятие на виновников ея, отложился он (Наполеон. – Л.С.) от Христианской веры, на сходбищах народных торжествовал учрежденныя лжеумствующими богоотступниками идолопоклонническая празднества и в сонме нечестивых сообщников своих воздавал поклонение, единому Всевышнему Божеству подобающее, истуканом, человеческим тварям и блудницам, идольским изображением для них служившим» [8. С. 928].

Наполеон обвиняется не только в отступлении от христианской веры, в идолопоклонстве, но и в том, что во время похода в Египет стал якобы приверженцем ислама: «В Египте приобщился он гонителям церкви Христовой, проповедывал Алкоран Магометов, объявил себя защитником исповедания суеверных последователей сего лжепророка мусульман и торжественно показывал презрение свое к Пастырям Святыя церкви Христовой» [8. С. 928].

И, наконец, как сказано в «Объявлении» Святейшего Синода, Наполеон, уравнив всех граждан в правах, открыл дорогу заговору мирового еврейства против христианской веры: «[...] созвал во Франции Иудейския синагоги, повелел явно воздавать раввинам их почести и установил новый великий сангедрин Еврейский, сей самый богопротивный собор, который некогда дерзнул осудить на распятие Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа – и теперь помышляет соединить Иудеев, гневом Божиим рассыпанных по всему лицу земли и устремить их на испровержение Церкви Христовой и (о, дерзость ужасная, превосходящая меру всех злодеяний!) на провозглашение лжемесии в лице Наполеона» [8. С. 928–929].

Следует подчеркнуть, что в синодальном воззвании определение Наполеона как антихриста отсутствует, и в официальном церковном документе его и не могло быть. Церковь считала недопустимым «историческое понимание пророчеств об антихристе как повествований о конкретных исторических личностях» (см. [9. С. 563]) и не поддерживала проповедь о явлении антихриста в лице конкретного человека. Однако формулировки, содержащиеся в «Объявлении» Святейшего Синода, подталкивали к мысли, что Наполеон может быть уподоблен антихристу, и некоторые «ревностные пастыри церкви в своих проповедях дошли до того, что называли Наполеона в своих проповедях антихристом» [1. Т. 237. № 4. С. 236]. По-видимому, находясь под впечатлением образной стилистики воззвания, Ф.Н. Глинка писал: «Перед войною 1807 года при вызове народного ополчения (милиции) издан был краткий манифест, из которого явно выглядывал “Наполеон-антихрист”» [10. С. 448]. Подполковник И.Т. Радожицкий начал свои записки словами: «Наполеон, с высоты престола своей воинственной монархии, рассевал ужас по всей Европе. Имя его приводило в трепет не только немецкую чернь, но и Русскую, которая не иначе о нем разумела, как об Антихристе, по сходству имени

его с апокалипсическим Аполлионом. Он был камнем преткновения для Русских мудрецов». По его же воспоминаниям, некий нестроевой офицер, «человек грамотный, занимавшийся чтением Священного Писания и Московских ведомостей, более всех ужасался Наполеона. Терзаемый призраками своего воображения, он стал проповедывать нам, что этот Антихрист» и есть «Аполлион или Наполеон» [11. С. 16].

После заключения Тильзитского мира 25 июня 1807 г. «Объявление» Святейшего Синода высочайшим указом было отменено. Тем не менее образ Наполеона-антихриста запечатлелся в памяти культуры. Воспевая в 1812 г. «победы звучным тоном Царя Славян над Авадоном», Г.Р. Державин нарисовал в «Гимне лиро-эпическом на прогнание Французов из отечества» портрет Наполеона, используя мотивы Апокалипсиса:

Открылась тайн священных дверь!
Ишел из бездн огромный зверь,
Дракон иль демон змиевидный;
Вокруг его ехидны
Со крыльев смерть и смрад трясут,
Рогами солнце прут [...]
Бегут все смертные смятенны
От князя тьмы и крокодильных стад.
Они ревут, свистят и всех страшат [...]
О, так! таинственных числ зверь,
В плоти седьмглавый Люцифер,
О десяти рогах венчаный,
Дни кончит смрадно.
Сей мнимый гений, царь царей,
Падет злый вождь вождей

[12. Т. 3. С. 138, 139, 151–152]¹.

Взгляд на Наполеона как на антихриста разделяли представители разных конфессий: и православные, и католики, и протестанты. Такой же точки зрения придерживалось и альтернативное старообрядческое благочестие.

Однако в отличие от установлений официальной Церкви старообрядцы прямо именовали Наполеона антихристом. Характерную особенность их отношения к Наполеону как к фигуре антихристовой, сатанинской, дьявольской составляет то, что такое восприятие было сформировано ими в значительной мере самостоятельно, вне воздействия синодального документа 1806 г. Созданию в их сочинениях образа Наполеона-антихриста предшествовала устойчивая, восходящая ко времени церковного раскола середины XVII в. традиция эсхатологического учения, содержащего новые, по сравнению с общеправославной теорией, идеи об антихристе и царстве антихристовом. Царство антихриста начиналось для них на Западе, откуда распространилось на Восток Европы, а после 1666 г. – на Русь.

Раскол, начало которому положили нововведения патриарха Никона в церковной жизни, поляризовал коллективное сознание и породил обильную богословско-эсхатологическую литературу о наступающих «последних временах». Старообрядцев объединяло убеждение в истреблении истинной веры и благодатного священства, усилившее в их среде эсхатологические чаяния и острое ощущение скорого конца. Сопоставляя современные им события с эсхатологическими сюжетами, они воспринимали реальный мир как царство сатаны и жили напряженным

¹ Библейские параллели к приведенным строкам «Гимна...» прослежены в комментарии Я. Грота [12. Т. 3. С. 138, 139, 151–152].

ожиданием второго пришествия Христа и Страшного суда, чему предшествует время антихриста.

В сочинениях старообрядческих авторов разных согласий тема антихриста была одной из важнейших. Прямое влияние на сознание и историко-богословское творчество народных писателей оказали апокалиптические тексты Священного писания и издания московского Печатного двора, основанные на сочинениях украинских и белорусских полемистов XVI–XVII вв.: «Книга Кирилла Иерусалимского» (1644), содержащая «Казанья святого Кирилла, Патриарха Иерусалимского, об антихристе и знаках его», а также «Книга о вере» (1648) (см. [13. С. 14–15]).

Эсхатологическая тема о наступлении после реформ патриарха Никона «последнего времени» и царства антихриста особенно актуальной была у старообрядцев-беспоповцев². В их коллективном сознании одной из самых захватывающих оказалась идея власти и воплощения антихриста. Назывались имена всё новых «предтеч» Антихриста. В старообрядческой среде патриарх Никон и русские государи, начиная с царя Алексея Михайловича, неизменно воспринимались в качестве сатанинских и языческих. Применяя теорию антихриста к появляющимся новым историческим реалиям, народное сознание отождествило с антихристом сына царя Алексея Михайловича – новорожденного царевича Симеона³, усмотрев в факте его рождения в апреле 1665 г. предвестие скорого наступления «последнего времени», «третьего отступления» от православной веры. Теория «трех отступлений», т.е. постепенного, в несколько этапов, отпадения во власть Антихриста христианского мира, в основание которой положена идея Москва – Третий Рим, пользовалась у старообрядцев особой популярностью (см. [14. С. 24])⁴. Последнее, третье отступление от христианской веры ожидалось в 1666 г.⁵ Дата эта была составлена путем сложения двух апокалиптических чисел: 1000 лет (когда после освобождения сатаны из бездны единству христианского мира пришел конец, см.: Откр 20:3, 7) и «числа зверя» – 666 (Откр 13:18). Поэтому неслучайным выглядит «выдвижение» в начале 1666 г. кандидатуры младенца-царевича Симеона на роль антихриста. 1666 год, который был определен, согласно пророчеству «Книги о вере», как время конца мира, старообрядцы соотнесли с датой Московского церковного собора, осудившего раскол, утвердившего никоновскую реформу и санкционировавшего проведение «книжной sprawy». Авторы наиболее радикальных эсхатологических теорий – поморские старообрядцы, федосеевцы – утверждали, что, начиная с 1666 г., все русские государи суть антихристы.

Развивая теорию «чувственного» антихриста (антихрист – определенный человек), писатели-старообрядцы отождествили с антихристом Петра I. В их сочинениях Петр назван «зверем двоеглавым», потому что он не только царь, глава государства, но после уничтожения патриаршества он стал и главой Церкви. Анонимный автор «Зеркала о перероде третьего североримскаго московскаго царствия» излагает историю, призванную показать, «что во образе юпитерском ны-

² Эсхатологические построения крестьян-старообрядцев поморского и федосеевского согласий наиболее полно представлены в монографии Н.С. Гурьяновой [14. С. 17–60].

³ Сохранился документ от 15 февраля 1666 г., в котором рассматривается «великое непристойное государственное дело»: в донесении из Рождественского монастыря (в г. Владимире) сообщалось в Приказ тайных дел о расспросных речах по следственному делу в отношении попады Анны, называвшей «благоверного царевича Симеона Алексеевича» антихристом [15].

⁴ Старообрядцы упрекали никониан за отступничество от идеи Москва – Третий Рим.

⁵ См. в сочинении анонимного старообрядческого автора «Слово о последнем отступлении и о Антихристе»: «По 1666 лет будет отступление от веры христианской во всех четырех краях всея вселенныя. Тысяща бо лет от воплощения Христова до пришествия Антихристова. В первых убо по развязании своем сатана изшед из бездны, абие тогда древний Рим нечестием порази со всеми западными странами; второе, егда исполнися 1595 лет, тогда и Литву отступлением пленив. В то же время и Царьград отступлением порази. Третье – по исполнении 1666 года и Российское царство отторжено бысть по сих» [16. № 18. Л. 85об.]

нешняго рода людем глава церковная Петр образ антихристов носящи узрится» [17. Л. 185]⁶. Аргументация строится от числового значения титула, приведенного, что примечательно, в форме «иператор» (а не «император»), тем самым сумма цифровых значений слова (i = 10, п = 80, е = 5, р = 100, а = 1, т = 300, о = 70, р = 100) намеренно подгоняется под «число зверя»⁷: «и титла римска иператор 666 число заключает быти и чрез таковое числосчисление существо антихристово Петра Перваго [...] яко главою церковною и яко всемогущим архиереом исполнися» (числовое значение изъятой буквы «м» – 40; следовательно, слово «император» соответствует числу 706). Идея о Петре I – антихристе обосновывается, кроме принятия им титула императора, также тем, что он ввел летосчисление от Рождества Христова, «начал учить живописцев во Амстердаме», возлюбил «иметь церкви лютеранские и реформатского законов» и «музыки за столом», а иконы, появившиеся во время его правления, напоминают фламандскую и нидерландскую живопись [17. Л. 270об.]⁸.

В тех толках и сектах, в которых учение об антихристе и эсхатологизм оказались наиболее живучи, крайние формы приобрела теория «расчлененного» антихриста, выражавшая представление о том, что, начиная с Петра, все российские императоры – антихристы, поскольку несут в своем титуле «число зверя» 666. Екатерина II изображается держащей жезл, обвитый двумя «змиями» – знак антихриста. В старообрядческой «Книге о собрании различных повестей на осмый век...», написанной во время царствования Николая I, выстраивается преемственность российских императоров-антихристов, последним в этом ряду назван правящий монарх [19. № 1543. Л. 87].

Приспосабливаясь к эсхатологическим настроениям эпохи, меняющееся сознание старообрядцев сформировало новый стереотипный образ – Наполеона как антихриста, встроив его в существовавшую традицию, в которой все русские монархи, начиная с царя Алексея Михайловича, объявлялись антихристами. В таком отношении к французскому императору были единодушны старообрядцы всех согласий. Бонапарта они включили в свою эсхатологическую схему как еще одно доказательство, как дополнительный аргумент надвигающегося конца мира.

Необходимо заметить, что официальное православие XVII – начала XVIII в. использовало определение «антихрист» по отношению к внешним и внутренним врагам. В аспекте религиозного противостояния христианства и мусульманства воспринимались русско-турецкие войны. В пьесе «Алексей человек Божий» святой Алексей желает царю Алексею Михайловичу побед в борьбе с Оттоманской Портой: «Антихристом южь правым войну хочеш маги / И з оным ся потужне мыслиш пасовати. / Пасуйся. Бог ти в помощь! Я при тобѣ стану, / Яко при православном монарѣ и пану, / Буду горячо Бога о тое благати, / Бы побѣду рачил ти над врагами дати» (цит. по [20. С. 74]). Святой обещает, что в небе царь обретет райскую жизнь, а пока что ему предстоит трудное и великое дело – правая война с антихристом (турками). В русской публицистике XVII в. образ антихриста выражал представление об агрессивных врагах христианства и прежде всего православия, под ним понимались Римский Папа, Лютер. Понятие «антихрист» обозна-

⁶ Рукопись первой половины XIX в. (бумага 1825 г.), 384 л.

⁷ В сочинении «Титин» Евфимий (1743/1744–1792), один из наиболее видных идеологов старообрядчества, основатель страннического (бегунского) согласия, объясняет такую форму следующим образом: Петр I «прия именоватися по-римьски “император”. Обаче на римьском языке сие императорское имя глаголется без “мыслетей” (произносится без звука ‘м’. – Л.С.), яко же о том в букварях трязычных показует и пишется сице: “иператор”» [18. С. 306, 311]. Однако в «Лексиконе трязычном» (М., 1704) Ф. Поликарпова, которым мог бы пользоваться Евфимий, слово «император» отсутствует. Форма «иператор», изредка встречающаяся в текстах XVIII–XIX вв., пришлась как нельзя кстати старообрядцам, наделивших ее семантикой апокалиптического числа.

⁸ См. также о Петре I – антихристе сочинение, вышедшее из среды страннического (бегунского) согласия: «Книжица возобличение о Антихристе» [19. № 1953. Л. 1– 322об.].

чало высшую степень церковно-государственного и идеологического осуждения. Измена государю и переход Мазепы на сторону шведского короля Карла XII воспринимались как вероотступничество. В памфлете Стефана Яворского на «изменника Мазепу» («Позорное эхо всепагубного анафемы») в ряду ругательств и проклятий – «всескверный антихрист», «сатана», «диавол», «адский наместник» (публикацию текста см. [21. Р. 177–188]); в составленном им же церковном документе – анафеме – Мазепа характеризуется более осторожно – как «антихристов предтеча» [22. С. 253].

Таким образом, можно заметить определенную переключку между официальным православием и альтернативным старообрядческим благочестием: Наполеон воспринимается как внешний враг и как враг веры. Существенное отличие состоит, однако, в том, что определение «антихрист» применяется писателями-староверами не просто как форма осуждения противника. Образ Наполеона-антихриста встраивается ими – совершенно в духе средневековой традиции – в эсхатологическую систему представлений о конце мира.

В сказаниях о Наполеоне, появившихся в старообрядческой среде в первой трети XIX в., мы имеем дело с литературной традицией, вышедшей за хронологические рамки Средневековья и продолжившей свою жизнь уже в культуре Нового времени. Являясь составной частью старообрядческой письменности XIX в., эти сочинения созданы в традициях средневековой книжности в то время, когда уже более ста лет тому назад на смену средневекового типа культуры пришел тип культуры Нового времени, когда давно уже отгремели оды М.В. Ломоносова, и Карамзин написал несколько томов «Истории государства Российского», а лицеист Пушкин своими стихами обратил на себя внимание Державина и Жуковского. Русский литературный язык прошел к этому времени через реформу Карамзина, язык же народных деятелей, крестьянских писателей по-прежнему базируется, как и их взгляды, на старых церковнославянских литературных традициях: это язык книжных начетчиков, в круге чтения которых на первом месте были Священное Писание и святоотеческая литература; впрочем, язык этот не лишен понятий, реалий, литературных формул Нового времени («верные сыны Отечества», обращение «любезный читателю» и др.), а также фольклорных элементов.

Рукописная традиция XIX в. донесла до нас несколько сказаний о Наполеоне-антихристе. Особый интерес представляет новонайденное произведение неизвестного автора в рукописи, датированной вторым десятилетием XIX в. (не ранее 1812 г.) [16. № 2]. Авторского заглавия текст не имеет и начинается со ссылок на сочинения, в которых обсуждается вопрос о времени и обстоятельствах появления антихриста. На первом месте назван широко распространенный в древнерусской книжности XII–XVII вв. сборник постоянного состава «Златоструй», содержащий толкование об Антихристе, «како приидет, родится и воцарится, и прельстит языки, и соберет воинство страшное себе в жертву и на Иисуса Христа Сына Божия». Далее следует указание на книгу «Щит веры»⁹ и, наконец, на Откровение Иоанна Богослова, где повествуется о борьбе Церкви с духом антихристовым. Таким образом, автор обозначил круг чтения и источников, которыми воспользовался при написании своего сочинения.

Через призму средневековой богословско-историософской традиции автор пытается осмыслить современные ему события. В шествии Наполеона на Россию он видит осуществление пророчества из Апокалипсиса, где Христос предрекает борьбу с Антихристом: «Антихрист, титин преисподний, а явится на земли по времени своему на осмый век и нарицая себя четвероипостасна имя разных ти-

⁹ Под названием «Щит веры» известны сборник, составленный в конце XVII в. книжниками-грекофилами [19. № 1570], и книга, приписываемая поморскому писателю второй половины XVIII в. Тимофею Андрееву (список XIX в.) [23. Л. 603–741]. Оба сочинения содержат разделы, посвященные эсхатологическим проблемам.

ран: по еврейский Авадон, по еллинский Аполлион, а по греческий Бонапарт, а по словенский и российский Антихрист» [16. № 2. Л. 2]. Произойдет, таким образом, пришествие антихриста в облике Наполеона Бонапарта. Автор доказывает эту мысль, используя созвучие имен «Наполеон» и «Аполлион». Согласно Откровению Иоанна Богослова, «Аполлион» есть «ангел бездны» – губитель (греч. ἀπόλλυμι – губить, уничтожать): «имя ему по-еврейски Авадон, а по-гречески Аполлион» (Откр 9:10–11). Мы уже отмечали, какое впечатление произвел на коллективное сознание синодальный «манифест» 1806 г. И если даже дворянин, офицер, о котором вспоминал И.Т. Радожицкий, пустился в сопоставление библейских текстов с именем «императора французов» для доказательства его антихристовой сущности, то старообрядцы с их знанием Апокалипсиса и склонностью искать в Священном Писании тайный смысл, легко оперируя с этой целью формой слов, тем более не могли пройти мимо созвучного имени Наполеона определения «Аполлион».

Демонстрируя «филологическую эрудицию», автор сказания обращается к авторитету священных языков, и для того, чтобы изобразить четырехипостасную сущность антихриста, он апеллирует, кроме древнееврейского и церковнославянского («словенороссийского») языков, к «еллинскому» и «греческому», трактуя их как разные языки. Имя Наполеона окружается апокалиптическими именованиями, такими, как: Авадон (определение, использованное и Г.Р. Державиным в «Гимне лиро-эпическом на прогнание Французов из Москвы»), а также «титин преисподний». Уже в Средневековье высказывалось мнение, что имя антихриста будет состоять из таких букв, сумма чисел которых будет равна 666. Святой Ипполит Римский, чей трактат «О Христе и антихристе» был хорошо известен в старообрядческой среде, указывал в качестве возможных несколько имен, в том числе и Τετάν (в греческом языке буквы алфавита также означают и числа) [9. С. 563]. Это греческое слово употреблялось в писаниях старообрядцев в форме «Теитан» (τ = 300, ε = 5, ι = 10, τ = 300, α = 1, η = 50) [18. С. 306] или «Титин» (τ = 300, ι = 8, τ = 300, ι = 8, η = 50): «титин еже есть преисподний бес» (см.: «О скверном имени антихристове» [24. Л. 167]; «Слово о последнем отступлении и о Антихристе истолковано на Ипполита, папу Римского, и Ефрема Сирина [16. № 18. Л. 88]). Сумма числового значения букв в обоих словах равняется «числу зверя» – 666. Автор сказания о Наполеоне, ссылаясь на Апокалипсис (Откр 13:18) и толкование Ипполита, папу Римского, упоминает о «печати антихристовой: печать бо его 666». Собственное имя антихриста не открыто и неизвестно, ибо оно «недостойно быть возвещенным от Духа Святого» [9. Л. 562]. Тайнственное число есть уже само по себе его собственное имя.

На эсхатологические построения старообрядцев, как известно, заметное влияние оказали сочинения немецкого протестантского писателя-мистика Иоганна Генриха Юнга-Штиллинга (1740–1817), который под влиянием революционных событий во Франции высказал мысль о скором конце мира и грядущей схватке с антихристом (см. [25. С. 809]). В войнах Наполеона он видел антихристов поход с Запада на Восток. Этот автор пользовался большой популярностью в России, ему благоволил император Александр I, который неоднократно встречался и беседовал с ним летом 1814 г. (см. [26. С. 321–323]). На сочинения Юнга-Штиллинга обратили внимание «мистики» александровской эпохи, они перевели его труды, которые получили широкое распространение и в России, – это толкование на Апокалипсис «Победная повесть, или Торжество веры христианской» (рус. пер.: СПб., 1815) и «Угроз Световостоков» (рус. пер.: СПб., 1806–1815). По мысли Юнга-Штиллинга, «выступивший в рационалистической и материалистической Франции антихрист будет распространять свое господство и далее, после захвата власти антихристом христиане должны бежать в Россию и на Ближний Восток, но до этого нужно бороться с натиском антихриста с запада, поэтому борьба европейских народов про-

тив Наполеона истолковывалась им как освободительная против антихристовой силы» [27. С. 571].

Идеи Юнга-Штиллинга о том, что события во Франции знаменуют наступление конца света, а Наполеон есть последний антихрист, произвели сильное впечатление на старообрядцев-беспоповцев и сохранили свое значение в их среде вплоть до 80-х годов XIX ст. (см. [28. С. 578–579]).

Опираясь на сочинения протестантского мистика, старообрядческий писатель, свидетель событий Отечественной войны, Яков Васильевич Холин (ум. 1820 г.) доказывал, что в имени Наполеона (в форме Наполеонтий) содержится звериное число 666. Другой писатель того же, федосеевского, согласия Сергей Семенович Гнусин, специально разрабатывавший учение об антихристе, также стремился убедить своих читателей в том, что Наполеон – антихрист, поскольку его отличает неутомимая жажда к самовластию, являющаяся проявлением вольнодумства; слово же «вольнодум» заключает в себе, по подсчетам Гнусина, число 666 ($2+70+30+50+70+4+400+40=666$) (см. [25. С. 810]).

Заметим, что не только народные писатели староверия занимались подобными вычислениями. Известно, что уже в первые дни вторжения Наполеона в Россию доктор философии, профессор экзегетики и восточных языков Дерптского университета Вильгельм Фридрих Гецель направил на имя военного министра и главнокомандующего 1-й Западной армии М.Б. Барклая-де-Толли письмо, в котором привел «каббалистическое изъяснение» того места из Апокалипсиса (Откр 13:18), где говорится о «зверинном числе» (666) как доказательстве антихристовой сущности Наполеона. По приказу Барклая-де-Толли письмо В.Ф. Гецеля рассылалось полковым священникам для их проповеднической практики в целях идеологического обоснования военных действий как народной священной войны и для воспитания у солдат антинаполеоновских настроений, дабы «вселить в Императорское Российское воинство то уверение, что оно провидением избрано к прекращению в нынешнем 1812 году тех бедствий, кои Наполеон навлек на всю Европу»¹⁰.

Столь грандиозная и страшная фигура, вселявшая ужас, вызвала вспышку эсхатологических настроений. В сочинениях старообрядцев Наполеон продолжает ряд правителей-антихристов, и такое определение дано ему как врагу веры, всех истинных христиан и как завоевателю. Если Наполеон – враг веры, то войско его – язычники. Рассказ о завоеваниях императора автор сказания о Наполеоне накладывает на апокалиптическую концепцию конца времен, приписывая свои слова для придания им авторитетности евангелисту Иоанну Богослову, от лица которого сообщает следующее:

«Во-первых, получит сан, во-вторых, – королевство, в-третьих, подвергая всех под свой титул, и пустит огонь неугасимый и пролиет кровь, яко воду, и Римскую столицию похитит, и власть римскую, и корону возмет на себя; в-четвертых, потом принудит признати его подъякрытием южной столицы и приневолены будут страхом и ужасом и кровопролитием в жертву Богу и в жертву Аввадону. Егда же примет титул от южнаго царства и столицы, тогда многие страны и земли покорятся ему [...] и прославится царем южным» [16. № 2. Л. 3–3об.].

В упоминании о похищении «Римской столицы» слышатся явные отзвуки столь популярной среди старообрядцев историософской концепции начала XVI в. «Москва – Третий Рим». Первым этапом захвата мира силами зла они считали падение Рима после тысячелетнего господства христианства (Откр 20:4–6). Следующим этапом распространения власти антихриста рассматривали Брестскую унию, о которой в тексте говорится иносказательно как о подчинении Аввадону «подъякрытия южной столицы». Под «южной столицей» и «южным царством» явно имеются в

¹⁰ Письмо неоднократно приводилось в научной литературе; цит. по публикации архивного документа: [29. С. 307].

виду Москва и Россия. Такое истолкование реалий подтверждается текстом другого старообрядческого произведения, написанного во время царствования Николая I, где сказано: «[...] возмется Царьград южным царем Европы Российским, а южное звание имеет сего ради, что на юге обладают наши цари» [17. № 223. Л. 39об.–40]. И наконец, третьим этапом на пути антихриста к всемирному господству – теперь это уже Наполеон – станет покорение им «многих стран и земель», в числе которых будет и «южная столица», где он провозгласит себя «царем южным», т.е. российским правителем. Примечательно, что старообрядческий автор намеренно не приводит названия российской столицы, по-видимому, не только потому, что в момент написания сказания ею являлся Санкт-Петербург, находящийся в северной части страны, но прежде всего потому, что староверы живут прошлым, историей, эсхатологией и концепцией «Москва – Третий Рим» – таково еще одно подтверждение средневековой природы изучаемого текста.

После падения «южной столицы», т.е. Москвы, «южный царь», т.е. русский царь размышляет в скорбной печали о том, как победить завоевателя. В поисках ответа на вопрошание царя «духовные чины», т.е. священники, обратятся ко многим книгам и, наконец, в «Гронографе» (Хронографе) обретут предсказание о грядущих наполеоновских войнах и о том, как одолеть завоевателя. Для вящей убедительности используется прием псевдодокументации: указан даже номер главы и листа книги («в главе 241-й, на листе полном 1384-м»), на котором будто бы изложено сие пророчество:

«Написано в ней, яко воздвигнет Наполион кровопролитие войны свирепо и гордостно, и никакие силы его одолети не возмогут, точию догонит его войско Моисеово, сиречь казаки, и рать брадатых со крестами, сиречь стрельцы благоверные [...] и расвирепет тогда южный царь, и соберет полчища великия войнства и полчища великия казаков, полчища великия стрельцов, верных сынов Отечества, и будет тогда кровопролитие на многих местех верных сынов Отечества жертва Богу, а язычников наполионовых в жертву дияволу. И будет между ими сеча месяца три и дней пять сряду в число щёта» [16. № 2. Л. 4–5].

Следует обратить, прежде всего, внимание на последовательное написание имени французского императора в форме «Наполион» (и соответственно определение: «наполионовых») – тем самым автор сказания намеренно приближает ее к имени ангела бездны из Апокалипсиса «Аполлион» (Откр 9:11). В деле спасения Отечества надежды возлагаются на «войско Моисеово»: по представлению автора, это должны быть «казаки», а также «рать брадатых со крестами», т.е. «стрельцы». Называя «стрельцов», народный писатель вновь обращается к реалии XVII в. допетровской Руси.

Специально подчеркивается, что на защиту страны призываются все воины, «кроме бреемых», т.е. приверженцы старых обычаев и старой веры. Традиционно бороду носили всегда казаки донские и уральские¹¹ в отличие от солдат регулярной армии. Уральские казаки в то время – полностью старообрядцы. В конце XVIII в. им было официально разрешено придерживаться старой веры. По-видимому, уральских казаков прежде всего имеет в виду автор сказания¹². Заметно, что

¹¹ Есть любопытное свидетельство, что П.М. Назаров, командир 4-го Уральского казачьего полка, участвовавший в русско-турецкой войне в 1810–1812 гг., затем в Отечественной войне 1812 г., пользовался большим уважением среди уральских казаков (не будучи по рождению уральским казаком) из-за своей приверженности старой вере. Лишь однажды, в 1824 г., во время визита Александра I в Оренбург он был вынужден сбрить бороду. Цесаревич Александр Николаевич после встречи с ним в 1837 г. написал отцу: «[...] бывший атаман генерал-майор Назаров, старик в генеральском мундире и в бороде, закоренелый раскольник [...]» (см. [30]).

¹² Урал был крупнейшим местом проживания староверов, здесь представлены разные толки и секты старообрядчества. Мы полагаем, что, по-видимому, не случайно, рукописный сборник с одним из списков «Сказания о Наполеоне-антихристе» сохранился на Урале, в рукописном собрании Уральского гос. университета (ЛИАИ). Не исключено, что автор сказания и сам родом с Урала.

для него по-прежнему чувствительным является вопрос о брадобритии, которое было введено специальными указами Петра I и рассматривалось староверами как форма религиозного притеснения¹³. Возвращаясь в другом месте сказания к описанию состава воинства русского императора, автор вновь отметит, что оно будет состоять из «душ, кроме бреемых», и добавит – «от рождения лет шестидесяти пяти» [16. № 2. Л. 6]. Это будет единение умудренных старцев, сильных своей верой и особенно почитаемых среди уральских казаков как духовные руководители. Для выражения идеи мощи освободительной армии автор применяет фольклорные формулы с кумулятивным эффектом (повтором) и использованием сакральной семерки. Для организации сопротивления Наполеону «соберут из седми градов во един град, из седми сел во едино село, из седми деревень во едину деревню и пропрут его, и поженут, и вся державы его низвержены будут, и законная столиция исправится от крови законныя» [16. № 2. Л. 5].

По словам автора сказания, «восхищенную» Наполеоном корону «испровергнут», сам же «он, преокаянный, не обрящет себе Отечества, веры и свободы, и изменит лице свое, яко ефиоп, и опишет себя погребенным [...] а вместо его казнен будет его союзник, котораго он при себе имел единомысленна и вместо себя обещал ему престол. И тако той и умер. И получит престол во аде, а Наполион жив будет, точию звание его умрет» [16. № 2. Л. 5об.–6].

Наполеон исчез, непонятно, где находится, но ему еще предстоит сыграть свою роль в сказании. Приведенное описание наводит на мысль, не создано ли это сочинение уже после взятия Парижа, окончательного отречения Наполеона от престола (в 1815 г.) и ссылки его в 1815 г. на остров Святой Елены? И не является ли оно отражением широко распространенного предания о якобы имевшем место бегстве императора из этого плена? Подобные слухи еще долгое время будоражили общественное сознание как во Франции, так и в России. Их запечатлел, в частности, Гоголь, описывая в «Мертвых душах», как «вскоре после достославного изгнания французов» весь грамотный и даже неграмотный люд сделались «на целые восемь лет заклятыми политиками», газеты зачитывались до дыр и «вместо вопросов: “Почем, батюшка, продали мерку овса? как воспользовались вчерашней порошей?” говорили: “А что пишут в газетах, не выпустили ли опять Наполеона из острова?”» [32. С. 206].

Сюжет об исчезновении Наполеона оказался очень удобен для автора сказания, позволив связать эсхатологические представления с хилиастическими и отсрочить таким образом наступление конца света на неопределенное время. Ибо, согласно православной доктрине, известно, что царство антихриста продолжится три с половиной года, после чего ожидается второе пришествие Христа, Страшный суд и установление «царства Божьего на земле». Если время наступления царства антихриста на земле известно, следовательно, может быть установлена и дата второго пришествия Христа. Однако то и другое – божественная тайна: «О дни же том и часе никтоже весть, ни ангели небеснии, токмо Отец мой един» (Мф 24:36).

После того, как автор сказания временно вывел Наполеона из действия, описываются дальнейшие военные события: «Посем возвеселится царь южный и прославится во бранех крепостию и силою, яко Константин храбрый, Александр Невский, и соберет полчища сильная от всех язык рода земнаго». Под знамена «южного царя», т.е. русского государя соберется объединенное воинство всех народов, и займут они многие земли. Перечень завоеванных земель выдает полуфантастические представления автора о географии и истории, мифологическое переплетается с реальностью. Названы загадочные «Пригоньския берега», «Еле-

¹³ О важности данного вопроса для старообрядцев свидетельствует, например, состав рукописного сборника XIX в., в котором сочинение «Титин» («О случаях последнего времени...») старообрядца филипповского согласия Ивана Алексеева объединено с текстами указов Петра I, касающимися «бородачей» и старообрядцев («раскольников»), см. [31. С. 186–187].

онския острова». В упоминании о покорении «Аммалика», одного из древних в мусульманской мифологии народов, всплывают библейские реминисценции об амаликитянах как о народе-угнетателе и, в конечном счете, как о побежденном враге. Вместе с тем взятие Измаила – это реалия недавних войн с Турцией. Присутствие «истребленной Хивинции» объясняется не только тем, что Хивинское ханство, как и «Аммалик», – знак мусульманского мира, но и историческими обстоятельствами: мечтой об уничтожении этого ханства, на которое, находясь с ним в близком соседстве, яицкие (уральские) казаки неоднократно совершали походы и сами подвергались набегам со стороны хивинцев. Сказанное еще раз указывает на возможное происхождение текста из среды уральских старообрядцев.

Рассказ о взятии Константинополя образует в сказании отдельный сюжет, в котором причудливо переплетаются библейские образы и исторические персонажи: Царьград будет взят тремя царями, которые сразятся между собой, и в результате междоусобной брани останется только «един царь по всей вселенной, единой Европы именем Константин, будет царствовать Сенат и генералы его и распорядит столицу Цереградскую, во все места определены будут губернаторы», сам же Константин пойдет со своими советниками и генералами в церковь святой Софии, где хранится «корона и престол царя Константина Перваго, и возложат на главу его корону и порфиру ту царскую, меч и державу его в руке да будут. И будет царствовать три месяца и пять(ь)надесять дней» [16. № 2. Л. 7–8]. Несколькими строками ниже автор подтверждает, что «возмется Царьград южным царем Европы Российской» [16. № 2. Л. 8]. В другом сочинении об антихристе, начинающемся словами «Выписано из многих книг на последнее время и о последних царях...», приведена выразительная лапидарная формула: «Константин сей град соградил Константян, у Константина отбили и паки Константином и взят будет. От сего разумеется, что нашим царем Константином взят будет Царьград. Библия греческая: возмется Царьград южным царем Европы Российским» [17. № 223. Л. 39–39об.].

В царе-освободителе Константине просматривается фигура великого князя, первого в очереди наследника российского престола – Константина Павловича, который изображен как преемник первого византийского императора Константина I Великого. Аллюзийный образ может получить свое объяснение в контексте так называемого Греческого проекта, обсуждавшегося в высших сферах российского общества и имевшего своей целью воссоздание в Юго-Восточной Европе государственности христианских народов и осуществление давней мечты православного славянства вернуть крест на святую Софию в Константинополе. Вдохновленный эллинофильством эпохи Просвещения проект был своего рода заявкой на византийское наследство. О своих геополитических планах в этом направлении Екатерина II недвусмысленно поведала в связи с рождением второго внука (27 апреля 1779 г.), которому она дала не встречавшееся ни в династии Рюриковичей, ни в династии Романовых, но распространенное у византийских императоров имя – Константин. «В честь его рождения была отчеканена специальная медаль с изображением Софийского храма в Константинополе» [33. С. 211]¹⁴. Царевича воспитывали как наследника престола возрождаемой Византийской империи (см. [35. С. 140]), и «предназначение его как императора будущей Греческой империи было предано широкой огласке» [33. С. 212].

В сказании пререкается недолгое царствование Константина, которого якобы предаст не названный по имени «верный его генерал» и «повелит убить его, идеже прежняго Константина Палеолога убили¹⁵, тако же и сего убиют» [16. № 2.

¹⁴ Новорожденному внуку Екатерины поэты посвящали стихи, предсказывая ему великое будущее. Известный описец Василий Петров приветствовал рождение Константина словами: «Гроза и ужас чалмоносцев, великий Константин рожден...» [33. С. 212]. См. также [34. С. 213–215].

¹⁵ Последний византийский император Константин XII Палеолог погиб 29 мая 1453 г. при взятии Константинополя турками.

Л. 8об.]. Жители Царьграда и все воинство станут «просити у Бога, кого бы себе царя избрати». Голос, звучащий из небесной высоты, велит идти им в церковь святой Софии: «обрящете под престолом царя Михаила израильского спяща, и возведите его на престол, и облеките его в порфиру царскую, и возложите на главу его корону, и дадите в руку его скипетр и державу» [16. № 2. Л. 9–9об.]. Вновь возникает аллюзийный образ. Фигура «царя Михаила израильского», преемника Константина, оказывается ассоциативно связана с другим наследником русского престола – великим князем Михаилом Павловичем. Аллегорическое прочтение оправдано самой природой текста, выдержанного в традициях средневекового символизма. Не случайным представляется и присутствие в тексте фигуры Александра Невского – героя, соименного императору Александру I.

Образ царя Михаила, в правление которого процвела «вера христианская», навеян автору сказания строками Апокалипсиса о низвержении архангелом Михаилом дракона-дьявола (сатаны) (Откр 12:7–11) и пророчеством Даниила о Михаиле, «князе великом», поборнике Израиля, и, следовательно, Церкви, который «восстанет» под конец времен, «в дни великой скорби» (Дан 12:1). Через «мало время» люди перестанут повиноваться законам Божиим и царским указам и предадутся грехам, губящим род человеческий. Царь Михаил возопит со слезами к Богу, прося не оставить его на погибель вместе с таким народом. Услышав его молитву, Господь заберет его в царство небесное, и Михаил будет причтен к царям благоверным и праведным, чтобы «царствовать вечно, а тело его погребено будет аггелом же» [16. № 2. Л. 11–11об.].

Вновь жители Царьграда останутся без «державы царския» и «пойдут избирати себе из самих себя царя». И тогда они снова услышат «глас», но теперь уже не из небес, а из бездны, обещающий послать им царя «именем Аввадон». Здесь в повествовании вновь возникает Наполеон: «царь Аввадон, по еллинский Аполион, по греческий Бонапартей¹⁶, а по словенский и российский Антихрист» [16. № 2. Л. 12об.].

Появление Наполеона воспринимается через призму Апокалипсиса, где сказано, что сорок два месяца антихрист будет царствовать над землей и преследовать святых: «И даны были ему уста, говорящие гордо и богохульно, и дана ему власть действовать сорок два месяца» (Откр 13:5). Наполеон явится по пророчеству Иоанна Богослова «во свое время», «на 1266 дней, сиречь месяцев 42 царства его на престолах церковных. Тогда уже жертвы не будет и приношения, и олтари испровергнутся, и короны царския¹⁷ не будет на земли уже». Приведен также эсхатологический «портрет» Наполеона, составленный из определений, относящихся к дьявольским силам: «И у него, яко от змия скорпиева, огнешарной и крылатой из уст его пламень, из ноздрей искры, из ушей дым, а на самом одеянии окровавлено кровию разных земель от пролития крови [...] и оружие его ни от камене, ни от древа, ни от булата, ни от злата и сребра, но огнепалительное самодейственное дьявольским произволением» [16. № 2. Л. 12об.–13] (ср.: Откр 9:10, 17).

Прежде чем переместиться в Иерусалим, где, согласно Апокалипсису, и должно состояться под конец времен явление антихриста, «царь Аввадон», он же – «Аполион», он же – «Бонапартей», он же – «антихрист», сокрушит «Цареградскую державу», приступит «вельми страшно и ужасно, яко потрясет всю Землю, и от того страху константинопольское войско падет», а также займет «Иерусалимскую Палестину».

Далее сказание возвращается к традиционной эсхатологической схеме. Как и в Апокалипсисе, являются знамения пришествия Христа, чему предшествует описание торжества Антихриста, соблазняющего людей ложным чудотворением

¹⁶ П.А. Вяземский зафиксировал бытовавшую в народной среде форму «Бонапартий», см. [36].

¹⁷ В *ркп.* царкия.

и требующего от них уверовать в него как в Бога. К христианам, не принявшим «богомерской печати» антихриста, Господь обратится с призывом, содержание которого полностью отвечает идеологии одного из толков старообрядчества – страннического согласия (бегуны): «Раби мои верные и истинные православные христиане, претерпевайте, стойте в вере, а не отменяйтесь, а не могущие терпети мук – бегите и убегайте в горы и в вертепы мои святые, и в разсилины земные, и умирайте за крест и за молитву Иисусову, и за веру Христову» [16. № 2. Л. 17об.]. Разворачиваются события последней брани. Ангелы Господни «страшным оружием» победят антихриста и ввергнут его в огненную реку. В конце истории – эсхатология: Страшный суд.

Таким образом, в старообрядческой среде возник свой вариант антинаполеоновского мифа, представленный целостным произведением, включившим образ Наполеона-антихриста в детально разработанную эсхатологическую концепцию. Учение об антихристе получило широкое распространение у старообрядцев-беспоповцев, соединивших историософию с эсхатологией, наиболее же радикальные формы апокалиптики приняла у бегунов (см. [14. С. 38]). О «нашествии Бунапарта Францы на Россию» [17. № 256. Л. 188] говорится, кроме изучаемого сказания, и в других сочинениях народных писателей староверия (см., например, [17. № 223. Л. 1–46]). В некоторых из них мифологизированный образ Наполеона временно отвлек внимание авторов от теории, согласно которой правящий российский император есть воплощение антихриста. Роль эта целиком передана Наполеону как воплощению последнего антихриста.

Такое представление удерживалось, как мы уже отметили, и в просвещенных кругах общества. В романе Л.Н. Толстого «Война и мир» Пьер Безухов, представитель аристократии, вычисляет имя и титул императора Наполеона, и, подгоняя буквы, получает искомую сумму 666 – «число зверя» [37. С. 84–85]. Н.В. Гоголь проницательно подметил существование двух типов восприятия Наполеона в русском обществе: народного, сформированного библейской и средневековой традицией апокалиптики, и, так сказать, «просвещенного», связанного с «мистицизмом» александровской эпохи. Гоголь иронизирует и над тем, и над другим. В «Мертвых душах» некий пророк, явившийся «неизвестно откуда, в лаптях и нагольном тулупе, страшно отзывавшемся тухлой рыбой», совершенно смутил купцов известием о том, что «Наполеон есть антихрист и держится на каменной цепи, за шестью стенами и семью морями, но после разорвет цепь и овладеет всем миром. Пророк за предсказание попал, как следует, в острог», и затем «долго еще, во время даже самых прибыточных сделок, купцы, отправляясь в трактир запивать их чаем, поговаривали об антихристе». То, что Гоголь явно подшучивает, иронизирует по поводу описываемой ситуации, выдает и внешний вид прорицателя, и намеренно каламбурная рифма – «пророк/острог», снижающая образ вестника с его пророчествами, излагаемыми в стиле фольклорного сказа («держится на каменной цепи, за шестью стенами и семью морями»). Вполне возможно, что, рисуя образ этого «пророка», Гоголь имел в виду в том числе и старообрядцев, у которых в ходу были средневековые, вполне фантастические сочинения об антихристе. Вместе с тем, как отмечает Гоголь, «многие из чиновников и благородного дворянства тоже невольно подумывали об этом и, зараженные мистицизмом, который, как известно, был тогда в большой моде, видели в каждой букве, из которых было составлено слово Наполеон, какое-то особенное значение; многие открыли даже в нем апокалиптические цифры» [32. С. 206–207]. Над вошедшим в моду мистицизмом, характерным для духовного облика людей александровской эпохи, Гоголь смеется так же, как и над откровениями «пророка».

Однако сказание безымянного старообрядческого книжника, выразившее эсхатологические настроения и чаяния части общества в период наполеоновских за-

воеваний, не было забыто: Крымская война и другой Наполеон (III) возродили к нему интерес [38. С. 30, 48 (№ 25)].

Сказание о Наполеоне-антихристе анонимного старообрядческого автора публикуется в Приложении по рукописи из Костромского собрания РГБ, ф. 833, № 2. Рукопись без переплета (тетради скреплены друг с другом нитками), форматом в 4°, размер 21,7×17,8 см. Голубая бумага русского производства. В рукописи 18 листов, пронумерованы буквенной цифирью на нижнем поле; края листов по боковому полю загнуты и потрепаны; листы 16 и 18 подклеены поздней бумагой (на л. боб. на боковом поле синим карандашом написан адрес: «Рабочая ул., дом № 24, кв. 1»). Почерк – полуустав. Инициалы и заглавия выполнены кинварью. Бумага с филигранью: Pro Patria, белая дата «1812» (см. Л. 8, 12) – типа [39. С. 25]. Рукопись приобретена участником археографической экспедиции 1978 г. Ю.Д. Рыковым в с. Чернопенье Костромского района Костромской области у Р.И. Титовой; поступление № 72/19-1978 г. В «Описании» рукопись датируется временем «не позднее 1821 г. (бумага 1819 г.)», см. [40. С. 175].

При передаче текста титла раскрываются, выносные буквы вводятся в строку, буква ъ на конце слов не воспроизводится. Отсутствующие в современном алфавите буквы заменяются принятым образом: і и ї передаются буквой и, омега (ω) – буквой о, ук (ук) – буквой у, шта (щ) – буквой щ, ять (ѣ) – буквой е, юс малый (ѡ) и йотированное а (Ѡ) – буквой я, кси (ѣ) – буквами кси, пси (ѡ) – буквами пс, ижица (ѣ) – буквой и или в. Цифирь, выполненная буквами кириллической азбуки, передается арабскими цифрами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дубровин Н.Ф. Наполеон I в современном ему русском обществе и в русской литературе // Русский вестник. 1895.
2. Грунский А.К. Наполеон I в русской художественной литературе // Русский филологический вестник. Варшава, 1898. Т. 40.
3. Sorokine D. Napoléon dans la littérature russe. Paris, 1974.
4. Наринский М.М. Наполеон в современной ему российской публицистике и литературе // История СССР. 1990. № 1.
5. Гуминский В.М. Чичиков и Гоголь // Литература, культура и фольклор славянских народов. XIII Международный съезд славистов (Любляна, август 2003). М., 2002.
6. Вольперт Л.И. Пушкинская Франция. СПб., 2007.
7. РНБ. Ф. 833. Костромское собрание. № 2.
8. Полное собрание законов Российской империи с 1619 года. СПб., 1830. Т. 29. 1806–1807.
9. Священник Владимир Шмалый. Антихрист // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 2.
10. Глинка Ф.Н. Письма к другу. М., 1990.
11. [Радожицкий И.Т.] Походные записки артиллериста. С 1812 по 1816 год. Артиллерии подполковника И... Р... Часть 1. 1812-й год. Война в России. М., 1835.
12. Сочинения Державина / С объяснит. примеч. Я. Грота. М., 1866.
13. Покровский Н.Н. Предисловие // Духовная литература староверов Востока России XVIII–XIX вв. / Отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск, 1999 (серия «История Сибири. Первоисточники»). Вып. 9).
14. Гурьянова Н.С. Крестьянский антимоноархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма. Новосибирск, 1988.
15. ГИМ. Синодальное собр., грамота, № 1611. Свиток-столбец.
16. РГБ. Ф. 833. Костромское собр.
17. РГБ. Ф. 17. Собр. Е.В. Барсова. № 256.
18. Сочинения инока Евфимия: тексты и комментарии / Сост., подг. текстов А.И. Мальцева / Отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск, 2003.
19. РГБ. Ф. 98. Собр. Е.Е. Егорова.
20. Тихоцарев Н.С. Русские драматические произведения 1672–1725 годов. СПб., 1874.
21. Brogi Bercoff G. Mazerà, lo zar e il diavolo. Un inedito di Stefan Javorskij // Russica Romana. 2000. Vol. 7.
22. Никольский К. Анафематствование (отлучение от церкви), совершаемое в первую неделю Великого поста. Историческое исследование о чине православия. СПб., 1879.
23. РГБ. Ф. 178. Собр. Музейное. № 4129.
24. ГИМ. Собр. А.И. Хлудова. № 307.

25. Наполеон и старообрядцы // Церковь. Старообрядческий церковно-общественный журнал. 1912. № 34. (Статья без подписи).
26. Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. СПб., 1905. Т. 3.
27. Э.П.П. Антихрист // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 2.
28. Агеева Е.А. Антихрист // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 2.
29. Мельникова Л.В. Армия и Православная Церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн. М., 2007.
30. URL: <http://wiki-linki.ru/Citates/184038>.
31. Рыков Ю.Д. Неизвестный старообрядческий писатель XIX в. Петр Юродивый и его эсхатологические сочинения // Старообрядчество в России: (XVII–XX века). М., 1999.
32. Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14-ти т. М.; Л., 1951. Т. 6. Мертвые души. Т. 1.
33. Ари Г.Л. Предыстория греческого проекта // Век Екатерины II. Дела Балканские. М., 2000.
34. Виноградов В.Н. Самое знаменитое в истории личное письмо // Век Екатерины II. Дела Балканские. М., 2000.
35. Виноградов В.Н. Екатерина II и прорыв на Балканы // История Балкан: Век восемнадцатый / Под ред. В.Н. Виноградова. М., 2004.
36. Вяземский П.А. Полн. собр. соч. СПб., 1883. Т. 8. С. 255 («Старая записная книжка»).
37. Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22-х т. М., 1980. Т. 6.
38. Откровение св. Иоанна Богослова в мировой книжной традиции. Каталог. М., 1995.
39. Клепиков С.А. Филлигрны и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX века. М., 1959.
40. Рукописи, пополнившие собрание единичных поступлений рукописных книг древней традиции // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1981. Вып. 42.

Приложение

<Сказание о Наполеоне-антихристе анонимного старообрядческого автора>

Книга греческая Златоструй, глава 39, толкование седьмдесятное: апостолов Христовых о Антихристе, како приидет, родится и воцарится, и прельстит языки, и соберет воинство страшное себе в жертву и на Иисуса Христа Сына Божия. Лист 809.

А книга Щит веры, во главе 35, на листу 280-м толкование, в кое время и какими судьбами и како, с коею властию сатанинскою хочет простретися во всю вселенную и поколебати и истребити до конца и изгладити имя Иисусово из сердец человеческих.

Внемли, благочестивый читателю, что пророк Еммануил, той сам Христос, своими пречистыми усты провозвещает на сие толкованием святым евангелистом Иоанном откровено во Апокалипсисе.

Первое. Апостолы и евангелисты проповедывали, какими судьбами Антихрист прославлен будет и воцарится, и вси языцы поверуют лъсти его.

Ответ на сие пророка Еммануила.

Той бо Господь сам Христос с нами Бог Иисус Сын Божий и Дух Святой единоначальный, единочестный и единопредстольный, в триех лицах имянуемый Отец и Сын и Святой Дух, почиваяй, рекл ко Иудеом: «Аз приидох во имя Отца моего и не принимаете мене. Аще ин приидет во имя свое, того примите. Антихрист, титин преисподний, а явится на земли по времени своему на осмый век и нарицая себя четвероипостасна имя разных тиран: по еврейскии Аввадон, по еллинский Аполлион, а по греческий Бонапарт, а по словенскии и российскии Антихрист. Много языки прельстит, и писание богохульное и закон мечтательный издаст, и веру христянскую истребит, и священники – но не до конца. Дар бо некоторый, дарованный Духом Святым по чину Мельхиседекову, да не отимется и печать церковная, аще имать всяк верующий во Христа, вознесет на ramo свое».

Толкование. На конец века будет и останется дар, сиречь обновление, дар Святаго Духа, молитва Иисусова и крестное знамение, предание святых отец.

А Иоанн Богослов свидетельствует во Апокалипсисе и Ишполит святой, папа Римский, о печати антихристовой: печать бо его 666.

Толкование. Сию кто примет вместо Христовой печати и в ней умрет и не покается, и не отвержется ея, то таковой осужден будет со Антихристом во ад ко отцу своему сатане прежде Суда Божия, а который человек свержет с себя той тиранн и титин преисподнии и исправится благочестивым священником, и потрет той титин преисподний, и покается о своих грехах, и тогда спасется.

Еще святии апостоли седмьдесят во 70 толкований вопрошают пророка Иоанна евангелиста Богослова, и во откровении ему Святаго Духа отвеща святой евангелист Иоанн, возлюбленный ученик и наперстьник Христов:

«Во-первых, получит сан, во-вторых, – королевство, в-третиих, подвергая всех под свой титул, и пустит огонь неугасимый и пролиет кровь, яко воду, и Римскую столицию похитит, и власть римскую, и корону возмет на себя; в-четвертых, потом принудит признати его подъкрылием южной столицы и приневолены будут страхом и ужасом и кровопролитием в жертву Богу и в жертву Аввадону. Егда же примет титул от южнаго царства и столицы, тогда многие страны и земли покортятся ему. И умыслит льстивый, похитит столицу южнаго царства, и вознамерится поколебать святыню и святыи мощи¹⁸, и соберет все орды безчисленныя и спровержется на время столица, и прославится царем южным. И тогда царь южный зело прискорбен в то время будет и възплачется пред Богом с сокрушенным сердцем о рабех своих верных и о народе христианском, и спросит тогда в печале духовных чинов от Божественнаго Писания, чем сего тиранна победит(ь)».

Они же по вопрошении его многия прочтут книги и обрящут в книге, глаголемой Гронографе, в главе 241-й, на листе полном 1384-м. Написано в ней, яко воздвигнет Наполион кровопролитие войны свирепо и гордостно, и никакие силы его одолети не возмогут, точию догонит его войско Моисеово, сиречь казаки, и рать брадатых со крестами, сиречь стрельцы благоверные. И тогда бо собрано их будет изо всех людей того царства от девяти десятаго, кроме бреемых. И призрит Господь Бог с высоты святяя своя, и расвирепееет тогда южный царь, и соберет полчища великия войнства и полчища великия казаков, полчища великия стрельцов, верных сынов Отечества, и будет тогда кропролитие на многих местех верных сынов Отечества жертва Богу, а язычников наполионовых в жертву дияволу. И будет между ими сеча месяца три и дней пять сряду в число щёта.

И тогда исполнится Исаяя пророка слово. Соберут из седми градов во един град из седми сел во единое село, из седми деревень во едину деревню и пропрут его, и поженут, и вся державы его низвержены будут, и законная столиция исправится от крови законныя. И возведено будет по умолению святаго Василия, епископа Парийжскаго, воспросит у Бога и у пресвятаго Вседержителя, и речет: «Пришло уже вере оскудение, граду истощение, уже и мне, дабы не впасти и не быть нетленному моему телу в нечистых руках и безбожных».

И тогда Господь услышит и приклонит ухо свое к молению его и¹⁹ пошлет милость и щедроты своя Южной Европы и испровергнут его восхищенную корону, заглядят его незаконно полученное Отечество, но он, преокаянный, не обрящет себе Отечества, веры и свободы, и изменит лице свое, яко ефиоп, и опишет себя погребенным и потом уже из больших в самых малых сътанет служить, и никому же сведом будет в воинстве и великими заслугами поспешать, а вместо его казнен будет его союзник, котораго он при себе имел единомысленна и вместо себя обещал ему престол. И тако той и умер. И получит престол во аде, а Наполион жив будет, точию звание его умрет.

¹⁸ *Испр.*, в ркп. святыми мощами

¹⁹ В ркп. далее и.

Посем возвеселится царь южный и прославится во бранех крепостию и силою, яко Константин храбрый, Александр Невский, и соберет полчища сильная от всех язык рода земнаго. И соберутся во едино воинство Европы южнаго императора, и собрано будет съчетом с душ от четырех пятой, кроме бреемых, от рождения лет шестидесяти пяти, и займут Пригоньския берега, Аравитския горы, Елеонския острова, Аравию и Измаила, и Аммалика покорят, и Хивиньцию въконец истребят, и пойдут под Константин царев град.

Пророк Еммануил глаголет, и святый апостол и евангелист Иоанн Богослов открывает третие и второе горе истинным читателям: «Прямо открываю дни и времена, и приидут вси полчища разных язык во едином, и будет сеча и кровопролитие на земли и у града того, сеча их месяц пять и дней пять. И тогда покрыются поля телами разных родов, и возкипит земля кровию на четыредесять дней, и Царьград взят будет».

И тогда исполнится пророчество Исаино: шесть поль опустеют, а седьмое будет сеяться, и не воспоется ратай на ниве, и тогда возжелают седмь жен мужа единаго, и того не обрящут, и тогда упразднится девять церквей, а десятая останется, и тогда дани будут тяжкия по сту рублей с души. А взят будет Царьград тремя царями, и будет между ими усобная брань о Цареграде. И выдут на поле брань творить друг с другом, и царь царя покорит, а силу побьют, и потом два царя промеж собою совокупятся, и царь царя побьет и силу покорит. И останется тогда един царь по всей вселенной, единой Европы именем Константин, будет царствовать Сенат и генералы его, и распорядит столицу Цереградскую, во все места определены будут губернаторы, а губернатору и градоначальнику его верному генералу, коего он любить будет паче всех, он бо есть той не умер, но жив, и никтоже его знает, в воинстве искусен и тщателен, и вручит ему весь град, а сам поидет со всем царским сигклитом и с советниками и генералами в церковь святой Софии премудрости Божии, в коей хранится корона и престол царя Константина Перваго, и возложат на главу его корону и порфиру ту царскую, меч и державу его в руке да будут. И будет царствовать три месяца и пят(ь)надесять дней.

И обрящет в книгах греческой библиотеке от Царств, 14 чтения, на греческом языке написано, яко возмется Царьград южным царем Европы Росийской и будет царствовать 3 месяца и 15 дней, и потом въскоре его царство разрушится. Верный бо его генерал предаст на смерть, а имени ему нет, умре бо пожив. В то бо время южный царь вознамерится идти во свое Отечество, а градоначальник повелит тогда за градом уготовать воинство за златыми вратами и повелит убити его, идеже прежняго Константина Палеолога убили, тако же и сего убьют.

И тогда исполнится слово пророка Иезекииля, и скуют оружия на орала, и штыки на серпы, и будет тишина во всей вселенной. И тогда жители Царяграда соберут ратных дров на седмь лет на протопление, и останется сила и град пуст, и не будет тогда в нем царя и князя, и тогда бо града того жители и все воинство пойдут в церковь святая Софии Премудрости Божии и будут молиться со слезами и просити у Бога, кого бы себе царя избрати, и возложат на себя заповеди три дни ни ясти, ни пити. И посем выйдут на поле и за златяя врата, и воздежут руке свои на небо к Вышнему Богу, и возгласят²⁰ велиим гласом и воплем: «Милостиве Господи, не остави нас сирых, послѣди на нас дар Святаго Духа твоего, назнаменай нам царя и князя».

И тогда будет глас слышан с высоты, глаголющъ к людем: «Идите во град и внидите во святую церковь Премудрости Божий Софии, и обрящете под престолом царя Михаила израильскаго спяща, и возведите его на престол, и облеките его в порфиру царскую, и возложите на главу его корону, и дадите в руку его скипетр и державу».

²⁰ *Испр., в ркп. возгласят.*

И тогда исполнится слово пророка Еммануила: процветет крин церковный посреде блата, и тогда еще процветет вера христианская на мало время, и закон постановят, и заповеди Христовы повелит хранить. И в то время войны не будет нигде, и подани и налоги малы будут. И жити начнут мирно и тихо, и пространно.

И тогда людие того града и всех стран законов Божиих не послушают и заповедей Христовых не сохранят и узаконениям и указам царским не повинутся уже и станут жить скаречно и блудно. И виде царь тогда погибель рода человека и яко проходят лета его вотще и дние его число лет его четыредесять и пять, индиктов малых три царствования его, и тогда пойдет на Фаворскую гору и воздежет руже свои крестообразно на небо, и возопиет гласом умиленным со слезами и речет:

«Многомилостиве Владыко Господи Исусе Христе Боже и человеколюбче, услыши молитву раба твоего, царя Михаила, от тебе, истиннаго Царя Небеснаго, избраннаго тобою, Создателем, елеом помазаннаго, Тобою, Превышним, сослана корона на земли чрез великаго архистратига архангела Михайла, Ты, благословивый мя царем греческим христианския веры, и до конца повеле хранить ю. А ныне, всемилостиве Господи, род человекъ стал жестокосерд и великохищен и истребителен вере Христове, и нарушителен, и закону Божию непослушлив, и указом царским не повинуются, заповеди твоя не хранят, вси людие въпали в гордост(ь), и в расхищение на сласти света сего злато и серебро, и убийства творят, и пиянства, и объядения, и пирьшества, и блуды небрачныя, и содомы, а в родстве и греха себе не вменяют, а на исповедь и покаяние ко отцем духовным не приходят, и тако умирают на земли, а души их во ад идут. Господи, не остави мене погибнути с таковыми».

И тако помолится Господеву со слезами²¹, и сотворит поклонов 1500, и прострется на земли ниц. И услышит Господь молитву его, и пошлет архистратига Михаила. И тогда он снимет с него корону царскую и душу из него вынет честно своими руками и послет ю со аггелом в царство небесное, и причтен будет к царем благоверным и праведным царствовати вечно, а тело его погребено будет аггелом же.

И тогда исполнится Михея пророка слово, яко не обрящется тогда на земли проповедник, и будут в то время Царяграда жители без державы царския и пойдут избирати себе из самих себя царя. И будет тогда в них молва великая и кличь великий и после – тишина. И услышан будет глас из бездны, возгремевать станет всем во уши:

«Стойте, ждите, будет вам царь и Бог из двенадесяти колен, четыре царя еврейския, из тех бо четырех идин²² царь именем Аввадон, а о них бо в греческих книгах свидетельствуется, яко они гоги и магоги суть, черные жиды, в гоговой земле выгнаны из Иерусалима царем Салманасаром, и расплодилась их тма тмушая. И закрыто тамо десницею Вышняго до своего времени, а во свое время он приидет по пророчеству святаго иевангелиста²³ Иоанна Богослова на 1266 дней, сиречь месяцев 42 царства его на престолех церковных. Тогда уже жертвы не будет и приношения, и олтари испровергнутся, и короны царския²⁴ не будет на земли уже».

Еще съкажу ти, любезный читателю, известно, каким образом из еврей будет царь Аввадон – из двадесяти четырех колен, напечатленных, и в них всех ухищрением царь Аввадон, по еллинский Аполион, по греческий Бонапартей, а по словенский и российский Антихрист. И все ему дасться действие сатанино и во область, яко Бога. И у него, яко от змия скорпиева, огнешарной и крылатой из уст его пламень, из ноздрей искры, из ушей дым, а на самом одеянии окровавлено кро-

²¹ В ркп. слезами.

²² Так в ркп.

²³ Так в ркп.

²⁴ В ркп. царкия.

вию разных земель от пролития крови. И ужасно человеку на него будет возрети и описати его мечты, и привидения, и оружие его ни от камене, ни от древа, ни от булата, ни от золота и сребра, но огнепалительное самодейственное дьявольским произволением, а Божиим попущением за грехи наша. Тогда отимет Господь десницу свою пречистую и попустит на Цареградскую державу. И тогда наполнятся все страны поднебесныя, и Иерусалимскую Палестину займет. И обладает тогда царь Аввадон и приступит вельми страшно и ужасно, яко потрясет всю Землю, и от того страху константинопольское войско падет, и умрет третия часть войска, а он, преокаянный, своим нечистым духом по действию сатанину воскресит и во свою силу и волю приведет, и слуги его беси во образе аггелов вознесут его на аер, и пойдет по морю, аки по суху и соберет птицы во своя руки, и мертвых воскресит, и потом он, окаянный, возгласит гласом великим, яко в трубу, во услышание всем: «Въруйте ми вси, яко вам Бог и царь, и видите славу и чудеса моя, и веруйте чудесем моим».

И тогда вси людие возгласят великим гласом: «Ты еси царь и Бог наш, сотвори-вый чудеса, познал еси в людех силу твою». Посем пойдет он и вси людие во град Иерусалим, идеже Христос претерпел вольное распятие и на том месте повелит устроить престол себе. И вси двадесять три царя еврейские оному четвертому поклонятся и вси языцы, и вси племена земная. И когда он воцарится, тогда небо будет медяно и земля железна, небо не дажд дождя, а земля плода, тогда бо исполнится пророчество Исаино, яко не пройдет облак дождевный всю вашу землю, или роса оросила бы лузи ваши, и древа масличныя увянут, море и реки изсохнут, и рыбы в морях изомрут. И тогда Антихрист пошлет во вся страны поднебесныя верных христиан слуг своих, во все места, где бы не был, хлеб собирати на каждую душу по пяти шевелей. И на всех местех будут у магазейнов приставники с печатью чювственною с прописанием клейма тиранна на челе, де, на пупе, мол²⁵, на правом плече, не, а на левом плече, аду сын сатанин, поклонят бо ся отцу сатане.

Тогда уже не возможет той человек руки своя крестообразно сложити или помянати имя Иусово, которой примет печать его богомерскую, изъглядят бо из сердец своих по той скверной печати, второй, и не будет обращаемых к Богу истинному. А кто печать его не примет, таковому тогда хлеба не дадут и помрет от гладу, а которые тако помрут и не восхошут прияти печать его скверную, то вящше мучеников первых будут пред Богом, а котории примут от него хлеб, тогда сыты будут три годы токмо, а на шесть месяцев, сиречь на полгода уже нигде хлеба не будет и не достанет.

Тогда бо исполнится последнее слово пророка Исаия. И не будет того храма еже бы не было мертвеца, и каждой поищет насытитися от древ бездушных, и мертвецы не будут погребаемы, тогда каждой насытитися плоти искреняго своего, изомрут бо младенцы на лонех матерних, и матери помрут со младенцы своими. Тогда красота человеческая увянет, и коней борзых не будет, и вся лепота земная изменится, и вси тогда оставшийся люди Иерусалима приидут и возопиют гласом великим и воплем ко льстивому Аввадону и возвеличат его, яко Бога: «Ты еси, царю и Бог наш, творяй чудеса, познал еси в людех силу твою. Создай нам хлеба, яко умираем вси от глада». Он же отвечает им: «Всю силу имею, а о хлебе сотворити силы не имам, но и сам гладом умру и во ад, ко отцу моему, сатане, пойду и тамо воскресну и вас с собою воскресно, кои прияли печать мою вторую».

Посем будет туча велия и умножится и возъярится вся стихия, народ человеческий. И будет тогда страх велик и ужас неисповедим. И тогда людие от страха того побегнути восхотят, но и не имут, где скрытися или бежати нигдеже.

²⁵ В ркп. мо с выносной буквой в виде черты: мои (?), мол (?).

Господь бо наш Иисус Христос прежде утвердил всю подынебесную пророками и апостолами и учителями своими, и на конец, в последние дни века сего пошлет еще на землю трех пророков, кои взяти были во плоти, аки на небо, в рай, и сохранены быша милосердным Богом до последних дней. Имяна их сия: Илия Фезвитянин, Енох и Иоанн Богослов. И пойдут они тремя путями, во вся люди от востоку и до западу на утверждение человеком, кои еще не прияли его печати, и будут проповедывать всем языкам. Илия будет возвращать иудеов, иже в законе Моисеове, а Енох – поганых языков, а Иоанн Богослов – верных христиан, кои прияли евангелие Христово, и будут вопить и проповедывать: «Не веруйте и не прельщайтесь сему тиранну. Он бо есть лъстец, он Антихрист, он от действия сатанина, он и сам осужден будет Духом Святым, он, лъстивый, мечтательностию преводит горы с места на место, а не истинной». И тогда оны пророки прекрестят лице свое трижды крестным знаменем по уставу святых отец и разрушат, и объявят его мечты и привидения.

Он же, окаанный, встанет, яко лев, в ярости своей, и убьет их за оное, яко разрушиша его мечтания силою крестною, и телеса их повержены будут на земли среди града Иерусалима и будут лежати три дни с половиной, а на четвертый день Господь наш Иисус Христос воскресит гласом своим, и востанут живы, и пойдут по воздуху в вышний град Иерусалим.

И в те полчетверта дни вознесется сердцем не точию на человека, но и на Бога хулу возложит и воздвигнет лютое гонение и злое мучение на останки христиан, которыя не прияли его богомерской печати. И будет им глас с небеси, глаголющ самим Господем: «Раби мои верные и истинные православные христиане, претерпевайте, стойте в вере, а не отменяйтесь, а не могущие терпети мук – бегите и убегайте в горы и в вертепы мои святые, и в раселины земные, и умирайте за крест и за молитву Иисусову, и за веру Христову». И ради того Господь благовестит людем верным рабом своим, дабы не оскудел полк святых.

И посем Господь наш Иисус Христос и Бог повелит аггелом грозным в трубу трубити и грозным оружием ряети и архистратигу Михайлу повелит убить его духом уст своих и всех единомысленных его. Посему воскипит кровь трех пророков Илии и Еноха и Иоанна Богослова и загорится огнем и пламенем, и възгремит удоль плачевная из Давидова дому, и прострется к востоку и западу, и потечет река огненная шумом и тресканием и искрами зельными. Тогда исполнится откровение святаго иевангелиста²⁶ Иоанна Богослова, скончается осмая труба, и повелит Господь наш Иисус Христос Сын Божий аггелам своим исполнити восемь труб от осми веков и вострубити ужасно и страшно, яко вся тварь страхом поколебается и преисподняя вострепещет.

И аггели Господни страшным оружием поженут Антихриста с единомысленниками его, кои прияли его богомерскую печать на рамо свое, и попрут, и поженут их в реку огненную прежде Суда Божия. И посем загорится вся земля. Посем страшный Суд Божий. Тому слава и держава во веки. Амин(ъ).

(Л. 1–18)

²⁶ Так в ркп.

© 2012 г. Р.Д. УРУНОВА

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ВАРИАНТОВ
МЕСТОИМЕНИЯ ПЕРВОГО ЛИЦА
ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА
В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ТЕКСТАХ X–XIV ВЕКОВ

В текстах X–XIV вв. используются три варианта местоимения 1-го лица ед. ч. – *азь*, *мазь*, *я*. Появление этих вариантов обусловлено сферами употребления. Вариант *азь* имеет официальный характер. Форма *я* используется в неофициальных, житейских ситуациях, часто в противительных конструкциях. Вариант *мазь* является элементом быстро развивающегося бюрократического стиля.

In texts of the eleventh-fourteenth centuries, there are three variants of the first person pronoun: *азь*, *мазь* and *я*. Their emergence was determined by spheres of their usage. The form *азь* has an official character, the form *я* is used in unofficial, everyday-life situations and often in adversative constructions. The variant *мазь* belongs to the rapidly gaining ground bureaucratic style.

Ключевые слова: местоимения, деловые тексты, официальная речь, функциональный фактор.

Древнерусское местоимение первого лица единственного числа унаследовало все основные признаки индоевропейского рефлекса и очень широко использовалось в текстах X–XIV вв. Это обусловлено тем, что тексты того периода имели тесную связь с коммуникативным актом, и авторство в них актуализировалось теми языковыми средствами, которыми обычно пользовался говорящий. В разных текстах это достигалось разными способами. Так, в «Повести временных лет» (ПВЛ) автор эксплицитно себя не выражает, хотя в некоторых фрагментах летописи заметно пристрастное отношение хрониста к отдельным личностям и событиям. В «Слове о полку Игореве» (СПИ) позиция автора прямо выражается в оценках событий и героев, но в тексте он не репрезентирован посредством личного местоимения. Что же касается памятников делового письма, то в них существует насыщенная необходимость прямого обозначения лица.

Вместе с тем в славистике хорошо известно, что в период X–XIV вв. основными конструкциями устной речи были односоставные предложения определенно-личного типа, т.е. без выраженного местоименного подлежащего, и что эта синтаксическая особенность имела масштаб общей индоевропейской тенденции [1; 2; 3; 4]. А. Мейе по этому поводу пишет: «В предложении (индоевропейском) мы находим в основном только один существенный элемент, сказуемое, и, кроме того, в известных случаях, подлежащее. В соответствии с индоевропейским употреб-

Урунова Раиса Джавхаровна – д-р филол. наук, профессор кафедры филологии Ульяновского государственного университета.

лением для предложения достаточно личных форм глагола; форма типа **пнѣхъ** “я пью” вполне хорошо обозначает первое лицо единственного числа. Следовательно, славянское предложение, как и предложение индоевропейское, может состоять из одного глагола, сопровождаемого или не сопровождаемого определением» [2. С. 383]. Иными словами, с древнейших времен для индоевропейских языков, в том числе и для славянских, были характерны синтаксические конструкции с «опущенным» местоименным подлежащим при сказуемом, выраженном финитной глагольной формой.

Анализ самых разных по жанру древнерусских текстов позволяет заметить, что синтаксические конструкции с «опущенным» местоименным подлежащим особенно характерны для разговорного стиля. Эта черта последовательно проявляется в конструкциях берестяных грамот и в прямой речи героев в различных литературных памятниках, например в «Повести временных лет» и «Слове о полку Игореве»: 1. (ПВЛ) «Но хочю вы почтити наутриа предъ людьми своими». «И посылаше къ странамъ **глагола. Хочю** на вы ити». 2. (СПИ) «**Хощю** бо, – рече, – **копикъ** приломити конецъ поля Половецкаго съ вами, русици; **хощю** главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону». «А уже не вижду власти сильнаго и богатаго и многова брата моего Юрослава».

Для берестяных грамот, которые являются письменным отображением устной речи, определенно-личные односоставные конструкции фактически являются нормой: **Коупиль еси** робоу пльскове (№ 109). А **продаи** клеветьника того а оу сего смърда **възь** (возьми) (№ 247). Да **пришли** сороцицу. Сороциц**ѣ** забыле (№ 43). А се ти **хочоу** (а вот тебе велю) (№ 109) и т.д. Очевидно, эту особенность можно объяснить тем, что в прямой речи нет необходимости вербального обозначения участников коммуникации, поскольку в процессе непосредственного общения осуществляется прямой дейксис.

Местоименное подлежащее первого лица единственного числа в древнерусских текстах выражается лишь в тех случаях, когда на него падает логическое ударение или это продиктовано правилами речевого этикета, например в обращении князя или княгини к своим подчиненным или в речи родителей, обращенной к детям: 1. «Ни имамъ **убѣжати**. Но станемъ **крѣпко. ѿзъ** же предъ вами поиду». «И **азъ** мьстѣла уже обиду мужа своего». «И **азъ** оутро послю по вы» (ПВЛ). 2. «Се **азъ** отхожю **свѣта** сего, сынове мои». «Поиди къ брату своему и рчи ему. Что ми вдали то **мзъ** прииму» (ПВЛ).

Также местоимение в функции подлежащего употребляется в предложениях, в которых необходимо подчеркнуть особое участие говорящего в происходящих событиях: 1. «И рече единъ отрокъ. **ѿзъ** преиду (необходимо обратиться к своим) и **рѣша**. Иди». «А неволя ми своее головы блюсти. и не **азъ** его ослѣпил. но Давыдъ». «Со слезами **отвѣщеваху** другъ другу глаголюще. **ѿзъ** **бѣхъ** сего города. и други. **ѿзъ** сея вси (село)» (ПВЛ).

Несмотря на распространенность конструкций с «опущенным» местоименным подлежащим, уже в самых ранних древнерусских текстах используются три местоименных варианта со значением первого лица единственного числа в именительном падеже – **азъ**, **мзъ**, **я**: 1. **ѿзъ** **грѣшныи** рабъ бжии недостойныи дъмька написахъ кънигы сии (Новгородские служебные минеи). 2. Во **има** **оца** и сна и стога дха се **мзъ** **грѣшныи** худыи рабъ бжии дмитрии иванович^ч пишю дшвную **цѣлымъ** **своимъ** оумомъ (Духовная грамота великого князя Дмитрия Ивановича Донского). 3. Идѣте съ данью домови а **я** **возвращюся** похожую и еще (ПВЛ).

В славистике наличие этих вариантов объясняется главным образом фонетическими причинами сообразно тем историческим процессам, которые были характерны звуковому строю языка праславянского и восточнославянского периодов [5. С. 280]. Такое объяснение вполне соответствует традициям Лейпцигской лингвистической школы, которая оказала значительное влияние на историческую

русистику. Все варианты номинатива местоимения первого лица, согласно этой интерпретации, появляются в результате определенных фонетических процессов и сменяют друг друга в процессе эволюции языка. Так, вариант **ѣзѣ** является славянизированной формой общеевропейского *egō, который подвергся третьей палатализации. Затем от этого варианта под влиянием закона восходящей звучности образуется русифицированная форма **ѣзѣ** с протетическим **ј** в начале слова. Вариант **ѣ** появляется как результат усечения формы **ѣзѣ** после падения редуцированных **ѣ, ѣ** [5. С. 280]. Данная интерпретация является вполне убедительной с точки зрения традиционной концепции, по которой рефлексы единиц языка рассматриваются как продукт фонетических процессов, однако последовательность появления номинативных вариантов местоимения первого лица в текстах не соответствует хронологии фонетических изменений. Так, согласно этой концепции, последний вариант (**ѣ**) должен был появиться не ранее XII в., т.е. после того, как произошло падение редуцированных. Между тем уже в самых ранних восточнославянских текстах варианты **ѣзѣ** и **ѣ** используются параллельно, и следовательно, фонетические процессы, хотя и являются механизмом внешней переработки местоименных слов, не могут быть причиной появления современного варианта этого местоимения. На данный факт обратил внимание Г.А. Хабургаев, который считает, что **ѣзѣ** и **ѣзѣ** бесспорно являются двумя вариантами одной формы, а вот «вариант **ѣ** следует рассматривать как очень древнюю, видимо праславянскую диалектную черту, объединяющую восточнославянские языки с западнославянскими» [4. С. 218].

На наш взгляд, появление трех вариантов номинатива одного местоимения в древнерусском языке было обусловлено функциональным фактором, т.е. разными сферами употребления.

Анализ самых ранних текстов русских летописей показывает, что в них чаще всего используется официальный славянизм **ѣзѣ**, преимущественно в речи социально значимых лиц и в первую очередь в речи князей. Вариант **ѣ** в значении первого лица в текстах встречается гораздо реже. Позже, предположительно в XII в., он используется все чаще, являясь, безусловно, разговорным русским. Часто он используется в противительной конструкции. На наш взгляд, этот вариант восходит к нейтральному безличному местоимению **ѣ**, которое довольно часто употреблялось в течение всего древнерусского периода в качестве синонима всех лично-указательных местоимений для выражения разного рода отношений. Можно предположить, что сначала вариант **ѣ** использовался не в качестве номинатива личного местоимения со значением первого лица, а в качестве нейтрального указательного местоимения. Безличные нейтральные **ѣ, ѣ, ѣ** используются в древнерусских текстах очень широко. Их семантика гораздо абстрактнее, чем у других указательных местоимений, поэтому они используются в качестве дублетов-синонимов основного личного местоимения после того, как оно уже было использовано в тексте для обозначения объекта коммуникации.

Как показывает анализ текстов, употребление местоимения **ѣ** говорящим для обозначения самого себя было допустимо в тех случаях, когда этикет позволял не называть говорящего, а просто указать на него. Этот же прием обозначения самого себя в коммуникации характерен для речи социально незначимых людей. Это предположение подтверждается и случаями употребления варианта **ѣ** в текстах некоторых документов. Так, в Мстиславовой грамоте, одном из древнейших русских текстов, пишется распоряжение о пожертвовании от лица великого князя Мстислава Владимировича Юрьевскому монастырю под Новгородом: «се **ѣзѣ** мстиславъ володимиръ сынъ държа роусьскоу землю въ свокъ княженію». Великий князь, как и положено, по форме и по положению называет себя **ѣзѣ**. Ниже в грамоте есть приписка от лица сына Мстислава князя Всеволода: «а се **ѣ** всеволодъ даль **ѣ**смь блюдо серебряно». В этой приписке Всеволод как лицо социально ме-

нее значимое пишет о себе **я**, к тому же союз **и** подчеркивает противительную семантику данных фрагментов текста. Такие текстовые тонкости вполне объяснимы социальными условиями феодального периода, когда создавались правила и законы, укреплявшие княжескую власть, и естественно, что они обязательно должны были проявиться в речевом этикете. Отсюда и разнообразие обозначений говорящего в текстах.

Вариант **язѣ** является наиболее употребительной словоформой именительного падежа единственного числа в деловых текстах и в первую очередь в устойчивых юридических выражениях [3; 4]. Он также характерен для поздних церковных письменных памятников.

Характер текстов, в которых используется вариант **язѣ**, отсутствие его следов в восточнославянских диалектах и почти полное его отсутствие в текстах после XIV в. противоречат утверждению, что он является восточнославянским вариантом праславянского местоимения первого лица, функционировавшим в живой речи одновременно с **я**. Скорее всего, его использование является особенностью церковнославянского языка русской редакции, откуда он и перекочевал в деловые грамоты. Это также подтверждает его явно книжный характер. Еще раз отметим, что форма **я** начинает использоваться в текстах гораздо раньше формы **язѣ** и, следовательно, происходить от нее не может.

Выбор местоименного варианта для роли подлежащего в предложении в большей степени определяется функциональным фактором, поскольку он используется как элемент определенного стиля. Так, в ПВЛ, являющейся хроникой государства, в функции подлежащего чаще всего используется вариант **азѣ**. В большинстве случаев его употребление обусловлено двумя условиями: 1) вариант используется в официальной речи князей, обращенной к подданным; 2) вариант необходим для соблюдения логической стройности и последовательности речи. Следует отметить, что первое условие является характерным только для **азѣ**, причем соблюдается довольно последовательно во всех соответствующих случаях. Второе условие является общим для всех вариантов номинатива первого лица.

В исследованных нами десяти текстах ПВЛ (по Лаврентьевскому списку) из древнейшей редакции таких, как «Месть Ольги», «Поучение Владимира Мономаха», «Испытание вер» и других, было зафиксировано всего 15 случаев употребления варианта **азѣ** в роли подлежащего. Вариант **я** использован лишь в пяти случаях. Следует обратить внимание на то, что если **азѣ** используется исключительно в официальных условиях, то форма **я** используется для называния говорящим самого себя в более житейских обыденных ситуациях и преимущественно в противительных конструкциях. Так, например, в тексте «Смерть Олега»: *Влѣгъ же посмеасѣ и оукори кудесника река то ти неправо глѣть волъсви ·но всѣ ло^ж е^с ·а конь оумерль е^с а я ·жи^ивъ.* – местоимение **я** используется князем в мыслях и к тому же в противительной конструкции. В тексте «Смерть Игоря» из ПВЛ в предложении: *Идѣте съ данью домови. а я ·возвращосѣ* похожую и еще – вариант **я** используется в противительной конструкции. Кроме этого, его использует князь, обращаясь к старшей дружине, с которой он был вынужден поддерживать дипломатические отношения, так как его положение зависело от поддержки старших дружинников. К тому же в случае, описанном в данном фрагменте, князь хитрил, пытаясь избавиться от «мужей», решив завладеть данью, на которую они имели такое же право, как и он. В такой ситуации было неразумно использовать вариант **азѣ**, напоминающий о его высоком княжеском положении.

Два других случая употребления варианта **я** также отличаются в стилистическом отношении от случаев употребления местоимения **азѣ**: 1. и рече имъ · послушайте мене · не предайтесѣ за 3 дни · и я вы что велю · створите (я – старец). 2. И

приѣха князь печенѣжскыи к рѣкѣ^ѣ возва Володимера и рече ему . выпусти ты свои мужь . а ѿ свои . до сѧ борета (ѿ – князь печенежский). Во втором предложении необходимо отметить четко выраженное противопоставление, подчеркнутое употреблением местоимений **ты**, **ѿ** и противительным союзом **а**.

В пятом случае вариант **ѿ** используется в речи княгини Ольги, когда она хитростью выманивает деревян из осажденного города: а идѣте въ градъ . а ѿ завтра отступлю отъ града . и поиду въ градо сыи. Следует отметить, что, вполне возможно, этот фрагмент текста является поздней вставкой, поскольку он имеется не во всех списках «Повести». Так, в тексте, опубликованном в 1872 г. (СПб.), этот же фрагмент приводится без варианта **ѿ**: «се оуже есть покорилсѧ мнѣ . и моему дѣлати . а идѣте въ градъ . и приду въ градъ съ». Таким образом, этот вариант остается под вопросом.

В результате анализа всех описанных выше случаев можно сделать вывод, что вариант **ѿ** являлся более демократичным и разговорным, нежели этикетный и официальный славянский **ѿзъ**.

Что же касается варианта **ѿзъ**, то он появился позже двух других и является элементом быстро развивающегося бюрократического стиля. Хотя протетический **ј** в его составе указывает на русское произношение, поскольку появился в результате фонетического процесса, этот вариант, несомненно, является исключительно книжным, так как получает широкое распространение в документах, язык которых никак не мог отражать живую речь. Это подтверждается и правилами церковнославянского письма, до сих пор актуальными в церковной практике: в русском церковнославянском языке буква **ѿ** с протетическим **ј** называется «начальная ѿ», она противопоставляется «юсовой ѿ», которая используется в середине слова.

С этой точки зрения представляет интерес использование формы **ѿзъ** в одной из берестяных грамот (№ 439): **ѿзо** ти олово продале и свинеце и клепание вѣхо (Я же олово продал и свинец и кованье все). Во-первых, в грамоте используется не йотовый вариант **ѿ**, а юсовый. Во-вторых, вместо **ѣ** употреблена буква **о**, что никак нельзя объяснить особенностями произношения, поскольку уже в праславянский период **ѣ** на конце слова находился в абсолютно слабой позиции, и поэтому никогда не подвергался вокализации. Грамота же написана в XII–XIII вв., когда падение редуцированных уже произошло. Оба признака свидетельствуют скорее о нарочитом, надуманном использовании этой формы для придания письму солидности и характера документа.

Особенно часто вариант **ѿзъ** встречается в памятниках XIV в. Он используется в них как стилистическое средство деловой письменности, со временем становится основным и прочно закрепляется в формулярной части правовых актов (договорных, дарственных, купчих и т.д.). Не только местоимение, но и вся конструкция текста в этих документах имеет явно церковно-книжное происхождение. К тому же, по наблюдениям В.И. Борковского, в великорусских грамотах XV–XVI вв. количество предложений без подлежащего, выраженного личным местоимением, сокращается примерно на 46 % [3. С. 90–94]. Оформление формуляра с использованием йотового **ѿ** было обязательным и встречается в документах вплоть до конца XVII в.:

1. Се **язъ** князь великии Борисъ Александровичъ тѣ^ѣрски взялъ есмь... (1427 г.).
2. Се **ѿ**^{зъ} кнзь петръ дмитриевичъ пожалова^л есмь игумена никона... (1423 г.). 3. Во имѧ^ѧ вѣца и сна и стго ду^х се **ѿ**^{зъ} рабъ бо^жи . ива^ѧ кни^ж юрь^ѣ сы^ѧ патрекѣ^ѣви^ѧ . пишу грамоту^ѧ дшевную... (до 1499 г.).

Таким образом, можно сделать вывод: из работ компаративистов (Ф. Бопп, О. Семереньи, А. Мейе и пр.) известно, что в индоевропейский период местоимение первого лица единственного числа не имело в своей парадигме именительного падежа. Эта форма появляется достаточно поздно из разных источников и

сразу в двух вариантах: 1) **азъ** – книжный письменный, заимствован из Западной Европы через церковнославянский язык (Г.А. Хабургаев считает его южнославянским по происхождению, восходящим к болгарскому и словенскому вариантам [4. С. 218]); 2) **а** – разговорный, восходящий к указательному местоимению. Вариант **азъ** является русифицированной формой славянского **азъ** для письменного употребления, появляется позже двух первых.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938.
2. *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951.
3. *Борковский В.И.* Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение). Львов, 1949.
4. *Хабургаев Г.А.* Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М., 1990.
5. *Иванов В.В.* Историческая грамматика русского языка. М., 1990.

© 2012 г. Л.П. ЛАПТЕВА

ЗНАЧЕНИЕ ВАЦЛАВА ГАНКИ В РАЗВИТИИ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ В РОССИИ И РУССКО-ЧЕШСКИХ НАУЧНЫХ КОНТАКТОВ В XIX ВЕКЕ

В контактах В. Ганки с Россией можно выделить три основных аспекта: перевод В. Ганкой русской народной поэзии; обсуждение вопроса о приглашении В. Ганки на службу в Россию в качестве профессора славянских дисциплин в один из университетов; профессиональная помощь русским славистам в период их командировок. Кроме того, В. Ганка вел активный обмен книгами с русскими учеными.

The author suggests, that in the contacts of Václav Hanka with Russia one can define three major aspects: Hanka's translations of Russian folk poems; discussions about Hanka's employment in Russia as a professor of Slavic studies at one of the universities; and his professional assistance to Russian Slavists during their research trips. It should also be added, that Hanka was exchanging books with his Russian colleagues.

Ключевые слова: переводы литературных произведений, помощь русским ученым, обмен книгами.

В русской литературе XIX в. господствует позитивная оценка личности и деятельности В. Ганки. Лишь в редких случаях встречаются критические замечания по поводу его изданий славянских памятников. Не только при жизни ученого, но и после его кончины положительные характеристики не изменились. О В. Ганке писали крупные русские слависты И.И. Срезневский [1. С. 215–219], А.Н. Пыпин [2]¹, П.А. Лавровский [3], П.П. Дубровский [4]. На смерть Ганки в 1861 г. откликнулись некрологами ряд русских журналов и газет [5]. В том или ином контексте имя Ганки упоминается в русской литературе о Краледворской и Зеленогорской рукописях (РКЗ)², а также в общих очерках по истории чешской литературы.

Наиболее основательно творчество В. Ганки вообще и его контакты с русской ученой средой изучил известный ученый-славист В.А. Францев. Он опубликовал огромное эпистолярное наследие чешского возрожденца [7]. В.А. Францеву принадлежит также монография об истории чешского возрождения [8], где многие разделы посвящены деятельности В. Ганки и его контактам с русскими образованными кругами, и целый ряд более мелких работ (см. [9]), касающихся связей чешского слависта с другими славянскими деятелями.

Отметим, что именно В.А. Францев публикацией «Писем к Вячеславу Ганке из славянских земель» обнародовал источники по истории славяноведения, которые наряду с другими стали базой для дальнейших исследований истории славянско-го возрождения вообще. Столь значительный интерес и позитивное отношение

Лаптева Людмила Павловна – д-р ист. наук, профессор МГУ.

¹ Эта часть книги впервые опубликована в 1861 г. в журнале «Современник».

² Обзор русской литературы об РКЗ см. в [6. С. 57–119].

прославянски настроенной русской образованной публики, на мой взгляд, объясняется как личностью Ганки, так и уровнем развития славяноведения в России в первой половине XIX в.

В. Ганка, судя по корреспонденции, хорошо относился к России и к русским вообще, т.е. слыл большим русофилом. Как большинство славянских возрожденцев, чешский ученый разделял романтические взгляды на так называемую славянскую взаимность – теорию, в вариантах которой содержался элемент веры славянских патриотов в потенциальную возможность освобождения от иноземного ига с помощью России. В каждом славянине сторонники этой идеи видели единокровного брата, родственного по языку, народной культуре и психическому складу. Эти убеждения Ганка, вероятно, реализовал на практике в отношениях к русским. Его доброжелательность и доступность возможно объяснить также социальным происхождением. Выйдя из народной, демократической среды, занимая скромную должность библиотекаря Чешского музея, Ганка был чужд аристократической кичливости, приветливо относился к каждому русскому, приехавшему в Прагу, знакомил его с городом и Чешским музеем, в зависимости от интересов путешествовавшего вел научные беседы и оказывал всякие услуги.

Другие деятели чешского возрождения не только не помогали русским путешественникам, но подчас и нелюбезно принимали молодых русских славистов. Так, шокирующее впечатление произвела на А.Н. Пыпина, будущего крупного, а в 1858 г. еще начинающего ученого, встреча с П.И. Шафариком и Ф. Палацким. В письме к своему приятелю В.И. Ламанскому, также в будущем знаменитому русскому слависту, он писал из Праги в декабре 1858 г.: «У Шафарика я был два раза, но его прием такой, что называется сдержанный, что нет охоты ходить к нему чаще, – хотя бы это было очень поучительно, быть может [...] Другое дело Ганка» [10. С. 21]. А в письме от 29 января 1859 г. он сообщал тому же адресату: «Другой мой визит был к Шафарику. Его ученые заслуги уважаю [...] и поторопился увидеть знаменитого человека. Это, без сомнения, человек очень обширного ума и сведений, разговор его очень назидателен, но он играет такую недоступную фигуру, что я с трудом заставил себя пойти к нему второй раз. Он был столько же сух. Я надеялся от него большей любезности, тем больше, что с моей стороны изъявил ему свое уважение, приславши ему книгу, – о чем он только кстати вспомнил. Разумеется, после двух визитов я оставил его в покое» [10. С. 24]. Что касается Ф. Палацкого, то Пыпин делился с Ламанским таким впечатлением: «Утин, с которым я был первое время в Праге, отправился к Палацкому и вынес от него подобное впечатление. Это, признаюсь, замедлило мой визит, я вовсе не был намерен заниматься идолопоклонством и ходить свидетельствовать свое почтение деревянным господам» [10. С. 24]. В то же время А.Н. Пыпин писал, что, приехавши в Прагу, «я прежде всего сошелся с Ганкой. Это очень старый человек, чрезвычайно любезный к русским». Что касается Шафарика и Палацкого, то А.Н. Пыпин добавил: «Оба они не нравились мне своим высокомерием и относительно Ганки, человека все-таки почтенного, что бы они не говорили. Один раз в ученом их обществе Шафарик возмутил меня своим неотесанным обращением с ненаходчивым Ганкой. Это также факт» [10. С. 23–24].

Другим фактором, определявшим не только не критическое, но и порой восторженное отношение русских славянолюбов к В. Ганке, было состояние русского славяноведения в первой половине XIX в. Наука о славянах в этот период вплоть до 1840-х годов находилась в зачаточном состоянии. Шел интенсивный процесс накопления знаний. Профессора филологии и истории и другие представители интеллигенции, и любители наук, изучая летописи и документы по отечественной истории, обращали внимание на имевшиеся в них сведения о славянах. У филологов особым вниманием пользовался древнеславянский и церковнославянский языки, изучение которых стимулировало интерес к другим славянским языкам. В

известной степени интерес к славянам появился в результате активной внешней политики России в первой четверти XIX в. Война с Наполеоном, пребывание русских войск за границей после поражения французской армии в России познакомило русских со славянскими народами Западной Европы, что отразилось в описаниях, составленных образованными представителями русской армии.

Накопление знаний о славянах осуществлялось и путем поисков славянских памятников в монастырских, церковных и частных хранилищах и архивах. Не последнюю роль играли и сведения, поступающие из-за границы, особенно из Германии о достижениях филологической науки и успехах в других областях. Следует отметить, что русско-немецкие ученые контакты в первой четверти XIX в. отличались большой интенсивностью. Проведенная в начале XIX в. реформа высшего образования привела к созданию трех новых университетов – в С.-Петербурге, Харькове и Казани – по европейскому образцу, но без богословских факультетов и с учетом русских традиций и реалий. В новых университетах работали крупные европейские ученые, главным образом немцы. Так в Харькове и Казани первые 15 лет существования преподавательский состав был представлен немецкой профессурой почти на 100%. И в старом Московском университете в профессорской коллегии было значительное число ученых немецкого происхождения. В новых университетах преподавание велось на латинском или немецком языках, так как приглашенные иностранцы не владели языком местного населения. Между тем древняя письменная культура русских и других славян была славяноязычной. Представляется, что иноязычное преподавание в университетах России по мере созревания и роста местных кадров способствовало укреплению их национально-самосознания и стимулировало интерес к изучению славян.

Огромное значение для познания зарубежных славян имел кружок энтузиастов любителей славянских древностей, объединившихся вокруг графа Н.П. Румянцева (1754–1826). Они не только разыскивали и приобретали исторические документы, но и исследовали их, а затем издавали. Один из членов этого кружка – П.И. Кёппен (1783–1864) совершил путешествие по Европе в 1821–1824 гг. с целью изучения, собирания и описания памятников славянской письменности, а также овладения языками и наречиями различных славянских народов. Он посетил Чехию, где встретился с Й. Добровским, В. Ганкой, П.Й. Шафариком, Ф. Палацким. Путешествие Кёппена по славянским землям как бы открывало дорогу к славянам также и другим русским ученым-путешественникам. Именно с этого времени в России начинается систематическое изучение славян (см. [11. С. 75–94]; из новейших исследований см. [12. С. 43–79]). По возвращении из путешествия Кёппен стал с 1825 г. издавать журнал «Библиографические листы», который явился органом зарождающегося русского славяноведения. Кроме того, «Библиографические листы» стали посредником между Россией и западнославянскими учеными. В журнале принимали участие многие представители славянской науки, в том числе Добровский, Ганка, Коллар, Шафарик. Сам П.И. Кёппен опубликовал в «Библиографических листах» «Записку о путешествии по славянским землям и архивам» [13], которая явилась основой для программ ученых путешествий будущих русских славистов. В 1827 г. П.И. Кёппен издал «Собрание словенских памятников, находящихся вне России» [14].

Знакомством с П.И. Кёппеном и его журналом широко пользовался В. Ганка. Он сообщал ему новости славянской литературы, посылал славянские издания и свои сочинения, о которых Кёппен писал в своем издании. Но еще и до сотрудничества с П.И. Кёппеном В. Ганка занимался русскими сюжетами и стремился довести до сведения русских славянолюбов результаты своих достижений. В 1819 г. Ганка издал сборник своих оригинальных стихотворений, которые представляют собой или подражание русской народной песне, или же вольную перифразу ее. Ганка первым из чехов перевел и издал «Слово о полку Игореве». Желая, чтобы

с этим памятником познакомились все славяне, Ганка напечатал его латинским письмом, что не могло вызвать сочувственный отзыв у русских. Кроме вычурной транскрипции, «Слово» производило странное впечатление и мниморусским языком предисловия. Журнал «Вестник Европы» в заметке об издании Ганки высмеял предисловие, «поблагодарив почтенного г. Ганку за преподанное собственным примером наставление, что никогда не должно писать на таком языке, которому не учили с малолетства [...] которого не можешь назвать своим природным» (цит. по [8. С. 83]). Замечание журнала было справедливо. Как показывают письма Ганки русским ученым в начальный период его контактов, Ганка писал не на литературном русском языке, а на причудливой смеси церковнославянского с русским и чешским. Несмотря на то, что многие русские писали ему на немецком языке, Ганка, по-видимому, из «любви к России» продолжал использовать этот искусственный «русский» язык. Издание Ганкой «Слова о полку Игореве» произвело удручающее впечатление и у чехов. Шафарик негодовал по поводу уродливых новаторств Ганки в азбуке и никак не мог заставить себя прочитать его [8. С. 83].

И только верный друг В. Ганки И.И. Срезневский, позднее вспоминая его, оправдывал плохой перевод неразвитостью языковедческой науки того времени и отсутствием соответствующих пособий. «От Ганки нельзя было в то время ожидать ни вполне правильного понимания подлинника, ни счастливого перевода, ни богатых пояснительных примечаний», – писал И.И. Срезневский [8. С. 84].

Другое впечатление произвели в России «открытые» Ганкой «древние» РКЗ. Первые сведения о Краледворской рукописи в России относятся к 1820 г., когда известный славянолюб и государственный деятель А.С. Шишков (1754–1841) издал первый русский перевод этой рукописи [15]. В предисловии Шишков сообщил, что первое чешское издание (1818) было доставлено в Российскую академию³ известным просветителем – графом Н.П. Румянцевым⁴. Шишков также привел мнение Й. Добровского о РК, рассказал об истории находки рукописи В. Ганкой. В письме Ганке русский вельможа-славянолюб писал: «Мне очень приятно слышать, что Вы упражняетесь в собирании на чешском языке древних сочинений; пожалуйста, доставляйте их в нашу Российскую Академию. Она, конечно, изъявит Вам за то свою благодарность. [...] В изданной Вами рукописи я нашел язык совершенно русский (какой в церковных книгах). Весьма немного таких слов, до которых корня не мог я добраться [...] Изданием сих песней Вы такую же принесли услугу русской словесности, какую и чешской, или лучше сказать всякой!.. А для наших славянских наречий, всех вообще, предрагоценный подарок. Я не могу насладиться чтением оного» [7. С. 1193]. Заметим, что чешского языка А.С. Шишков не знал, перевод был далек от совершенства. В следующем 1821 г. Шишков издал и РЗ. Авторитет В. Ганки в России возростал. Он представлялся крупным исследователем славянской письменности и культуры. Признание подлинности рукописей немецким лингвистом Я. Гримом и крупнейшим поэтом И.Г. Гёте подтверждали значение Ганки как великого знатока славянских древностей. Как известно, в те времена мнение немецких ученых было весьма важно не только для чехов, но и для русских деятелей, разумеется, если эти мнения были положительными. РКЗ нашли широкое применение в творчестве и в преподавательской деятельности русских славистов. Так профессор Московского университета М.О. Бодянский использовал РКЗ в занятиях со студентами. В его архиве со-

³ Имеется в виду Российская академия, созданная в 1783 г. с целью изучения русского литературного языка, разработки грамматик и словарей. С 1813 и 1841 гг. ее президентом был А.С. Шишков. В 1841 г. Российская академия слилась с Российской Академией наук.

⁴ Румянцев Николай Петрович (1754–1826) – русский государственный деятель, дипломат, меценат, ученый, коллекционер. Объединил вокруг себя молодых ученых в так называемый «Румянцевский кружок», члены которого обследовали архивы, разыскивали памятники славянской письменности и совершили ряд серьезных открытий.

хранилось большое число рукописных студенческих работ, содержащих переводы на русский язык отдельных поэм РК, их филологический и исторический анализ, а также и РЗ, что выполнялось по заданию профессора.

В качестве источника для исторического исследования первым в России использовал РКЗ знаменитый русский славист И.И. Срезневский (1812–1880)⁵. Его внимание привлекла, прежде всего, РЗ. В одной из работ 1838 г., коротко остановившись на истории ее открытия, ее содержании, а также на отрицательном отзыве Й. Добровского, Срезневский решительно защищал подлинность РЗ и выражал свою солидарность с теми учеными, которые считали ее «драгоценным памятником». Срезневский тоже опубликовал РЗ в подлиннике и в «русском чтении», сделал при этом попытку прокомментировать отдельные слова РЗ и упомянутые в ней факты. Материал РЗ служил Срезневскому для суждений об общественном устройстве, образованности и других особенностях древних славян, что и было изложено в его статье «Сеймы» [16. С. 226–239]. Через два года Срезневский обратился к РК. Эту рукопись он также признал подлинной, отметил ее высокую ценность в языковом и, особенно, в этнографическом отношении и большое значение для исследования о древней религии славян [17]. В 1846 г. Срезневский по материалам РКЗ написал сочинение «Об обожании солнца у древних славян».

Еще одним русским ученым, использовавшим РКЗ в своих исследованиях, был Н.Д. Иванишев, профессор Киевского университета. Этот славист занимался историей славянского права и написал на эту тему ряд работ [18], в которых опирался на «Суд Либуши» и РК как на подлинные источники.

Начиная с середины 1840-х годов РКЗ несколько раз переводились и издавались на русском языке. Из приведенных примеров публикаций и переводов РКЗ, появившихся в русской печати, можно сделать вывод, что рукописи уже вошли в русскую литературу, поскольку публиковалась не только информация о них, но РКЗ использовались и в качестве источников при исследовании вопросов, касающихся русской и другой славянской словесности.

В представлении русских славистов и других лиц так называемого славянского направления Ганка был крупнейшим ученым не только в Чехии, но и среди всех славян. Сам Ганка весьма способствовал созданию такого имиджа. Он рассылал свои собственные издания – публикации, переводы, статьи – большому числу русских деятелей, ученых, знакомых. Особенно усердно старался Ганка одарить собственными шедеврами министров, членов Российской Академии, царской фамилии, наследника престола и самого императора российского государства. Его подарки получали и другие «нужные» вельможи, а также представители духовенства и профессора университетов. Иногда он присылал большое количество экземпляров своих изданий и просил адресата об их распространении в России. В ответ на внимание Ганки и на значение его трудов для славянской науки, чешский ученый получал награды в виде золотой или серебряной медали от Российской Академии, ордена и бриллиантового перстня от царствующих особ. Известность Ганки ширилась и благодаря тому, что русские высокопоставленные лица часто посещали Прагу проездом на модные курорты в Карловы Вары и Теплице. Остановиваясь в столице Чехии для знакомства с городом, они обязательно встречались с Ганкой, который оказывал им разнообразные услуги, и оставляли свои записи в альбоме библиотекаря Чешского музея. В России Ганка был самым известным чешским ученым, благожелательно к ней настроенным и интересующимся ее древней культурой.

И все же нельзя сказать, что достоинствами Ганки и его сочинениями были «ослеплены» все представители русского образованного общества. В 1846 г. в

⁵ Об И.И. Срезневском имеется большая литература. Среди новейших изданий можно указать на [12. С. 170–209] и др.

России вышел первый русский стихотворный перевод РК. Переводчик Н.В. Берг (1823–1884) – историк и поэт – называл РК «собранием древних чешских стихотворений». В предисловии он остановился на истории открытия РК, основных ее изданиях и переводах на русский язык [19]. На издание Берга откликнулся рецензией профессор Санкт-Петербургского университета, представитель западной ориентации в русском общественном движении О.И. Сенковский (1800–1858). Крупный ученый-востоковед, Сенковский был блестящим публицистом, издавал журнал «Библиотека для чтения», где помещал критические статьи на исторические и литературные сочинения. В рецензиях, очень толковых по существу, он любил «позабавиться и поглумиться», чем нередко вызывал скандал. Его журнал имел весьма высокий тираж. Отзыв Сенковского на перевод Н.В. Бергом РК представляет собой первую в русской литературе работу, отрицавшую подлинность рукописи, правда, без особой научной аргументации. Приводя сведения о всякого рода литературных подлогах с древних времен до XIX в., он отмечал, что вначале этого столетия «почти повсюду неожиданно стали открываться древние народные песни, рассказы, эпопеи». «Господин Ганка, богемский литератор, антикварист и мечтатель, столь известный своей восторженностью, отправился в начале 1817 г. в городок Кралеви Двор нарочно для отыскания древних памятников чешской литературы; и как он отправился туда нарочно и в макферсонову эпоху, то разумеется, и не мог он не найти там в каком-то погребу отличного отечественного Оссиана. Целую рукопись привез он оттуда в Прагу. Как обыкновенно водится в подобных “открытиях”, рукопись эта единственная, *codex unicus*. А по старинным и непрелюбимым законам критики рукописных литератур одно это уже обстоятельство – единственность списка – достаточно для причисления открытия к разряду *oregra sruvia*», – подчеркивает Сенковский свое неверие не только в подлинность РК, но и других «новооткрытых» памятников. Он замечает: «“Суд Любуши” открыт неизвестным лицом и подарен Пражскому музею неизвестно кем» [20. С. 1–10]. Сенковский не вдавался в научный анализ РКЗ. Его доводом против их подлинности был тот факт, что памятники открыты в «макферсонову эпоху» и представляют собой *codex unicus*.

Однако этот «одинокый выстрел» Сенковского в адрес РКЗ и Ганки не повлиял на общий тон отношения к нему русских правящих кругов и образованной общественности. И еще до рецензии О.И. Сенковского Ганка настолько преуспел в развитии своих научных связей с русскими учеными кругами, что был дважды приглашаем на службу в Россию. В 1826 г. министром народного просвещения в Российской империи стал известный славянолюб и президент Российской Академии А.С. Шишков. Занимаясь вопросами реформы учебных заведений, министр с единомышленниками для расширения изучения славянства выдвинул идею создания славянских кафедр в только что основанном Педагогическом институте в Петербурге и во всех российских университетах. За отсутствием собственных кадров решили пересадить европейскую славянскую науку на русскую почву и по создавшейся уже традиции призвать ее представителей из-за границы. Выбор пал на чешских ученых В. Ганку, П.И. Шафарика и Ф.Л. Челаковского. Посредником в переговорах стал П.И. Кёппен. Ганка был в восторге от приглашения Шишкова, ответил пространным письмом и изложил свои условия переселения в Россию [8. С. 132]. Он желал стать профессором кафедры только в Петербурге или в Москве, требовал больших материальных гарантий, в том числе полной пенсии после истечения 15 лет службы (русские профессора должны были служить 25 лет) и вознаграждения ему жалования и других материальных льгот, которые он имел в Праге, если его служба в России прервется не по его вине. Таким образом, «бескорыстная» любовь Ганки к России требовала от последней значительной материальной компенсации. Шишков предполагал назначить Ганку в ординарные профессора Педагогического института в Петербурге и принял его условия. Челаковский

также выразил согласие переселиться в Россию, где ему намечалась должность экстраординарного профессора в Москве. Что касается П.И. Шафарика, то он колебался, хотя намечался в Харьков в качестве ординарного профессора кафедры славянских литератур. Относительно языка преподавания П.И. Кёппен сообщал, что лекции могли бы читаться на латинском или немецком языках, пока новые профессора не освоились бы вполне с русским языком, на что Ганка отвечал за себя и за Челаковского, что после непродолжительной подготовки они могли бы читать лекции на русском языке [8. С. 134]. Судя по языку писем Ганки русским адресатам, слушателям лекций чешского профессора пришлось бы очень долго ждать, пока на их родном языке он изложит им что-либо вразумительное и, вероятно, предпочли бы немецкий язык.

Но учреждение кафедр славянских литератур в российских университетах не состоялось. В 1828 г. А.С. Шишков был уволен в отставку и новым министром народного просвещения стал К.А. Ливен. Нельзя не согласиться с В.А. Францевым, считавшим, что бюрократические проволочки в российских властных структурах отрицательно повлияли на решение вопроса об организации кафедр славянских наречий. Однако, на мой взгляд, в конце 1820-х годов эта идея, зародившаяся в головах энтузиастов-славянолюбов, на деле была утопической. Для создания специального учреждения по славистике не существовало научной базы. Славяноведение в России еще было предметом увлечения энтузиастов типа П.И. Кёппена и А.С. Шишкова и некоторых других, и не пользовалось поддержкой достаточно широкого круга русских образованных людей. Практически славянами интересовались те, кто имел о них какое-либо представление в связи с профессией, служебным положением или научными исследованиями. В широком русском обществе само представление о славянах было смутным. Не случайно даже в 1830-е годы сочинения, касающиеся славянских вопросов, подвергались не только критике, но осмеянию и воспринимались иронически. Так, ретивые рецензенты тренировали свое остроумие, издеваясь над работой О.М. Бодянского «О народной поэзии славянских племен». Весьма недружелюбно были встречены критикой «Славянские древности» Шафарика в переводе на русский язык. В конце 1820-х годов не было материальной базы для славянских кафедр в смысле упорядоченной библиотеки славянской литературы, не говоря уже о других пособиях.

Новый министр народного просвещения Российской империи не отказался от мысли «о важности славянских изучений в отношении политическом» и представил другой план – «О заведениях для споспешествования славянскому учению». План был более реальным, так как предполагал основать в Российской Академии Большую славянскую библиотеку по всем наречиям. Книгохранителями этой библиотеки министр предлагал определить Ганку, Шафарика и Челаковского. Первых двух на правах ординарных профессоров, Челаковского – на правах экстраординарного. В начале 1830 г. по этому вопросу было принято положительное решение. Задачей приглашенных ученых было «сопоставление всех славянских наречий в одном словаре, в роде словаря Линде» [8. С. 142].

Связи с чешскими учеными осуществлял с помощью переписки П.И. Кёппен, что хорошо отражено в его письмах к Ганке. Последний, как и Ф.Л. Челаковский, был согласен поехать в Россию на предложенных условиях. Но Ганка высказал ряд советов и дополнительных предложений материального характера. В письме к Шишкову он указал на необходимость позаботиться о немедленной покупке книг для будущей библиотеки. Он считал, что именно сейчас существуют благоприятные условия для выгодного приобретения выставленной на продажу библиотеки скончавшегося графа Штернберга, заключавшей в себе большое число чешских редкостей. Кроме того, Ганка был готов посетить разные места Чехии и Моравии для пополнения собрания старых книг, а также побывать в Будишине и Коттбусе и приобрести там «вендицкие и поморянские» книжки и рукописи, а также и позна-

комиться с «остатками» полабских славян. Далее Ганка писал, что если бы Академия поручила ему покупку книг за границей, то он, присоединив к ним свои книги, ходатайствовал бы о беспошлинном их провозе в Россию, а для приготовления списков с рукописей он просил Академию оплатить работу копииста. Заботился также Ганка о предоставлении ему выгодного жилища при Академии и оплате путевых расходов [7. С. 1205–1206]. Все эти просьбы Академия обещала удовлетворить. На первый взгляд Ганка и Челаковский собирались переехать в Россию.

Что касается Шафарика, то он к 30-м годам XIX в. утратил желание для переселения в Россию: стремился найти себе место в Австрии или Германии и одновременно зондировал почву о возможности перемещения в Прагу. Поэтому он не посылал официального отказа Российской Академии, предъявлял дополнительные материальные требования и придумывал другие поводы для откладывания и проволочек с отъездом. Таким образом, в этом вопросе придерживался двойственной линии. В отличие от Ганки, Шафарик не был русофилом и его отношения к русским деятелям определялись деловым расчетом. В переписке с русскими учеными чешский славист лукавил, уверяя их в искренней любви к России. Как показывает его корреспонденция с русскими учеными [21], Шафарик стремился получить из России рукописи и другие источники, необходимые для его работы, хранившиеся в российских архивах и библиотеках, а также материалы, приобретенные русскими путешественниками, исследовавшими славянские земли. Материальную помощь, которую оказывало ему русское правительство и частные лица для издания трудов, он тщательно скрывал, объясняя свою позицию возможными преследованиями его со стороны австрийских властей. Однако в литературе не зафиксирован ни один факт такого преследования. Восстание поляков в 1830–1831 гг. показало антирусские взгляды Шафарика и нерасположение к русскому правительству, что доказывается его откровенными письмами к Я. Коллару. Доказательством высказанного суждения может служить сравнение данных некоторых источников. 27 декабря 1838 г. А.С. Шишков сообщал В. Ганке: «Министр народного просвещения уведомил Императорскую Российскую Академию, что Вы и г-н Шафарик приготовили о славянском языке и его наречиях некоторые свои сочинения, которые желали бы издать в свет, но не имеее нужных к тому способов. Академия, обращая внимание как на уведомление г-на Министра, так и на прежние сношения Ваши с нею, положила: на издание сих трудов Ваших отправить к каждому из Вас по три тысячи рублей, кои Вы и получите» [7. С. 1207]. (Такое же письмо отправлено было и Шафарику.) Шафарик не гнушался принимать такую помощь, а Коллару писал, что русские – это народ «наполовину онемеченные и наполовину отатаренные северяне», что с ними невозможно славянское единение. И далее: «Если Вы полагаете, что под шестидесятым градусом когда-либо разовьется и расцветет истинная славянская жизнь», то «я к этому мнению никогда не присоединюсь. Величие, которому мы все удивляемся, есть в действительности ужаснейший военный деспотизм, только формой своей отличающийся сильно от римского деспотизма времени Нерона и др., или нынешнего турецкого, но по существу своему мало от них отличающийся». Шафарик не признавал очевидных достижений русской культуры: «Роскошные плоды ума Багюшкова, Жуковского, Пушкина и пр., и пр., – говорил он, – суть цветы дилетантства; сад, в коем они выросли – не народ славянский. Без политической жизни народы – нули; на севере народ – ничто, решительно ничто и даже еще меньше, чем ничто. Под 60 градусом никогда не возникнут славянские Афины, ибо без свободы нет Афин!» [8. С. 165–166]. Эта антирусская исповедь Шафарика, на мой взгляд, объясняет истинные корни поведения будущего чешского корифея славистики в его отношениях к вопросу о предложении ему принять место службы в России на пользу развития славяноведения. Что же касается его скептического отношения к русской литературе, возросшей якобы не на славянской почве, то узкий слой возрожденцев культуры в

Чехии также имел немецкое образование, его представители писали свои сочинения на немецком языке, а занятия славянскими проблемами скорее считали своей профессией, чем убеждением.

В. Ганка, на мой взгляд, тоже колебался в вопросе поступления на службу в России. Правда, в отличие от Шафарика, уверял всех в обратном. Его письма русским ученым, Российской Академии, П.И. Кёппену, А.С. Шишкову и другим полны лесть в оценке задуманного Академией предприятия и надежд на расцвет славяноведения в России с помощью чехов. Однако он долго торговался по вопросу материального обеспечения, стремился повыгоднее продать Российской Академии библиотеку графа Штернберга, указывал на трудности оформления отъезда из Австрии и т.д. В то же время он понимал, что его положение в Чехии, с его славянскими связями, знакомствами, известностью, которая увеличивалась со смертью Добровского и признания РКЗ великими памятниками древней письменности со стороны немцев – В. Гёте и Я. Гримма, обещают ему большую славу. В России же в должности библиотекаря подобная перспектива была сомнительна. В.А. Францев, однако, считал, что позиция Ганки была искренней, но на мой взгляд, просто изворотливый Ганка вел свою политику более искусно, чем Шафарик.

Сомнения колеблющихся чешских ученых разрешила Российская Академия, оповестив о том, что Академия не смеет больше их беспокоить и желает им успехов на поприще славяноведения у себя дома. В это время Комитет устройства учебных заведений в России пришел к выводу, что профессоров по славяноведению нужно готовить из русских путем отправления кандидатов за границу в ученое путешествие по славянским землям. Университетским уставом 1835 г. создавалась кафедра истории и литературы славянских наречий в четырех университетах Российской империи.

Первыми кандидатами стали О.М. Бодянский, И.И. Срезневский, П.И. Прейс и В.И. Григорович. Кроме них за границу были командированы воспитанники Петербургского педагогического института М. Касторский и Н.Д. Иванишев. Молодые русские ученые, как правило, свои путешествия начинали с Германии, где посещали лекции в разных университетах, консультировались со специалистами, работали в архивах и библиотеках, изучая рукописи и литературу. Пребывание в немецких университетах знакомило русских стажеров с новыми методами исследования, они приобретали навыки европейского стиля работы с источниками. Языкового барьера, как правило, не было, так как изучение древних и новых языков в России осуществлялось в гимназиях, до поступления молодых людей в университет, а потом совершенствовалось и в университетах.

Узнав о достижениях немецкой науки, русские ученые-путешественники далее ехали в центр изучения славянства – в Прагу. Здесь они попадали в среду чешских славистов, среди которых большую роль играл В. Ганка. Он знакомил гостей с Прагой и Национальным музеем, с Чехией и содержанием библиотек со славянской литературой, рукописями. С приездом в Прагу молодых российских славистов начинается иной аспект связей Ганки с Россией, имевший большое значение для развития русского славяноведения. Многие будущие русские слависты занимались с ним изучением чешского языка и литературы.

Юрист и историк Н.Д. Иванишев стал преданным учеником Ганки. Под его руководством русский стажер «научился всем славянским языкам и изучил древние памятники славянского законодательства» [7. С. 255]. Рекомендуя Н.Д. Иванишева известному русскому государственному деятелю М.М. Сперанскому (1772–1839), В. Ганка выразил надежду, что его «ученик и сотрудник [...] занимаясь с любовью и прилежно древними славянскими законодательствами, будет в состоянии прояснить доселе темную сторону в древних юридических памятниках России, именно – элемент славянский» [7. С. 944–945]. Министра народного просвещения России С.С. Уварова В. Ганка просил продлить срок пребывания Н.Д. Иванишева

в Праге, поскольку нашел в последнем «весьма способного и трудолюбивого со-трудника» [7. С. 1131]. В свою очередь, Н.Д. Иванишев стремился помочь Ганке. 6 ноября 1838 г. он представил С.С. Уварову донесение со сведениями о жизни своего «ученого наставника». Подчеркивая заслуги В. Ганки в приобретении Чешским музеем редких книг и рукописей гуманитарного направления, его обширную литературную и издательскую деятельность и многостороннюю помощь русским гостям Праги, Н.Д. Иванишев упоминал одновременно о материальных трудностях, с которыми В. Ганка принужден был бороться. «Нужда заставляет иногда господина Ганку, – писал Иванишев, – заниматься переводом деловых бумаг, которые поступают в судебные места города Праги на польском и русском языках [...] В последнее время он с большими пожертвованиями собрал древнейшие памятники славянских законодательств, ходил часто пешком по рассеянным в разных местах Богемии библиотекам [...] приготовил к изданию Хронику Далимила, Краткую славянскую грамматику, начал составлять чешско-русский и русско-чешский словарь и обдумывает сравнительную грамматику славянских наречий [...] Каждый день г-н Ганка посвящал для меня несколько часов, сообщая мне свои обширные сведения о славянских законодательствах и палеографии, посещал со мной библиотеки и архивы, кланялся австрийским вельможам, чтоб только достать для меня какую-нибудь редкую рукопись, и за все это он не брал никакой платы, уверяя, что славяне гостей своих угощают даром» [8. Приложение. С. XXV–XXVI].

Живя в Праге, Н.Д. Иванишев, несомненно, очень сблизился с В. Ганкой и даже выполнял при нем своеобразные секретарские функции: многие письма чешского деятеля в Россию написаны рукой его русского ученика.

В библиотеке князя Лобковица в Лоуднице Иванишев обнаружил десяток юридических рукописей и докладывал Ганке: «Замечательны две рукописи Викторина из Вшегорд, отличная рукопись книги Товачовской и еще отличнейшие горных прав Вячеслава». «Обо всем я дам Вам подробный отчет. Ни одного нет экземпляра ни права Розенбергского, ни *Řad zemského práva*, ни Андрея из Дубе – это мне кажется очень странным» [7. С. 393]. Кроме чешских рукописей Иванишев по инициативе Ганки разыскивал памятники славянского права в библиотеках Германии. 20 июня 1838 г., приехав из Берлина, русский ученый известил Ганку: «Я нашел здесь работы гораздо более, чем ожидал. В известном Вам кодексе Статута Литовского я нашел небольшое уложение о судопроизводстве в Литве, получившее законную силу 1581 года, на белорусском языке, всего 6 листов. Я переписываю этот памятник и потом напечатать в нашем собрании. Другой кодекс, около 400 листов, содержит акты из XVII века, тоже на белорусском языке, русским курсивом весьма оригинальным и не четким. Это же для литовского права, что судебные *dski* для чешского и особенно могли бы служить к объяснению статута литовского» [7. С. 393]. Из этого сообщения Иванишева, а также из упомянутого выше письма Ганки М.М. Сперанскому видно, что Ганка планировал издать сборник памятников древних славянских законодательств и привлечь к участию в этой акции Н.Д. Иванишева. Наиболее важные находки Иванишева в немецких библиотеках Ганка освещал в чешской печати. Так в 1838 г. в «*Časopis českegò muzea*» Ганка напечатал в чешском переводе извлечение из письма Иванишева, который сделал выписку из одной чешской рукописи, хранящейся в Вольфенбюттельской библиотеке [7. С. 397–398].

Таким образом, Н.Д. Иванишева с полным основанием можно назвать учеником Ганки. В 1838 г. русский славист написал в его альбом: «Никогда не забуду своего доброго наставника и его уроков. Как я любил его в прекрасной, приветливой Праге, так и на великолепных берегах Невы буду любить вечною любовью» [7. С. 392]. В своих письмах Иванишев неизменно подписывался не иначе как «Ваш верный ученик». По возвращении в Россию, он по сложившимся об-

стоятельствам не мог продолжать интенсивные занятия по славянскому праву. В 1840 г. Иванишев опубликовал работу «Древнее право чехов» [22]⁶. Постепенно его связи с Ганкой прекратились.

Значительно более продолжительными и продуктивными были отношения между В. Ганкой и русским кандидатом на замещение кафедры истории и литературы славянских наречий, командированным от Харьковского университета, И.И. Срезневским. Впоследствии Срезневский стал крупнейшим славистом, но связи с Ганкой и преданность его личности сохранил до конца жизни чешского деятеля. В Прагу И.И. Срезневский прибыл в феврале 1840 г. и раньше всего обратился к Шафартику. Но вскоре у него завязалась самая искренняя дружба с Ганкой. В альбоме Ганки И.И. Срезневский 3/15 января 1841 г. сделал такую запись: «Пятимесячное пребывание в Праге родственно сблизило нас друг с другом. Увижу ли Вас, наслажусь ли беседою с Вами еще когда-нибудь – Бог знает; по крайней мере, навсегда сохраню в душе глубокое уважение к Вашим заслугам и благодарность за расположение Ваше ко мне, за помощь Вашу в моем изучении Вашего прекрасного языка» [7. С. 945]. С первых месяцев пребывания в Праге Срезневский стал пользоваться в своих занятиях руководством Ганки. В частности, чешский ученый обучал Срезневского методам обследования древних рукописей, их палеографии. Так, в письме из Райградского монастыря, где Срезневский знакомился с рукописью *Martyrologium Odonis* и приписками в нем, русский славист упоминает правило, Ганкою ему «внушенное и столь блестяще оправданное – не пропускать без внимания и кусочков пергамента на переплете книг» [7. С. 947]. Исследование «Мартирология» этим методом не подтвердило мнения о том, что этот памятник включает важные данные для подкрепления известия Храбра об употреблении славянами после принятия христианства греческих письмен.

Окончив занятия в Праге, И.И. Срезневский начал путешествие по славянским странам. Он побывал во всех землях славян за исключением тех, которые находились в составе Османской империи, въезд в которые был запрещен. Большинство доступных Срезневскому территорий он обошел пешком, посетил все культурные центры славян, славянские монастыри, хорошо изучил этнографию славян, места их расселения, определил языковые границы, познакомился с диалектами славянских языков, памятниками их письменности, археологией и т.п. Обо всех своих находках, впечатлениях, встречах с учеными и славянским народом И.И. Срезневский сообщал в письмах Ганке. В. Ганка часто публиковал письма Срезневского или фрагменты из них, содержащие важный и новый материал о славянах в журнале Чешского музея и некоторых других изданиях. Этот факт имел большое значение для славяноведения в целом.

Отметим, что в России новые сведения, добытые Срезневским в путешествии по славянским землям, в то время были неизвестны. В Российской империи не было научного органа, специализирующегося по славянской тематике. Ограниченное число других научных изданий мало интересовалось славянскими сюжетами, а среди славянолюбов не нашлось такого энтузиаста, который бы, подобно Ганке, посвящал свою деятельность славянству. Научный интерес к проблематике развивался медленно. Существовали и другие препятствия: пересылка корреспонденции из Австрии в Россию была актом сложным и дорогим. Так, письма И.И. Срезневского в Харьков к матери приходили через месяц–два после их отправки – задерживались на таможе австрийской и российской цензурой, так что Е.И. Срезневская получала их, когда ее сын, вероятно, уже путешествовал по другой славянской земле. Позднее она признавалась, что получение писем от И.И. Срезневского стоило ей 500 рублей, что по тем временам составляло серьезную сумму. Письма И.И. Срезневского матери также содержали немало научных

⁶ Подробнее о Н.Д. Иванишеве см. [23].

сведений (Е.И. Срезневская была образованной женщиной), часто аналогичных тем, которые сообщались Ганке. Однако чисто профессиональных славистических проблем в них, как правило, не обсуждалось. Письма И.И. Срезневского Е.И. Срезневской опубликованы в 1895 г. [24], а письма к Ганке, обильно цитирующиеся в настоящей статье, – в 1905 г.

Таким образом, своевременные публикации Ганки из писем Срезневского имели большое значение как для расширения сведений о славянах вообще, так и в развитии чешско-русских связей. Для самого же Срезневского путешествие по славянским землям способствовало созданию прочного фундамента знаний о языке, образе жизни, обычаях и нравах, культуре и религии славян. Теперь русский славист был уже не учеником, а полноправным партнером Ганки и по уровню знаний о живом славянстве серьезно превосходил его и других чешских ученых, которых снабжал сведениями для их сочинений по славянским древностям, языкам, этнографии и пр. Так, И.И. Срезневский в рецензии на книгу Шафарика «Славянская этнография» внес существенные коррективы в факты, выводы и заключения чешского ученого. В историографии остался загадкой вопрос о том, почему И.И. Срезневский до конца своей жизни признавал подлинность ганковских подделок, т.е. РКЗ. Критичный и язвительный, он не пропускал никаких промахов в рецензируемых трудах, но упорно отстаивал подлинность РКЗ и в то время, когда их подложность стала очевидна. На мой взгляд, русский ученый, понимая мотивы Ганки при сочинении подделок и сохранив в памяти расположение и доброжелательность, оказанные ему Ганкой в молодости, благородно не хотел «предавать» учителя, хотя уже во многом перерос своего бывшего наставника. Даже после смерти Ганки в своих «Воспоминаниях» (1861) он не упомянул о литературном грехе своего друга.

Приведенными примерами не ограничивается «учительская» роль Ганки в отношении русских посланцев на обучение в Прагу. Так, под руководством В. Ганки изучал чешский язык и древние памятники А.С. Жихарев, после возвращения в Россию получивший назначение в Дерпт на кафедру русского права. В 1840-х годах в Праге побывал А.Н. Попов (1821–1877), славист и историк, автор «Путешествия в Черногорию» (СПб., 1847). 22 августа 1842 г. он написал в альбом Ганки: «Вдалеке от родины я встретил родное. Прага напомнила мне Москву. Впечатление, произведенное ею, навсегда сохранится в моей памяти [...] Вместе с Прагою неразлучно будет для меня воспоминание об Вас. Я был бы счастлив, если б хотя изредка вспоминали обо мне и Вы, как о человеке, который братски любит славян, твердо верит в их будущее и изучает прошлое» [7. С. 859]. Под руководством Ганки А.Н. Попов написал статью «О древней чешской живописи» и посвятил ее своему чешскому учителю – Ганке.

Побывав в Праге и установив контакты с Ганкой, русские слависты, как правило, продолжали с ним общаться посредством корреспонденции. В ней содержалась ценная информация о новинках славянской литературы, о собственных славистических исследованиях, о других славянских новостях, обсуждался вопрос об обмене интересующими обе стороны трудами и т.д. Упомянутый А.Н. Попов 29 марта 1842 г. писал: Чрезвычайно благодарен Вам за присылку нового издания Краледворской рукописи, я ждал его с большим нетерпением, и теперь читаю с большим наслаждением. Прежде я знал из нее только один Суд Любуши и никогда еще не читывал других песен. Какая глубокая простота и поэзия и какое однородное сходство с поэзией всех других племен славянских. Да, это поэзия у всех них одна общая, которую принесли наши отцы и деды из общей их родины». Далее А.Н. Попов сообщал: «Посылаю Вам списки из того экземпляра, который поручили Вы мне начать иллюстрировать [...] на старом пергаменте [...] было очень трудно рисовать. Если же сверх моего ожидания Вам понравится моя работа, то это будет для меня большою наградою». «Посылаю так же перевод “суда

Любуши” на русский язык, сделанный одним из моих товарищей – Стаховичем [...] Этот перевод мне нравится потому особенно, что он сделан русским народным размером и буквален», – извещал автор письма Ганку. К письму прилагался упомянутый перевод «Суда Любуши». Далее он сообщал, что написал статью «об Богемской школе живописи», хочет перевести ее на немецкий язык и напечатать в Германии [7. С. 860]⁷.

Любопытно, что в конце письма Попов просит засвидетельствовать почтение гг. Шафарику, Палацкому, Юнгманну и Горчичке. Из этого перечня фамилий знакомых А.Н. Попова обращает на себя внимание «г. Горчичка», который являлся иллюстратором (т.е. художественно оформил инициалы) РКЗ в первоначальном ганковском варианте, т.е. в том тексте, который выдавался за подлинник. При многочисленных изданиях РКЗ Ганка, вероятно, не без умысла менял иллюстраторов, чтобы не разоблачать «почерка» «подлинника».

Большим поклонником В. Ганки и в некоторой степени его учеником был П.П. Дубровский (1812–1882) – учитель русского языка в Варшавской гимназии⁸. Он также сделал перевод одной песни из Краледворской рукописи и в 1839 г. послал его Ганке с сообщением, что «они все (т.е. песни РК. – Л.Л.) будут изданы мною вместе с музыкою г. Томашка [7. С. 299]. Побывав в Праге в 1841 г., П.П. Дубровский задумал издавать всеславянскую литературную газету под названием «Денница» и предлагал Ганке участвовать в этом издании. В частности, П.П. Дубровский просил Ганку «известить о новостях чешской литературы, так же, если можно, и иллирийской». «Письмо Ваше может украсить первый номер моей Денницы» [7. С. 301]. Ганка «украсил» издание варшавского слависта, о чем последний сообщил: «Чувствительно благодарю Вас за Ваше неоцененное (так в тексте. – Л.Л.) письмо, которое уже напечатано в 1-м номере моей “Денницы”, как ее украшение. Я напечатал Ваше письмо почти так, как оно было написано. Как Вы думаете об этом?» [7. С. 302]. Издатель просил Ганку о дальнейшем сотрудничестве. Однако чешский ученый не спешил дальше «украшать» «Денницу», чем вызвал сожаление ее издателя. «Давно уже не имел от Вас ни одной весточки, а “Денница” осиротела без Вас. Верно, она будет столь счастлива, что Вы поместите в ней хоть небольшую статью» [7. С. 303]. После недолгого существования «Денница» прекратила выходить в свет и Дубровский поведал о своей неудаче прежде всего Ганке. «“Денница” моя упала и уже не может подняться. Бог свидетель, что я со своей стороны сделал все, что мог, и смело могу сказать, что я несколько не виноват в упадке “Денницы”. Правда сначала все благоприятствовало, но большой ветер переменился, а перемена больших ветров, в свою очередь, зависит от высшей сферы [...] Нам, бедным людям, не так-то легко постигнуть такие перемены [...] Упадок “Денницы” был для меня гибельным ударом, еще и до сих пор я не могу придти в себя и примириться с моим настоящим положением», – сетовал Дубровский в феврале 1845 г. [7. С. 307]⁹. В дальнейшем П.П. Дубровский писал Ганке обширные послания, в которых перечислял, а иногда и оценивал огромное число русских и польских изданий по славянским сюжетам, видимо, заготовленным раньше для публикации в «Деннице», но оставшимся не напечатанными ввиду прекращения ее существования.

Информатором В. Ганки о новинках русской художественной литературы, о русских писателях, о театре и вообще культурной жизни в России был Н.В. Берг (1823–1884) – поэт, переводчик, путешественник, с 1868 г. лектор русского языка в варшавской Главной школе и Варшавском университете. В 1846 г. он опубликовал свой перевод Краледворской рукописи русскими стихами [19] и, не будучи лично

⁷ Статья А.Н. Попова была напечатана в «Časopise českého muzea». 1846. IV. V; и по-русски в Журнале Министерства народного просвещения (1847). Автор посвятил ее В.В. Ганке.

⁸ Подробно о П.П. Дубровском см. в [25].

⁹ О судьбе «Денницы» Дубровского см. [26].

знакомым с Ганкой, послал ему экземпляр этого перевода. Ганка перевод одобрил и предложил напечатать его в Праге, что и было им осуществлено в 1851 г. Кроме того, этот перевод был опубликован и в «Polyglotté» [27]. Н. Берг также обращался к Ганке с просьбой прислать 10–20 народных чешских песен, так как собирался издать «в стихотворном русском переводе песни разных народов Европы» [7. С. 54], а также несколько венгерских народных песен. Ганка просьбу выполнил. Интересные сведения Н. Берг сообщил о кончине Н.В. Гоголя, о его похоронах и судьбе литературного наследия. «Все, что у него оставалось не напечатанным, он сжег, а равно и 2-й том “Мертвых душ”», – сообщает автор письма [7. С. 54]. По случаю кончины Гоголя Берг написал стихотворение «Над гробом Гоголя» и послал Ганке, который опубликовал его в русском оригинале и чешском переводе под названием «Nad hrobem Gogolowým» [28. 29 l]. В письме к Ганке от 11 июня 1852 г. Н. Берг добавил подробности о Гоголе: «По прошествии 6 недель был распечатан шкаф его, и там найдено несколько тетрадей разных неизвестных сочинений; 5 глав (не совсем отделанных) 2-го тома “Мертвых душ”, внутренняя биография и некоторые другие. Все это будет издано в свет при первой возможности» [7. С. 58]. Отрывок из этого письма в переводе на чешский язык был также опубликован в журнале «Lumír» под названием «Последние дни Н. Гоголя и оставшиеся после него сочинения»¹⁰. Берг известил Ганку о смерти М.Н. Загоскина, писателя, драматурга и театрального деятеля, перечислил его литературные произведения и остановился на необыкновенно успешном у публики романе «Юрий Милославский», выдержавшем восемь изданий [7. С. 59–61]. В свою очередь Ганка известил Н. Берга о потере чешской литературы – кончине Ф.Л. Челаковского, на что русский поэт откликнулся переводом на русский язык стихов Пицека «Слова скорби над могилою Франциска Владислава Челаковского» [7. С. 61–63]¹¹. 30 сентября 1852 г. Н. Берг сообщил новости русской художественной литературы, особо отмечая произведения Н. Островского, И.С. Тургенева и др. Эти и другие литературные новости Ганка регулярно публиковал в чешских журналах в переводе на чешский язык. Стихи самого Ганки Н.В. Берг переводил на русский язык и публиковал в журнале «Москвитянин». Таким образом, Н.В. Берг как восторженный «славянин» был не только поклонником Ганки как «открывателя» РКЗ, но и как поэта, ученого и единокровного брата – славянина. Благодаря публикациям писем и литературных сообщений Н.В. Берга, время от времени помещаемым Ганкой в чешских журналах, читающая публика в Чехии могла убедиться в необоснованности скептицизма, высказывавшегося Шафариком и Гавличком Боровским о развитии русской литературы первой половины XIX в.¹²

Восторженное отношение к Ганке как к учителю, поэту, славянскому патриоту испытывали не только упомянутые выше Иванишев, Дубровский, Берг, но и многие другие, в основном начинающие, молодые сторонники славянской взаимности, разделявшие романтические взгляды на развитие славянского мира, на миссию России в этом мире. Но и ученые славяноведы, более глубоко знакомые с научными достижениями и политической историей славянских народов и т.д., верили в подлинность РКЗ и признавали заслуги Ганки в их обнаружении, оценке значения для славянской культуры и т.д. Такая вера сохранялась среди русских славистов до конца XIX в. Во второй половине этого столетия лишь В.М. Ламанский, В.В. Макушев и А.А. Кочубинский высказали в своих трудах сомнение в подлинности РКЗ и поддержали идею об их подложности. Что же касается твор-

¹⁰ Отрывок этого письма с дополнениями из статьи М.П. Погодина по этому вопросу был опубликован на чешском языке под названием «Poslední dni N. Gogola a pozůstalé spisy jeho» в [28. Приложение № 11].

¹¹ Письмо, за исключением стихотворения, напечатано в «Časopis Českeho Muzea». 1852. IV. S. 174–175.

¹² Об оценке К. Гавличка Боровского см. [29].

чества Ганки, то и в первой половине XIX в. русские ученые неоднократно основательно критиковали его труды.

В 1846 г. Ганка осуществил издание знаменитого памятника древнеславянской письменности «Реймского Евангелия», под названием «Сазавско-Эмауское Евангелие». О.М. Бодянский писал чешскому ученому: «Поздравляю Вас с изданием Эмауского Евангелия. В отношении текста и внешности оно ничего не оставляет желать, но в отношении предисловия (кто его Вам переводил на русский? Плоховато и неверно!) я не могу во всем согласиться с Вами, хотя Вы высказывали свое мнение очень осторожно и с меньшей запальчивостью и увлечением, как это сделали в одной особой статье об этом предмете» [7. С. 127].

Более серьезной критике подверг издание Ганки адъюнкт Петербургской Академии историк и филолог А.А. Куник (1814–1899). Он опубликовал в «Санкт-Петербургских ведомостях» рецензию на немецком языке, устроив изданию Ганки жестокий суд. Академик Н.Г. Устрялов сообщил Ганке 13/25 июня 1846 г.: «Прилагаю при сем разбор Вашего ученого труда, напечатанный в наших “Немецких ведомостях”. Автор его адъюнкт Академии Наук Куник. Если Вы пожелаете, напишите антикритику, которую редакция “Ведомостей” охотно напечатает» [7. С. 1149]. О рецензии А. Куника чешский ученый писал О.М. Бодянскому 14 июля 1846 г.: «Немец Куник написал об этих книгах злобную чепуху в немецкие газеты. Своим ругательством он доказал, что он грубый немец, и “Бог с ним”, как говорят русские. Я ведь в предисловии говорю, что разрешить спорный вопрос (о послесловии, в котором упоминается имя св. Прокопия) предлагаю нынешним и будущим славянским ученым, – и так к чему тут немец?» (подробнее см. [30]). Но никакой «антикритики» Ганка не написал. Он был счастлив тем, что труд его удостоился высочайшей русской награды. 21 марта 1846 г. министр граф С.С. Уваров писал В. Ганке: «Экземпляр изданного Вами “Реймского Евангелия”, сличенного с “Евангелием Остромировым” и “Острожскими чтениями”, я имел счастье, согласно с желанием Вашим, поднести Государю Императору. Его Императорское Величество, удостоив благосклонного принятия это издание, и в ознаменование Высочайшего внимания к литературным трудам Вашим по части славянской филологии и усердному содействию Вашему ученым предприятиям Министерства народного просвещения и образования молодых людей, которые были отправляемы для изучения славянских наречий, все милостивейшее пожаловал Вас Кавалером Ордена св. Анны 2-й степени. Имею честь препроводить при сем знаки сего Ордена и грамоту на оные» [7. С. 1145]. С.С. Уваров также сделал распоряжение попечителям учебных округов, чтобы они приобрели «Реймское Евангелие» и составленную Ганкой «Славянскую грамматику» для подведомственных им учебных заведений. Распоряжение С.С. Уварова было исполнено, но Ганка снабдил своим изданием Россию в таком количестве экземпляров, что, как говорил Бодянский, в ней не найдется такого числа интересующихся славянством, чтобы реализовать хотя бы половину присланного. А в письме 13 апреля 1847 г. О.М. Бодянский пишет чешскому приятелю «Вы напрасно [...] столько насладили их (т.е. экземпляров Евангелия. – Л.Л.) в Москву. Их мне не распродать и в пять лет. Вот Вам пример. Получивши только первую весть о высылке Вами этих книг в июне прошлого года или даже в мае, я тотчас [...] публиковал продажу в № 4 “Чтений” [...] и то же самое делал по сию пору. И что же? Только сегодня, в течение одиннадцати месяцев, насилу нашелся один человек, который выписал экземпляр» [7. С. 132]. А 22 апреля 1850 г. О. Бодянский сообщил, что из 200 экз. присланной Ганкой книги он продал всего восемь, и просил известить его о том, что «делать с остающимися Вашими экземплярами, которые, как видите, в продолжение 3-х лет такой плохой имеют в Москве сбыт, несмотря на то, что объявлялось о продаже их в каждой книжке “Чтений” постоянно, а так же и в “Московских Ведомостях”? По-моему мнению, лучше всего будет переслать Вам их обратно путем книгопро-

давческим» [7. С. 140]. Отсутствие интереса к славянской литературе являлось показателем еще слабого распространения в России знаний о славянах. Впрочем, если бы научный уровень изданий Ганки был выше, нашлись бы и в России представители других дисциплин, для которых опубликованный источник мог быть полезным. Между тем к изданию Ганки и в Праге отнеслись недоброжелательно. Так П.И. Шафарик уклонился написать отзыв, о чем его просил Ганка. Но при всех недостатках изданного Ганкой «Реймского Евангелия», сам факт его публикации сделал этот памятник легко доступным и широко известным и этим вызвал дальнейшие исследования.

Значительную пользу русскому славяноведению принесла деятельность В. Ганки в доставлении русским ученым славянской и другой литературы. Чешский славист подыскивал и закупал книги на аукционах, у издателей и в других местах, выполняя просьбы русских профессоров и других лиц, интересовавшихся славянством, а потом эту литературу пересылал в Россию. В письмах русских славистов Ганке нередко можно встретить большие списки книг, которые его корреспонденты желали бы приобрести для своих собраний или библиотек учреждений, с которыми были связаны. Таким образом, чешский ученый способствовал созданию славянских библиотек в Петербургском и Московском университетах. Роль Ганки в снабжении книгами развивающееся русское славяноведение нельзя недооценивать. Ведь в некоторых российских университетах, например в Казанском, славянская литература отсутствовала совершенно. И.И. Срезневский констатировал, что и в Харьковском университете вся славистическая литература ограничивалась его личным собранием, а в университетской библиотеке имелись лишь две книги на славянский сюжет.

Для иллюстрации факта сотрудничества русских славистов с Ганкой по поводу доставления им книг в Россию приведем пример с комплектованием библиотеки в Московском университете. Этим вопросом был озабочен первый профессор кафедры истории славянских наречий и литератур О.М. Бодянский. Он при возвращении из командировки по славянским странам имел 3000 книг по славянской филологии по всем наречиям. Эту библиотеку он уступил Московскому университету, чтобы тем «доставить нашему славянству в сердце русской жизни постоянное виталище и твердую опору, – писал О.М. Бодянский В. Ганке 5 июня 1843 г., и далее говорил. – Я слышал от Вас не раз, что Ваше единственное желание передать свою библиотеку в нашу Белокаменную [...] Поэтому неужгодно ли Вам будет уступить мне ее». Со временем Бодянский предполагал передать в университетскую библиотеку все то, что в ней отсутствовало, и было в собрании Ганки. Таким образом, объединив две библиотеки, Бодянский намеревался «доставить университету Московскому возможно лучшую и полную славянскую библиотеку». Уверенный в согласии Ганки О.М. Бодянский специально оговаривал: «Одного только прошу условия при этой покупке, то есть не включать в список своей библиотеки книг, не имеющих никакой связи со славянством, как то сочинений французских, итальянских, испанских и тому подобных, что, сколько помню, было в каталоге Вашем, посылавшемся мною во время оно в Москву»¹³. Сделка между учеными состоялась. О.М. Бодянский послал деньги, и по истечении двух с лишним лет прибыли и книги. Получив библиотеку и перебравши ее московский профессор обнаружил отсутствие 36 книг. «Все эти книги, – писал Бодянский 8 апреля 1846 г., – были прежде в Вашем реестре, который я списал себе еще в Праге, при отправлении его к графу Строганову. Они, как известно, составляли перло в Вашей библиотеке, и теперь этого-то перла нет у меня». Перечислив отсутствие ряда изданий XVII–XVIII вв., Бодянский продолжил: «И эта редкость была в Вашем каталоге, которую Вы не раз гордились передо мною, говоря, что она назначена Вами

¹³ Все цитаты взяты из письма Бодянского Ганке [7. С. 111–112].

украшать Вашу библиотеку, назначенную для продажи. И вот, как и прежние две редкости, она не оказалась у меня. А почему, Бог весть!» [7. С. 125–126]. Дальше Бодянский сообщал о том, что присланные вместо отсутствующих книги ему не нужны, так как не заменяют их. Поэтому он просит прислать те книги, которые были указаны в каталоге и за которые выплачены деньги. Ганка ответил, что теперь чешские книги поднялись в цене, на что Бодянский написал: «Но ведь сделка наша состоялась совсем не в дорогое время, и при том я об изменении в реестре вовсе не был извещен, ни при сделке, ни при посылке самих книг, и узнал только, напротив, о том при проверке списка с наличным. Между тем я с своей стороны, кажется вовремя и вполне держал договор» [7. С. 128]. Описанное недоразумение в книжных отношениях между Бодянским и Ганкой с годами закончилось. Чешский славист русскому дослал книги, хотя некоторые из оплаченных московским профессором экземпляров он так и не получил. В приведенном эпизоде, на мой взгляд, встретились две морали сторонников славянской взаимности первой половины XIX в.: патриархальный профессор Московского университета, представитель «варварской» России, подарил свою славянскую библиотеку университету во имя развития славяноведения в своей стране, придерживаясь принципов честности, добросовестности и других христианских добродетелей, а представитель «образованного и передового» Запада Ганка, ловко использовал «славянскую взаимность» для существенного поправления своего материального положения без какой-либо сентиментальности.

Анализ книжных отношений Ганки с русскими славянолюбями дает основание предполагать, что Ганка не всегда здесь себя вел корректно. Однако, несмотря на некоторые шероховатости, услуги Ганки в сфере снабжения книгами русских славистов и других лиц имели большое позитивное значение для развития русского славяноведения 30–40-х годов XIX в. С конца 1840-х годов эти связи ослабли, в чем немаловажную роль сыграли в жизни австрийского славянства события 1848–1849 гг. Кроме того, русские слависты постепенно крепили в своих знаниях, становились все более самостоятельными в области своих изучений, меньше и меньше нуждались в указаниях своих бывших учителей, а зачастую становились выше их в разработке отдельных вопросов, методах исследования и взглядах на задачи науки.

Что касается Ганки, то несмотря на недостатки его научных сочинений, на его лукавство в отношениях с русскими представителями власти и другими деятелями славяноведения, некорректность поведения по отношению к своим русским друзьям, он сыграл позитивную роль в становлении русского славяноведения в 30–40-х годах XIX в. Человеческие слабости и научные ошибки не лишают Ганку благодарной памяти в истории русского славяноведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Срезневский И.И.* Воспоминания о Ганке // Известия Второго отделения Имп. Академии наук. 1861. Т. IX.
2. *Пытин А.Н.* Вячеслав Ганка // *Пытин А.Н.* Мои заметки. М., 1910.
3. *Лавровский П.А.* В воспоминание о В.В. Ганке и П.И. Шафарике // Годичный акт Харьковского университета. 30 августа 1861 г.
4. *Дубровский П.П.* Воспоминание о В.В. Ганке // Отечественные записки. СПб., 1861.
5. В.В. Ганка // Журнал Министерства народного просвещения. СПб. 1861. Ч. СІХ; В.В. Ганка // Новое время. СПб. 1861. № 2; В.В. Ганка // Иллюстрация. СПб. 1861. № 166.
6. *Лаптева Л.П.* Краледворская и Зеленогорская рукописи в освещении русской литературы XIX–XX веков // Рукописи, которых не было. Подделки в области славянского фольклора / Изд. подг. А.Л. Топорков, Т.Г. Иванова, Л.П. Лаптева, Е.Е. Левкиевская. М., 2002.
7. Письма Вячеславу Ганке из славянских земель. Материал для истории славянской филологии / Издал В.А. Францев. Варшава, 1905.
8. *Францев В.А.* Очерки по истории чешского возрождения. Русско-чешские ученые связи конца XVIII и первой половины XIX столетия. Варшава, 1902.

9. *Francev V.A.* Bibliografický soupis vědeckých prací s přehledem jeho činnosti – Theodor Syllaba. Praha, 1977.
10. Документы к истории славяноведения в России (1850–1912). М.;Л, 1948.
11. *Никулина М.В.* Первые научные путешествия в славянские страны и их роль в истории русского славяноведения (первая треть XIX в.) // Из истории славяноведения в России. Труды по русской и славянской филологии. Таржд, 1981.
12. *Лантева Л.П.* История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005.
13. *Кёппен П.И.* Записка о путешествии по славянским землям и архивам // Библиографические листы. 1825. № 33–34.
14. Собрание словенских памятников, находящихся вне России / Сост. Кёппеном. СПб., 1827. Кн. I. Памятники, собранные в Германии.
15. Рукопись Краледворская: Сборник лирико-эпических народных песнопений / Издано В. Ганкою в Праге, 1819 // Известия Российской Академии. 1819. Кн. 7.
16. *Срезневский И.И.* Сеймы // Очерки истории России, издаваемые В. Пассеком. СПб., 1838. Кн. I.
17. *Срезневский И.И.* Извлечение из Краледворской рукописи касательно религиозных верований и обрядов // Журнал Министерства народного Просвещения. Ч. XXVIII. 1840. № 12.
18. *Иванишев Н.Д.* О плате за убийство в древнерусском и других славянских законодательствах в сравнении с германскою вирою. Киев, 1840; *Иванишев Н.Д.* Рассуждение об идее личности в древнем праве богемском и скандинавском // Сочинения Н.Д. Иванишева. Киев, 1876.
19. Краледворская рукопись. Собрание чешских эпических и лирических песен. (Перевод Н. Берга) // Московский литературный и ученый альманах. М, 1846.
20. *Сенковский О.* Краледворская рукопись. Перевод Н. Берга // Библиотека для чтения. 1847. Т. 84. Август. Отд. 6.
21. Korespondence Pavla Josefa Šafaříka / Vydal V.A. Francev. I. Vrájemné dopisu P.J. Šafaříka s Ruskými učenci (1825–1861). Praha, 1927. Čast I. Praha, 1928. Čast II.
22. *Иванишев Н.Д.* Древнее право чехов // Журнал Министерства народного просвещения. 1840. № 2. Отд. 2.
23. *Лантева Л.П.* Н.Д. Иванишев (1811–1879) и его работы по истории славянского права // Právněhistorické studie 22. Praha, 1979.
24. Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского из славянских земель 1839–1842. СПб., 1895.
25. *Laptěvá L.P.* Ruský slavista 19. Století P.P. Dubrovskii // Studie k dějinám kulturě východních Slovanů. D. XIX. Praha. 1990.
26. *Laptěvá L.* Všeslovanský časopis «Dennica» (1842–1843) a přínos Lužických Srbů // Časopis Národního musea. Řada historická. Praha, 1987. Rok CLVI. Č. 1–2. (č. e. prosinec 1988).
27. Polyglotta Kralodvorského Rukopisu. Praha, 1852.
28. Lumír. 1852. I. 29.
29. *Францев В.А.* Н.В. Гоголь в чешской литературе. СПб., 1902; *Селищев А.* Взгляды Карла Гавличка на Россию. К истории славянских взаимоотношений в половине XIX века. Казань, 1913.
30. *Францев В.А.* К истории изданий Реймского Евангелия // Журнал Министерства народного просвещения. 1900. Июль.

© 2012 г. М. М. ФРОЛОВА

ОБЩЕСТВО ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХ И СЛАВЯНСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА (1848–1857)

«Флетчеровская история» 1848 г. вызвала смену руководства в Обществе истории и древностей российских, но не привела ни к стагнации его деятельности, ни к исчезновению славянской проблематики из обсуждений на заседаниях и со страниц журнала ОИДР «Временник». Общество сохранило свои контакты с зарубежными учеными и перешло к новой форме сотрудничества – к установлению отношений с научными обществами и организациями.

In 1848, «Fletcher's story» was followed by the change in the leadership of the Society for History and Russian Antiquities, but did not end in either stagnation, or disappearance of Slavic problematic in panel-discussions, or on the pages of the Society's journal *Vremennik*. The Society preserved its contacts with scholars abroad and developed a new form of cooperation – institutionalised cooperation with learned societies.

Ключевые слова: «Флетчеровская история», О.М. Бодянский, И.Д. Беляев, А.Д. Чертков, «Временник ОИДР».

Старейшее в России Общество истории и древностей российских (ОДРИ) (1804–1929), внесшее значительный вклад в развитие славистики, к сожалению, до сих пор еще не удостоилось монографического исследования. Начало глубокому изучению славянской проблематики на заседаниях и в публикациях ОИДР в первой половине XIX в. было положено статьями В.В. Ишутина [1–2]. Автор особенно высоко оценил заслуги секретаря Общества О.М. Бодянского (1845–1848), благодаря которому славянская тема в ОИДР «звучала во весь голос». Исследование Ишутина было доведено до событий осени 1848 г., до так называемой Флетчеровской истории.

В сентябрьском номере «Чтений» (1848) были напечатаны записки английского посла Дж. Флетчера в России «О Московском государстве XVI в.», изданные в Англии в 1591 г. В них в резко негативной форме давалась характеристика государственного строя Московии, суда, церковного устройства. Но ОИДР на заседании 27 сентября 1847 г. одобрило издание «Записок», доставленных князем М.А. Оболенским, директором Московского архива Министерства иностранных дел. Публикация была предпринята на основании статьи цензурного устава, разрешавшей печатать без извлечения предосудительных для России мест все, что пишется и писалось до воцарения Дома Романовых. В составе «Сказаний современников о Димитрии Самозванце», опубликованных Н.Г. Устряловым в 1832 г., находилась «Московская хроника (1584–1612)» пастора М. Бера, в которой также

Фролова Марина Михайловна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

невыгодно говорилось об Иоанне IV, Федоре и о многих обрядах церкви. Председатель ОИДР граф С.Г. Строганов поэтому лично разрешил «Записки» Флетчера. Но дело происходило в 1848 г., когда во многих странах Западной Европы бушевали революции. Министру народного просвещения графу С.С. Уварову, специально прибывшему в Москву для выяснения настроений студентов Московского университета, учащихся гимназий и других учебных заведений в связи с событиями в Западной Европе, представили, как «неблаговидно в данную минуту печатать Флетчера». Своевременную «бдительность» проявили, по свидетельству современников, М.П. Погодин и С.П. Шевырев, находившиеся в это время в неприязненных отношениях с С.Г. Строгановым и О.М. Бодянским. По приказу Уварова последовал запрет этих материалов и изъятие их из опечатанного номера, что повлекло затем вынужденный уход с должностей С.Г. Строганова и О.М. Бодянского. В резкой смене руководства ОИДР огромную роль сыграла и давняя вражда С.С. Уварова и С.Г. Строганова [1. С. 111–112; 3. С. 71–73; 4. С. 144–150; 5. С. 219–221].

Ишутин признавал, что из-за «Флетчеровской истории» «славянское направление в деятельности Общества действительно серьезно пострадало». Но он не согласился с точкой зрения Л.П. Алексашкиной, что «смещение неугомонного секретаря было попыткой» власти «свернуть деятельность» ОИДР, которая ей «удалась», и что в результате «погрома» Общество «почти прекратило свою издательскую деятельность, а также прервало связи со своими заграничными членами» [1. С. 111–112]. Хронологические рамки статьи не позволили Ишутину представить развернутое обоснование своего мнения, а новых работ историка в этом направлении не последовало.

Изучение научной биографии Бодянского неминуемо вело к исследованию его деятельности в ОИДР, как секретаря и как редактора журнала «Чтений» (1846–1848, 1858–1877). Поэтому и славянская проблематика в Обществе за эти годы получила освещение в работах многих ученых (Н.А. Кондрашова, Л.П. Алексашкиной, Л.П. Лаптевой, Л.Ю. Аристовой, В.В. Боярченкова) [3; 6–9]. Соответственно период 1848–1857 гг. или полностью выпадал из работ историков (Кондрашова, Аристовой), или удостаивался краткой характеристики, повторявшей в принципе известное высказывание Бодянского, что «Общество на веки веков попятилось назад [...] В год не более 2-х книжек, если только и то удастся, потому что Общество подчинено уже общей цензуре» [10. С. 135; 3. С. 73]. Однако такую оценку положения дел в ОИДР после «Флетчеровской истории» Бодянский дал 19 февраля 1849 г. в письме к П.И. Шафарику, когда сообщал в Прагу о постигших его бедах. Впрочем, и впоследствии, вернувшись к секретарским обязанностям в ОИДР, Бодянский писал о годах, когда были закрыты «Чтения», достаточно сдержанно. И это понятно. Задача данной статьи состоит в том, чтобы заполнить лагуну в исследованиях ученых.

В первой половине XIX в. история украинских и белорусских земель воспринималась в органическом единстве с историей России, представляя собой «историческое краеведение». Естественно, такой подход характерен и для материалов ОИДР. Попытки же некоторых современных исследователей вычленив из русской историографии национальные составляющие нередко приводят к казусам. Трудно, например, разделить мнение автора обстоятельной монографии О.В. Тодичук «Украина XVI–XVIII вв. в трудах Общества истории и древностей российских», согласно которому Одесса того периода причисляется к городам Украины, а не Новороссии. Нельзя, на мой взгляд, считать профессора Н.Н. Мурзакевича, директора Ришельевского лицея, одного из учредителей Одесского общества истории и древностей (ООИД) и его секретаря, благодаря которому осуществлялись научные отношения указанных учреждений с Москвой, украинским ученым [11. С. 40–42], беря за основу только формальный признак – место жительства. По

рождению и воспитанию, образованию в Московском университете, по своему менталитету Мурзакевич, несомненно, принадлежал к племени русских историков. Не случайно в письме от 14 марта 1847 г. к Бодянскому он писал: «Чтения получаю исправно; исправно их и просматриваю. Честь и слава вам, доброму и бескорыстному подвижнику. Только и паки молю вас, не забывайте и старины великорусской» [12. С. 204]. Этому принципу будем придерживаться и в статье.

Удар, нанесенный «Флетчеровской историей» по Обществу, был столь неожидан, что деятельность ОИДР на некоторое время застыла. 18 ноября 1848 г. С.П. Шевырев спрашивал М.П. Погодина: «Не понимаю, что Чертков не собирает собрание [...] Пора бы. Это дело вице-президента, и на нем ответственность» [13. Карт. 36. Д. 45. Л. 8.]. Может быть, А.Д. Чертков, вице-президент ОИДР с 1836 г., надеялся, что со временем страсти улягутся, но напрасно. Только 27 ноября 1848 г. состоялось чрезвычайное заседание Общества, на котором происходили выборы нового секретаря и председателя. На него съехались практически те же люди (16 человек), которые в 1845 г. избрали Бодянского в секретари и в марте 1848 г. переизбрали на новое трехлетие вновь засвидетельствовали ему свое доверие. Присутствовавший на этом заседании попечитель Московского учебного округа Д.П. Голохвастов явно претендовал на председательское кресло. И предшествовавшая практика избрания на должность председателя ОИДР попечителей Московского учебного округа подтверждала закономерность подобных притязаний. Однако действительные члены ОИДР, среди которых были преподаватели Московского университета, единодушно проголосовали за А.Д. Черткова. Это обстоятельство с удивлением подчеркивал А.М. Кубарев [14. С. 545]. Секретарем стал профессор русского права Московского университета И.Д. Беляев. Трудно поэтому согласиться с В.В. Боярченковым, полагающим, что действительные члены «безропотно избрали новое руководство» [9. С. 99]. Кроме того, выборы 27 ноября 1848 г. подтвердили, что ОИДР, несмотря на недавнее грубое вмешательство власти, тем не менее, продолжало сохранять свою внутреннюю автономию и право выбирать своего председателя. Например, Московское общество испытателей природы получило такое право только в 1869 г., а до этого на должность председателя назначались попечители Московского учебного округа.

Члены Общества, забыв на время свои личные разногласия, постарались выказать поддержку Черткову. Кубарев спрашивал Погодина: «Когда в Общество? [...] Много, много нужно говорить, и твердо и решительно, и принять деятельные меры. Грех нам оставлять Александра Дмитриевича без всякого с нашей стороны содействия. Надо помочь ему в Геркулесовом труде очистить Авгеасово стойло» [13. Карт. 17. Д. 50. Л. 13.]. «Мне жаль Черткова, который принял президентство в такой запутанности дел, что хоть брось все», – писал в Петербург Кубарев [14. С. 545], и он был прав.

Работа в ОИДР сразу не могла наладиться из-за того, что Бодянский не сдавал дел новому секретарю Беляеву. Вскрылись нарушения по библиотеке ОИДР. Синодальная контора прислала отношение с требованием вернуть шесть рукописей [15. Кн. 1. С. I–III]. В ОИДР пришел долговой реестр из типографии: к 1 января 1849 г. он составил огромную сумму – 7674 руб. 66 $\frac{3}{4}$ коп. серебром. Комитет, образованный на заседании 18 декабря 1848 г. «для приведения в ясность экономических дел» Общества, долго не мог «окончить своего поручения», поскольку его члены не получали необходимых сведений «от кого следует» [15. Кн. 2. С. I]. Из письма Кубарева от 17 января 1849 г., несмотря на определенную предвзятость, осязаемо предстает картина положения дел в ОИДР: «Неистовый Бодянский привел в такое замешательство Общество своим глупым журналом, что Общество не знает, где найти Геркулеса, чтобы очистить это Авгиево стойло. Но этого мало [...] От него требуют отчета – не дает [...] Требуют книг, которых он набрал несколько десятков на имя Общества в разных общественных местах, – отвечает:

не дам. Требуют оригиналов для продолжения печатания многих начатых пьес – отвечает: возвратил по принадлежности [...] И после всего он ругается над Обществом и думает, что Общество должно его умоливать, чтобы он опять принял на себя продолжение издания трудов его». Через полгода (17 ноября 1849 г.) мало что изменилось: «Не отвечает ничего. И дел не сдает. А секретарь без него не принимает» [14. С. 544, 730].

Непросто было руководить Обществом в тот момент, когда оно скорее походило на растревоженный улей. На Черткова давили многие члены Общества, такие как Кубарев, чтобы он принял жесткие меры по отношению к Бодянскому, чего Чертков не просто избегал, но не допускал. По роду своей деятельности в качестве уездного, а потом и губернского предводителя московского дворянства ему не раз доводилось улаживать семейные и обществу конфликты. Он всегда стремился погасить ссору, отыскивая приемлемые варианты для враждующих сторон. И в ОИДР, когда многие рвались «добить» Бодянского, Чертков упорно сдерживал ретивых, хотя 1848 год вполне позволял ужесточить внутренний режим Общества. 3 декабря 1848 г. Погодин записал: «Обедал у Черткова, с которым тоже мудрено сладить, ибо не растолкуешь» [16. С. 182].

Лишь постепенно ОИДР перестало лихорадить. Смягчалась со временем острота обиды у Строганова и Бодянского. 5 марта 1849 г. Строганов прислал в ОИДР 143 руб. 15 коп. серебром за «Чтения», проданные в его петербургской конторе, и предложил оставшиеся экземпляры журнала «оставить впредь там до распродажи». Общество благодарило графа, приняв его предложение [15. Кн. 3. С. I]. В марте 1850 г. Строганов возвратил четыре ключа от шкафа, стоявшего в зале заседаний Общества, и три ключа от столов с медалями, хранившихся в библиотеке Московского университета. Данные ключи были переданы Черткову на хранение [15. Кн. 9. С. II]. В январе 1851 г. Бодянский через ОИДР послал министру народного просвещения экземпляр «Славянских древностей» Шафарика в своем переводе [17. Кн. 170. Л. 28]. В марте 1855 г. он подарил свою книгу «О времени происхождения славянских письмен» [15. Кн. 25. С. XLVII].

Трудности в возобновлении работы ОИДР были сопряжены не только с громадным долгом типографии, с оскорбленным самолюбием бывшего секретаря, с хаосом в бумагах, но и с тем, что Общество лишилось драгоценного права собственной цензуры. Первая неудавшаяся попытка ее упразднения имела место в 1840 г. [18. С. 9]. Теперь все издания Общества стали подвергаться «рассмотрению общей цензуры на основании существующих правил и был назначен сторонний цензор Московского цензурного комитета В. Флеров» [15. Кн. 1. С. I]. В России в связи с революционными событиями в Западной Европе было учреждено сразу до 20 различных цензур. Д.П. Бутурлин, в свое время предлагавший закрыть университеты, со 2 апреля 1848 г. стал председателем «особого секретного комитета для высшего надзора за исправлением печатанных в России сочинений» и, по свидетельству А.В. Никитенко, «действует так, что становится невозможным что бы то ни было писать и печатать» [19. С. 386]. «Мы вступили воистину в “морювую полосу” мрачного восьмилетия (1848–1855)», – подчеркивал Н.А. Энгельгардт [20. С. 989].

Журнал «Чтения» перестал выходить. Мурзакевич спрашивал Погодина в письме от 23 декабря 1848 г.: «“Чтения” получили конец, который я предвидел. Жалко приостановки полезного издания. Кто теперь их будет продолжать, разумеется, в другом виде?» [13. Карт. 21. Д. 68. Л. 24]. На заседании ОИДР 18 декабря 1848 г. новый секретарь согласно со своими научными занятиями и требованиями времени предложил план для нового издания, получившего название «Временник Общества истории и древностей российских» (ВОИДР). При этом Беляев подчеркивал, что ОИДР постарается не отступать «по возможности от прежнего порядка». Теперь каждый его выпуск должен был состоять из трех отделов: «исследования»,

«исторические материалы», преимущественно по истории внутренней жизни России, законодательства и государственного управления, и третий раздел – «смесь», с мелкими статьями по истории [15. Кн. 1. С. I–II]. В 1854 г. ВОИДР был дополнен новым разделом: указателем статей по русской истории, помещенных в российских газетах и журналах.

Было решено для каждого тома «Временника» восстановить редакционный комитет, куда, помимо секретаря Беляева, избирались Погодин, Шевырев (1-я, 4-я, 5-я кн.), Ф.Л. Морошкин, Н.В. Калачев (2-я кн.), Погодин, М.А. Максимович (6-я кн.), Шевырев, Калачев (7-я кн.), А.С. Хомяков, С.М. Соловьев (9-я кн.), Калачев, А.Н. Попов (11-я кн.), Соловьев, Калачев (12-я кн.) и др.

Первая книжка нового издания не могла не припоздниться с выходом в свет. В начале 1849 г. члены ОИДР (Кубарев, Погодин и др.) разбирались с «наследством» Бодянского, запрашивая у типографии корректуры набранных статей: за них следовало платить, а, кроме того, «писсы», начатые печататься еще до цензуры, предстояло отправить для получения «одобрения и соизволения министра» [13. Карт. 17. Д. 50. Л. 17–18]. На заседании 3 мая 1849 г. было зачитано письмо, в котором Бодянский потребовал вернуть ему 13 статей, напечатанных для «Чтений». За бумагу и печать он собирался платить в два приема, покрыв все расходы к осеннему заседанию ОИДР. Члены ОИДР положительно решили вопрос и препроводили копию типографского реестра для оплаты Бодянскому. По его требованию они обещали пометать те статьи, что были им корреktированы [15. Кн. 4. С. II]. Но в письме от 17 ноября 1849 г. Кубарев вновь возмутился: «И так все то, что было приготовлено в прежнее секретарство, лежит теперь под спудом и долго ли пролежит – Бог весть» [14. С. 730]. Редакционный портфель нового секретаря Беляева поэтому оказался пуст.

В 1849 г. Обществу вновь пришлось вернуться к пересмотру Устава, поскольку Уваров, утверждая Черткова и Беляева в их должностях по ОИДР, предложил заняться «ныне же составлением нового устава, который мог быть представлен на высочайшее утверждение» [15. Кн. 2. С. I]. В 1845 г. по инициативе Бодянского ОИДР уже работало над написанием проекта нового Устава, но тогда он не был принят в Петербурге. Очередной проект Устава, подписанный 5 мая 1851 г. 17-ю членами ОИДР, был препровожден к министру народного просвещения П.А. Ширинскому-Шихматову. Но усилия Общества были потрачены напрасно, поскольку министр не усмотрел «особой надобности в утверждении нового Устава» [15. Кн. 21. С. II; Кн. 24. С. III].

В 1853 г. Общество стало активно готовиться к предстоящему празднованию 50-летия своего создания. На заседании 31 января 1853 г. был составлен особый комитет, в который вошли П.И. Иванов, А.Н. Афанасьев, Погодин и Беляев. Было положено написать историю ОИДР, собрать биографические материалы обо всех членах Общества, живых и умерших, одобрена программа юбилея. Предполагалось выпустить юбилейную бронзовую медаль и книгу «50-летие Императорского общества истории и древностей российских» [15. Кн. 25. С. IV]. Торжества не состоялись из-за непредвиденных осложнений в Крымской войне. Разрешены были только столетние юбилеи, в частности юбилей Московского университета.

Но с 1853 г. в ОИДР стали поступать биографические сведения о действительных и почетных членах ОИДР. В большинстве своем биографии остались лежать в архиве ОИДР: материалы о Кирилле (Богословском-Платонове), архиепископе Каменец-Подольском и Брацлавском, доставленные П.С. Казанским; о К.Ф. Калайдовиче, прочтенные П.А. Бессоновым на заседании 16 декабря 1855 г. На страницах ВОИДР (Кн. 19) появилось только жизнеописание Евгения, митрополита Киевского и Галицкого (Болховитинова), которое составил Филарет, митрополит

Киевский. К статье прилагался портрет, присланный П.И. Кепшеном [15. Кн. 25. С. XII, XV, XXV, LXII]¹.

В связи с Крымской войной члены ОИДР выразили патриотические настроения в тематических докладах и статьях. 31 октября 1853 г. была заслушана статья А.А. Скальковского «“Дунайцы”. Эпизод из турецкой компании 1769–1774 гг.» [15. Кн. 19. С. 9–30]. 22 декабря 1854 г. Погодин читал свое «сочинение о настоящей войне в отношении к русской истории» [15. Кн. 25. С. XLIII]. На страницах «Временника» появилась серия публикаций о победах в русско-турецких войнах прошлого: «Копия с реляции от генерала-фельдмаршала графа фон Миниха из Хотина от 20 августа 1739 г. о разбитии турок и взятии Хотина» [15. Кн. 19. С. 19–36]; «Отрывки из сборника, принадлежащего кн. П.П. Трубецкому. XVIII в.: а) о съезде русских и шведских послов в Нейгаузене в 1678 г.; б) о приходе Турок под Чигирин. О втором турецком приходе под Чигирин. О преславной победе над турками и татарами, бывшей на горе. О возвращении российских войск от Чигирина и о стране и побед над турки и о побеге их; в) о флоте в России» [15. Кн. 20. С. 1–8].

Следует еще раз подчеркнуть, что известный циркуляр Министерства народного просвещения попечителям учебных округов от 1847 г., революционные события 1848 г. в Австрийской империи не могли не сдерживать развитие славистических изысканий в ОИДР. Но Общество, внимательно следя за правительственной политикой в деле публикации источников, как правило, и в своих действиях придерживалось этого магистрального направления. Во избежание цензурных рога-ток в период с 1848 по 1857 г. ОИДР особенно ориентировалось на деятельность императорской Археологической комиссии при Министерстве народного просвещения, которая с 1846 г. приступила к печатанию актов, относившихся «к истории западной России». В 1848 г. вышел том, в который вошли документы с 1544 по 1587 г. В 1851 г. состоялся выпуск четвертого тома, собравший материалы по Смутному времени (1588–1632). Следующий том (1853) содержал акты, раскрывавшие эпоху с 1633 по 1699 г.

Первая книга «Временника» включала некоторые материалы, которые подготовил Бодянский: «Домострой благовещенского попа Сильвестра»; «Грамота польского короля Сигизмунда III к Московскому патриарху Филарету» (1610); «Ответ Московского патриарха Филарета польскому королю Сигизмунду III»; «Конфедерация народа московского в столице по сбежании царя Димитрия в Калугу». При Бодянском была также обработана переписка графа Г.И. Головкина от 1709 г., которая хранилась в архиве Оружейной палаты и была предложена соревнователем И.Е. Забелиным. «Письма Маеора Марка Богдановича фон Кирхена к канцлеру Гаврилу Ивановичу Головкину» (1706) были помещены в первой книге ВОИДР. «Переписка гр. Г.И. Головкина с майором фон Кирхеном во время Шведской войны в 1706 г.» была издана во второй книге [15. Кн. 2. С. 1–12]. Этот эпистолярный памятник был дополнен некоторыми другими источниками по теме: «Сказка Самойла Пунверецкого, канцеляриста войскового 7201 года», «Отписка гетмана Мазепы к Головкину 1702 г.», «Список с листов». [15. Кн. 2. С. 24–32].

Первая книжка «Временника» содержала и другие документы, освещавшие взаимоотношения Московского государства с его западными соседями: «Образчик, как в старину принимали в службу иностранцев (Выписано из записной книги выезжих иноземцев польских и литовских людей 7180 года)» [15. Кн. 1. С. 17–34]. В разделе «Смесь» была опубликована первая часть исследования М.А. Максимова «Книжная старина южнорусская», посвященная истории книгопечатания в Кракове, чешской Праге, Вильне, на Волыне, в Остроге, Луцке и др. [15. Кн. 1. С. 1–12]. Вторая часть вышла в составе четвертой книги. Таким обра-

¹ Здесь упомянуты только имена членов ОИДР, причастных к славистике.

зом, уже первая книга ВОИДР задала в принципе тон последующим славистическим публикациям. 28 марта 1849 г. «Временник» был представлен императору и наследнику [21. Л. 2].

М.А. Максимович, первый ректор Киевского университета, был избран действительным членом ОИДР в 1837 г. Осенью 1849 г. он приехал в Москву, «в которой не бывал 16 лет», и не преминул посетить заседания Общества. 17 декабря 1849 г. Максимович прочитал статью, посвященную памяти М.Ф. Берлинского (1764–1848), одного из первых историков Киева [15. Кн. 7. С. II]. Некролог «Поминка о М.Ф. Берлинском» был помещен в пятой книге «Временника». Как уже упоминалось, Максимович был избран в редакционный комитет для шестой книги. Но его участие не привело к появлению в ней славянских материалов. Хотя к ним с определенными оговорками можно отнести исследование профессора Московской духовной академии С.К. Смирнова «О посольстве Ильи Даниловича Милославского и дьяка Леонтия Лазоревского в Турцию в 1643 г.». Статья затем была подкреплена архивными материалами, напечатанными в следующих книгах ВОИДР: «Статейный список о посольстве Ильи Даниловича Милославского и дьяка Леонтия Лазоревского в Царьград в 7150» и «Наказ, данный стольнику Илье Даниловичу Милославскому и дьяку Леонтию Лазоревскому при отправлении послами в Царьград» [15. Кн. 8–9].

На заседании Общества 19 мая 1850 г. Максимович читал свою статью «О первом издании “Дидаскалии” Сильвестра Коссова» и представил «верный снимок с заглавного листа первопечатной “Дидаскалии”». Материалы увидели свет в седьмой книге ВОИДР [15. Кн. 11. С. III; Кн. 7. С. 77–78]. Летом 1850 г. Максимович вместе с Н.В. Гоголем отправился в свое имение Михайлова Гора в Полтавской губернии [22. С. 122]. Таким образом, во время пребывания в Москве малороссийский гость плодотворно и разнообразно трудился в ОИДР. К сожалению, факт приезда Максимовича в Москву и его деятельность в ОИДР ускользнули от внимания украинской исследовательницы Тодийчук [11. С. 118].

В 1848 г. в связи с «Флетчеровской историей» на кафедру истории и литературы славянских наречий в Московском университете был переведен из Казани В.И. Григорович, который поспешил заверить Бодянского, что на его место не претендует и тотчас же вернется из Москвы в Казань, и обещание свое сдержал. В Москву Григорович привез рукописи, которые снял во время заграничного путешествия. И две из них он согласился опубликовать во «Временнике»: «Южнославянские памятники XV столетия: Два письма Стефана Воеводы Молдовлахийского и Дорофея, архиепископа первой Иустинианы, т.е. Охридского. (Из рукописей монастыря Иоанна Рильского)» [15. Кн. 5. С. 34–36].

На заседании 18 марта 1850 г. было прочтено сочинение кандидата Московского университета А.Н. Афанасьева «Языческие верования древних славян о создании мира». По предложению Беляева автор был избран в соревнователи Общества, а в 1851 г. – в действительные члены. Работа Афанасьева «Языческие предания об острове Буяне» была сразу опубликована [15. Кн. 9]. Мифологией славян занимался и барон Д.О. Шеппинг, которого выбрали в действительные члены ОИДР на заседании 20 декабря 1850 г., когда было прослушано его исследование «Опыт о значении рода и рожаниц по поводу новооткрытого текста св. Григория». В январе 1852 г. от Шеппинга поступила статья «Световит, Свантовит, Святовит» [15. Кн. 13. С. II; Кн. 23. С. IV]. Обе его работы увидели свет на страницах ВОИДР [15. Кн. 9, 13].

В эти годы с ОИДР активно сотрудничал А.П. Перлштейн, учитель Луцкого дворянского училища, редактор (1854–1857) «части неофициальной» «Волынских губернских ведомостей». В первый раз, в 1847 г., он прислал в Общество свою статью «Описание города Острога», которая была опубликована в ЧОИДР. В 1850 г. от него была получена очередная работа, состоявшая из двух частей «Го-

род Луцк и его древности», «Луцк и его братство». Она была направлена в редакционный комитет и по рассмотрении была напечатана [15. Кн. 9]. На заседании 19 мая 1850 г. автор был избран в соревнователи Общества [15. Кн. 11. С. III]. Через год Перлштейн представил «списки с древнейших привилегий Литовско-Волыньским караймам, извлеченные из актов Луцкого замка», которые напечатали только в 16-й книге ВОИДР в переводе с польского А.С. Клеванова [15. Кн. 22. С. II; Кн. 16]. Статья Перлштейна «Несколько слов о княжестве Острожском» и сообщение «Гаи», о которых рассуждали на заседании 30 января 1852 г., были одобрены к публикации в 14-й книге ВОИДР. В 1853 г. Перлштейн прислал в ОИДР рукопись, содержащую дневник польского дипломата, очевидца свидания императора Петра Великого с польским королем Августом II в Биржах 1701 г. Материалы были столь интересны, что их даже не стали передавать на рассмотрение в редакционный комитет [15. Кн. 25. С. IV; Кн. 17. С. 10–17]. На заседании 29 сентября 1856 г. было прочитано «Описание Полтавской битвы», написанное очевидцем Петром Болесте, служившего в канцелярии гетмана Сенявского. Ценность рукописи, присланной Перлштейном, была очевидна [15. Кн. 25. С. LXXVI], но во «Временнике» ее не успели опубликовать.

Несомненной заслугой Общества является издание трех Литовских статуты 1529, 1566 и 1588 г. – сводов законов феодального права, действовавшего на территории Великого княжества Литовского. Первый и второй Литовские статуты распространялись только в рукописях. Третий Литовский статут после утверждения на коронационном сейме в 1588 г. был отпечатан в типографии братьев Мамоничей в Вильне. История публикации этих уникальных источников по истории законодательства и культуры литовского, украинского и белорусского народов во «Временнике» заслуживает внимания, поскольку раскрывает многие обстоятельства деятельности ОИДР в тот период, прежде всего, зависимость Общества как от научных интересов своих членов, так и от волеизъявления власти.

Внимание ОИДР на Литовские статуты обратил сенатор А.В. Семенов, участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии, член «Священной артиели» и Коренного совета Союза благоденствия. В 1840-е годы он служил губернатором в Вильне и Минске. В 1850 г. был назначен сенатором в Москве. Семенов представил в ОИДР свое исследование «О сходстве древних узаконений Восточной и Западной Руси» и «Список с Виленской рукописи, содержащей старый Литовский статут 1529 г. для напечатания во “Временнике”». Сочинение Семенова по прочтении на заседании 26 мая 1853 г. было определено к публикации, а автор был избран в действительные члены ОИДР [15. Кн. 25. С. VIII–IX]. За позволением опубликовать эти материалы Великого княжества Литовского председатель ОИДР Чертков обратился в Петербург. Граф Блудов, главноуправляющий Вторым кодификационным отделением императорской канцелярии, доложил о намерениях Общества Николаю I, который дозволил «издание в виде исторического памятника текстов как кодекса 1529 г., так и кодексов 1588 г. Статута Литовского». Император также одобрил мысль Блудова «предложить Обществу поместить в сие издание и текст второго кодекса Статута 1566 г., дабы таким образом сохранить три подлинных русских текста сего статута». На заседании 26 сентября 1853 г. было принято решение «в ожидании оригинала для печатания Литовского статута 1566 г. и замечаний от графа Блудова приступить к печатанию Статута Литовского 1529 г.» [15. Кн. 25. С. XI]. Его без отлагательства вложили в готовящуюся 18-ю книгу «Временника».

«Статут Великого княжества Литовского 1588 г. на древнем западнорусском языке» был воспроизведен в 19-й книге ВОИДР по экземпляру, который имелся в библиотеке Общества. Публикация была снабжена предисловием, снимком с главного листа статута, портретом Сигизмунда III и снимком с герба Льва Сапеги. Работа Общества по публикации двух Литовских статуты в 1854 г. сразу была

высоко оценена в Петербурге: ОИДР было удостоено Высочайшего благоволения «как отличившееся наиболее в настоящее время своими полезными трудами», а именно, изданием «замечательных учено-литературных произведений, выданных в свет с января по октябрь» 1854 г. [15. Кн. 25. С. XXXVIII].

Особые трудности у Общества возникли с приобретением текста второго Литовского статута. В феврале 1854 г. Блудов известил о том, что одна рукопись хранилась в Румянцевском музее, а вторая – у графа Ходкевича в его имении Млынов в Волынской губернии. Чертков обратился в Румянцевский музей и к графу Ходкевичу с просьбой прислать в Москву рукописи [15. Кн. 25. С. XXIII]. Однако правила библиотеки Румянцевского музея не позволяли выслать требуемую рукопись. На заседании 29 сентября 1854 г. было определено поручить действительному члену ОИДР К.О. Малковскому и соревнователю Г.Н. Геннади «распорядиться составлением верного списка Литовского статута 1566 г. в Санкт-Петербурге на счет Общества» [15. Кн. 25. С. XXXIII]. Малковский выяснил, что в нарушение всех правил рукопись из Румянцевской библиотеки была выдана. Он предложил воспользоваться посредничеством известного нумизмата Я.Я. Рейхеля, чтобы заполучить искомую рукопись у графа Ходкевича [15. Кн. 25. С. XXVI–XXVII]. В конечном итоге, список для ОИДР был сделан с рукописи из Румянцевского музея «чиновником Археографической комиссии Тимофеевым, хорошо знакомым со старинным западнорусским наречием». «Статут Великого княжества Литовского 1566 г.» появился в 23-й книге ВОИДР, куда были включены и «Поправы Статутовые 1578 г.». Рукопись «Поправ Статутовых и артыкулов справ судовых», писанную полууставом в 1643 г., доставил в ОИДР кн. М.А. Оболенский [15. Кн. 23. С. 1]. Завершил эту публикацию кодификационных актов во «Временнике» (Кн. 25) «Трибунал обывателям Великого княжества Литовского, на сонме Варшавском даны року 1581».

В 22-й книге ВОИДР была помещена статья «Краткое обозрение судоустройства и судопроизводства в России», посвященная изучению истории суда в России и «в Литовской Руси», генерал-адъютанта С.П. Шипова, служившего в 1837–1840 гг. главным директором, председательствующим в правительственной комиссии внутренних и духовных дел и народного просвещения царства Польского. В молодости он был членом Союза спасения и Коренного совета Союза благоденствия, как и А.В. Семенов, а с 1846 г. заседал в Сенате, в Москве. Шипов был увлечен идеей литературного соединения всех славянских народов. Вероятно, не случайно, что к истории законодательства обратились люди, принадлежавшие к одному поколению – «старших декабристов».

Периоду Смуты в России и взаимоотношениям с западными соседями была посвящена серия публикаций исторических материалов, которые доставляли в ОИДР многие его члены. В 16-й книге ВОИДР были помещены два варианта одного и того же сказания о самозванцах – «Иное сказание о самозванцах. Из рукописи первой половины XVII в.» и «То же сказание, помещенное в Хронографе второй половины XVII в., находится в библиотеке Ундольского» [15. Кн. 16. С. 1–146]. Соревнователь А.А. Чумиков, преподаватель Николаевского сиротского института в Петербурге, имел возможность работать в шведских архивах и библиотеках, и о своих поисках и находках он прочитал записку на заседании ОИДР 30 марта 1856 г. [15. Кн. 25. С. LXVII]. Но до этого он несколько раз присылал списки, снятые с подлинников, хранившихся в фамильном архиве графа Браге в имении Скуклостере, близ Упсалы. Эти акты были написаны на польском языке, и Чумиков их переводил. Во «Временнике» были воспроизведены «Окружная грамота царя Лжедмитрия», «Посольство гг. послов великих», «Три грамоты Лжедмитрия к королю Польскому Сигизмунду», «Донесение Г. Хвалибога о ложной смерти Лжедмитрия I», «Три челобитные Лжедмитрию» [15. Кн. 19, 23]. Список с документа «Рассуждение, следует ли начинать войну с Москвою

(после убийства первого самозванца)» не был издан [15. Кн. 25. С. XLV]. Так, по неизвестным точно причинам не были опубликованы некоторые документы, отправленные на рассмотрение в редакционный комитет: сведения, представленные Добротворским о книге Василия Великого, которая была подарена Константином Василием, князем Острожским, Димитрию Самозванцу, когда он его принимал в 1602 г. [15. Кн. 25. С. VIII].

28 мая 1855 г. Беляев прочитал в переводе с польского «Записную книгу Яна Цедровского» (1617–1682), в которой автор рассказывал, как он «служил Минскому воеводству и милому отечеству». Рукопись была найдена ксендзом И. Малышевичем, магистром богословия, соревнователем ОИДР, проживавшем в местечке Верховицы Брестского уезда. Она была опубликована в 23-й книге ВОИДР [15. Кн. 25. С. LI; Кн. 23]. В 25-й книге «Временника» Беляев поместил найденные им «Жалованные грамоты царя Алексея Михайловича за Литовский поход и другие службы».

Отдал дань теме русско-литовских отношений и председатель ОИДР Чертков. Он отыскивал в своем собрании «Грамоту великого князя Витовта 1390 г.» [15. Кн. 3]. Однако в эти годы Чертков был поглощен разработкой гипотезы о прародине славян, доклад о которой он читал еще на заседании в 1842 г. «О жительстве предков словен до Р.Х. в Задунайских странах» [18. С. 4]. В пяти книгах ВОИДР были напечатаны исследования ученого, посвященные проблемам славянского этногенеза: «О переселении Фракийских племен за Дунай и далее на Север, к Балтийскому морю и к нам на Русь», «Фракийские племена, жившие в Малой Азии», «Пелазго-фракийские племена, населившие Италию, и оттуда перешедшие в Ретию, Венадакию и далее на север до реки Майна», «О языке пелазгов, населивших Италию и сравнение его с древнесловенским», «Продолжение опыта пелазгийского словаря» [15. Кн. 10, 13, 16, 23, 25].

На заседании 27 января 1851 г. после того как С.П. Шевырев прочитал свои замечания о критическом разборе свидетельств Патерика о Несторе, было прослушано филологическое исследование Ф.И. Буслаева «об именах некоторых поморских славянских народов», которое представлено в 10-й книге ВОИДР под заглавием «Значение собственных имен: лютичи, вильцы и волчки в истории языка» [15. Кн. 14. С. II; Кн. 10. С. 11–17]. 5 июня 1854 г. секретарем Общества было прочтено исследование профессора Московской духовной академии И.В. Беляева «О скоморохах», в котором автор обращался к чешскому и белорусскому фольклору. Статья «по единогласному одобрению» была определена к печати, а Беляев был избран в действительные члены [15. Кн. 25. С. XXXI].

Весьма «славянской» получилась 21-я книга «Временника». В статье «О некоторых годах Несторовой летописи» Д.Н. Дубенский отметил, что «мартовское счисление перешло к нам от болгар». Затем следовало исследование С.Н. Палаузова, препровожденное в ОИДР через Шевырева, «Синодик царя Бориса по рукописи XIV в.». Сочинение С.М. Соловьева «Два хронологических вопроса из XVI в.» было посвящено победе Великого княжества Московского над объединенной армией Великого княжества Литовского и королевства Польского под командованием великого гетмана литовского Константина Острожского на реке Ведроше в 1500 г. Раздел «Материалы» заполнили «Болгарские песни из сборника Ю.И. Венелина, Н.Д. Катранова и других болгар». Собрание болгарских народных песен с объяснением и исследованием представил через секретаря ОИДР кандидат Московского университета П.А. Бессонов. На заседании 30 апреля 1854 г. исследование было прочтено, а автор был избран в соревнователи Общества [15. Кн. 25. С. XXIX]. Первый раздел собрания – «Песни юнацкие» – предвзяло исследование Бессонова, состоявшее из следующих частей: «Введение», «Главные вопросы языка новоболгарского, усложняющие собственно правописание» и «Эпос сербский и болгарский во взаимных отношениях, историческом и

топографическом». Завершал 21-й выпуск ВОИДР «Указатель статей и материалов по истории словесности, статистики и этнографии, помещенных в «Москвитянина» за 1841–1853 гг.», составленный П.И. Бартеневым. В данном «Указателе» к 202 книжкам «Москвитянина» статьи, относившиеся «до славянских народов», были выделены в особый раздел.

Экземпляр 21-й книги «Временника» был послан министру народного просвещения «на имя Его императорского Высочества государя наследника цесаревича». Однако А.С. Норов не нашел «возможным представить его по назначению». В отношении из канцелярии министра, которое было заслушано на заседании 29 сентября 1855 г., отсутствовало объяснение причин такой немилости к номеру журнала, насыщенному славянской тематикой. Обществу ничего не оставалось делать, как только предоставить своему председателю «просить у министра народного просвещения разрешения о том, что можно ли на будущее время по прежним примерам посылать экземпляры на имя Его императорского Высочества государя наследника цесаревича» [15. Кн. 25. С. LIV].

Вполне «славянский» характер имела и следующая 22-я книга «Временника». В ней было опубликовано, как уже отмечалось, исследование С.П. Шипова. В «Материалы» вошел второй выпуск «Сборника болгарских песен», который был снабжен «общим указателем к сим песням с объяснением встречающихся в них непонятных слов». Эта вторая часть болгарских песен была представлена Бессоновым в рукописи на заседание ОИДР через год, 28 мая 1855 г. В разделе «Смесь» помещена статья «Процесс по делу об учреждении типографии при Киевской митрополии», присланная в ОИДР бакалавром Санкт-Петербургской духовной академии И.Н. Чистовичем [15. Кн. 25. С. XXXI].

Многие статьи и материалы, поступившие в ОИДР, не вошли во «Временник», хотя были рассмотрены на заседаниях и рекомендованы к печати. Это извлечения из «Галицких дозорных книг 1609–1619 г.», которые скопировал соревнователь В.А. Борисов из Шуи, «Сказание об избавлении града Устюжны Железнопольской от поляков в 1609 г.», статья профессора Нижегородской семинарии иеромонаха Макария «Фотий митрополит Киева», очерк жизни Константинопольского патриарха Фотия, написанный профессором Харьковского университета А.П. Зерным [15. Кн. 10. С. II; Кн. 13. С. II; Кн. 25. С. LV, LXIII].

В 1855 г. ректор Киевской духовной академии архимандрит Антоний прислал для ВОИДР статью «Св. Довмонт, князь Псковский». В следующем году он предложил Обществу издать книгу архимандрита Киево-Печерской лавры Захария Копыстенского «Палинодия» (1621–1622). ОИДР было согласно на немедленное напечатание, но «для большего удобства и скорости» в свою очередь просило архимандрита Антония, чтобы он «послал рукопись, прорецензированную уже в Киевской духовной цензуре» [15. Кн. 25. С. XLVI, LXIII]. Указанные материалы не успели напечатать во «Временнике». Такая же участь постигла и список, сделанный П.С. Савельевым с тетради, «а в ней писаны рубежи городу Полоцку и Полоцкому повету 7071 г.» [15. Кн. 25. С. LXXIII]. 30 ноября 1854 г. Погодиным был представлен каталог славянских рукописей, находившихся в библиотеке профессора Ф.Г. Баузе. Он был обнаружен в бумагах Калайдовича [15. Кн. 25. С. XXXIX].

30 марта 1856 г. Бессонов подал письменное предложение об избрании в действительные члены магистра Московского университета А.Ф. Гильфердинга, представив четыре его книги, рукопись «Неизданное свидетельство современника о Владимире Святом и Болеславе Храбром», а также десять латинских грамот, «относящихся к истории сербов при доме Неманей, списанные в Венском архиве, и объяснением, сделанным им приложением». Бессонов, указывая на значимость грамот, подчеркивал, что они «весьма важны для истории всех славян и даже русского просвещения» [17. Кн. 13. Л. 231–231об.]. Гильфердинг был избран в дей-

ствительные члены [15. Кн. 25. С. LXXI], но грамоты и его объяснение к ним не успели издать во «Временнике».

Произведенная выборка материалов вполне доказывает, что славянская проблематика не исчезла ни со страниц «Временника», ни из обсуждений на заседаниях Общества. Продолжали разрабатываться славянские древности. Много внимания уделялось освещению отношений Московского государства с Великим княжеством Литовским и с Речью Посполитой, что отвечало поставленной властью задаче полнее изучить эту тему в противовес изысканиям польских историков. Без сомнения, в эти годы редко затрагивалась чешская история и литература, но ярче звучала южнославянская нота. На место членов ОИДР, прежде занимавшихся славистикой, но в этот период отошедших от нее (И.М. Снегирев, А.Ф. Вельтман и др.), пришли ученые из поколения, получившего профессиональную славистическую подготовку: Буслаев, Бессонов, Гильфердинг и др.

Несколько слов следует сказать о периодичности издания «Временника», которая, по мнению многих историков, была утрачена в связи с уходом Бодянского с должности секретаря. Как уже отмечалось, долг ОИДР типографии Московского университета на 1 января 1849 г. достиг 7674 руб. 66 $\frac{3}{4}$ коп. серебром. Было определено каждый год уплачивать типографии по 700 руб. из ежегодной государственной субсидии в 1428 руб. 50 коп. Задолженность была погашена в течение семи лет, что не могло не отразиться на издательских возможностях Общества. К тому же Беляев начал печатать четвертый том «Повествования о России» Н.С. Арцыбашева, но успел отпечатать только восемь книг. Один лишь взгляд на общую стоимость изданий в типографии Московского университета по годам показывает, что ОИДР не могло себе позволить более четырех книг в год: в 1849 г. за них заплачено 457 руб. 37 коп., в 1850 г. – 480 руб. 25 коп., в 1852 г. – 592 руб. 22 коп. В 1851 г., 1854 г., 1855 г. выходило по три книги в год, что обуславливалось, похоже, в первую очередь, стесненностью в средствах. К сожалению, денежная сумма, отданная за 10, 17 и 18-ю книги ВОИДР, в протоколах не была указана. Но общая стоимость 9-й и 11-й книги (1851) уже составляла 485 руб. 21 коп., стоимость 19-й и 20-й книг (1854) – 592 руб. 22 коп.; в 1855 г. три книги обошлись в 846 руб. 83 коп. За бумагу, набор, переплет платили отдельно. В 1853 г. Беляев издал только две книги, и было проведено всего пять заседаний, поскольку в тот год он тяжело болел. Кроме того, усилия и внимание Общества были направлены на подготовку к юбилею ОИДР. В 1857 г. вышел один номер «Временника» и последний, что объясняется переменами в руководстве ОИДР.

29 марта 1857 г. под председательством А.Ф. Вельтмана было созвано чрезвычайное заседание Общества, на которое съехалось 19 действительных членов ОИДР. Оно явилось прямым следствием драки, возникшей на заседании Московского художественного общества 14 января, которая привела к отставке Черткова. Чертков подал и в ОИДР прошение, в котором просил сложить с него обязанности члена Общества «в связи с отъездом за границу». Благодаря Бодянскому председателем ОИДР опять был избран Строганов, который принял эту должность при условии, что Бодянский будет вновь секретарем. На заседании 8 июня 1857 г. Строганов предложил вернуться к прежнему изданию ОИДР, к «Чтениям», и Общество избрало Бодянского его редактором. Таким образом, Беляев, практически лишенный возможности исполнять должность секретаря и редактора, смог выпустить в 1857 г. только одну книгу «Временника».

Приспосабливаясь к требованиям цензуры, «Временник» приобрел историко-юридическое направление, публикуя в основном юридические памятники, к которым цензорам было сложно придираться. «Временник», отмечал В.И. Пичета, выходил практически без препятствий [23. С. 49]. Об этом издании ОИДР лестно отзывались современники. А.Н. Попов писал: «Богатство заключавшихся во “Временнике” исторических памятников нисколько не уступает “Чтениям”» [24.

Стб. 267]. Высокую оценку «Временника» дал Н.Г. Чернышевский, который также ничем его не отличал от «Чтений»: «Трудно и перечислить, сколько важных исследований по русской истории, сколько драгоценных материалов для нее напечатано в “Чтениях” и “Временнике”. Повторяем, нет человека, занимающегося русской историей, который бы не чувствовал уважения и благодарности к Московскому Обществу истории и древностей» [25. С. 318–319]. Прислушаемся к мнению И.Е. Забелина: «Случайное обстоятельство – перевод и издание Флетчера – прервало достославный ход “Чтений”, но прервало уже не ослаблением и застою деятельности, а только иным ее направлением. “Временник” прерывает почти на 10 лет “Чтения” весьма почтенным стремлением выяснить историю так называемого Московского государства и с этой целью предлагает в обширном раз- мере архивный материал по преимуществу историко-юридического содержания» [26. С. 7].

В эти годы ОИДР продолжало поддерживать научные контакты с различными светскими и духовными учебными и научными учреждениями, в том числе с Харьковским университетом, Киевской духовной академией, Черниговской духовной семинарией, Одесским обществом истории и древностей. В 1854 г. Общество установило связи с губернскими правлениями, которые издавали «Губернские ведомости», и стало получать «неофициальную часть», где печатались «разные статьи и новые материалы до русской истории, относящиеся, как вообще, так и по местностям», из Полтавской, Волынской, Черниговской, Киевской губерний. Библиотека ОИДР продолжала пополняться книгами по славянской тематике. Их дарили: профессор Харьковского университета А.А. Метлинский, епископ Харьковский Филарет, Д.О. Шеппинг, А.С. Клеванов, ксендз И. Малышевич, непременный член Виленского статистического комитета А.К. Киркор, К.С. Аксаков, протоирей Страдовский, Е.И. Классен, Н.Н. Мурзакевич, Ф.Н. Глинка, М.О. Судьенко, С.Н. Палаузов и др.

Став попечителем Варшавского учебного округа, действительный член ОИДР П.А. Муханов стремился укрепить контакты польских ученых с московским Обществом истории и древностей российских. В 1852 г. он предложил избрать в члены ОИДР четырех варшавских ученых: А. Пржездзецкого, барона Эд. Раствова, Фр. Собещанского и И. Поплонского. В ОИДР были доставлены сочинения упомянутых историков. Однако Общество согласно своему уставу не могло иметь действительных членов «сверх комплекта», а вакантных мест не было, и поэтому польских ученых «во уважении их ученых трудов» избрали в соревнователи Общества [15. Кн. 24. С. IV]. Научные контакты ОИДР с польскими коллегами осуществлялись через Муханова и в дальнейшем. В 1856 г. он прислал в ОИДР сборник документов по истории средневековой Польши, изданный А. Пржездзецким и Э. Раствова. Муханов неоднократно пересылал в Общество труды известного польского историка В.А. Мацеёвского. ОИДР регулярно снабжало своими изданиями и польского издателя исторических памятников К.В. Войцицкого в Варшаве [17. Кн. 182. Л. 5об.]. Через Муханова в 1856 г. издания Общества были пересланы в Вену, протоиерею Михаилу Раевскому, состоявшему при российской миссии, «для употребления пребывающих в Австрии русских» [15. Кн. 25. С. LXXII].

Широкий книгообмен ОИДР с учеными, любителями истории, организациями, находившимися в пределах Российской империи, не встречал никаких затруднений со стороны властей, не требовал таможенного досмотра, дополнительной цензурной проверки. Совсем иначе дело обстояло при поддержании научных связей с зарубежными корреспондентами.

Мятежный 1848 г. отозвался в России запретом научных контактов с зарубежными славянскими коллегам, о чем члены ОИДР, по свидетельству Н.Н. Мурзакевича, подписывали специальное обязательство [27. С. 232]. С 1850-х годов общение ученых потеряло тот интенсивный характер, который наблюдался в 30–

40-е годы XIX в., оттого еще, что русские слависты, по справедливому замечанию В.А. Францева, все меньше и меньше нуждались «в руководительстве и указаниях своих бывших учителей, а зачастую становились выше их в разработке отдельных вопросов». [28. С. 384–385].

Однако необходимо подчеркнуть, что связи ОИДР с зарубежными учеными-славистами не прервались. Как следует из документов ОИДР, его издания продолжали высылаться иностранным членам ОИДР: в декабре 1848 г. годовой выпуск «Чтений» – П.И. Шафарику (через В.А. Поленова в Петербурге), в марте 1849 г. первый номер ВОИДР – П.И. Шафарику и Д.И. Зубрицкому [17. Кн. 169. Л. 88об.; Кн. 170. Л. 3об.]. Но похоже, что до Шафарика эти книги из Москвы вовремя не дошли, поскольку в 1850 г. он написал Боянскому, что с начала 1848 г. ничего не получал из русской литературы [10. С. 142]. После смерти Николая I, в связи с окончанием Крымской войны и со смягчением внутреннего режима славянские связи заметно оживились. В 1856 г. были отправлены 23 книги «Временника» чешскому историку В. Ганке. Секретарь Беляев дипломатично оговаривал, что «до сего времени не находились средства к этому» [29. С. 168].

Из зарубежных членов ОИДР, пожалуй, только один Д.И. Зубрицкий по выходе своих книг из печати непременно посылал их в Москву. Но ОИДР получало его труды с огромной задержкой. Так, на заседании 26 сентября 1853 г. Беляев сообщил, что сложно ответить на запрос из Львова о получении посылки с книгами и рукописями, поскольку Московская таможня направила их в Комитет иностранной цензуры. Почти через год, к 5 июня 1854 г., из Цензурного комитета были выданы две части «Истории древнего Галицкого княжества». Третий том пришел в ОИДР в апреле 1855 г. [15. Кн. 25. С. XII, XXX, L].

Об Обществе истории и древностей российских знали в далекой Черногории, откуда в 1855 г. писатель, историк Милорад Медакович прислал свое сочинение под названием «Повестница Црногоре од најстаријег времена до 1830» [15. Кн. 25. С. LVI].

В то же время с 1850-х годов начинает доминировать новая форма сотрудничества ОИДР с зарубежными славистами: наряду с научными контактами с отдельными учеными постепенно утверждаются связи с зарубежными научными обществами и организациями.

ОИДР продолжало поддерживать книгообмен с Сербским ученым обществом в Белграде. В 1851 г. оно прислало в Москву пять книг. Пути доставки сербских изданий в ОИДР были весьма разнообразны. Так, в 1852 г. журнал «Гласник» прибыл из Одесского цензурного комитета. В 1856 г. шесть книг «Гласника» поступили из Департамента министерства народного просвещения [15. Кн. 14. С. II; Кн. 23. С. IV; Кн. 25. С. LXXII].

В 1851 г. у ОИДР установились связи с Матицей хорватской в Загребе, которая, в частности, просила прислать представителя ОИДР на Славянский съезд в Белград или Варшаву для решения «вопроса, какое из славянских наречий следует признать общим литературным славянским языком». Черткову было поручено «снестись по сему предмету с попечителем Московского учебного округа В.И. Назимовым» [15. Кн. 22. С. III].

В 1850 г. было образовано Общество истории и древностей югославянских в Загребе, которое в 1851 г., «желая быть в сношениях» с ОИДР, выслало первый том «*Arhiv za povèstnicu jugoslavensku*» («Архив по истории югославянской»), «обещая и впредь присылать свои труды». Книгу направили в библиотеку и постановили благодарить «Югословенское дружество истории и древностей и препроводить в оное издания Общества». В марте 1856 г. из Загреба прибыли новые два тома «Архива» [15. Кн. 22. С. III; Кн. 25. С. LXIII].

Однако решения Общества об отправке своих изданий к зарубежным славянским обществам встречали затруднения в немедленном исполнении. Записка Бе-

лева от 24 августа 1852 г. актуариусу (делопроизводителю) ОИДР И.А. Дмитриеву наглядно раскрывает, сколь непростое это было дело: необходимо было срочно, на следующий день, доставить «в контору “Москвитянина” 2 экземпляра “Временника” всех книжек, которые вышли». Беляев уточнял: «Есть случай отправить их в Югословенское общество в Загребе и в Сербское общество в Белград, куда давно нашим Обществом определено передать по экземпляру “Временника”, но куда до сей поры мы не имели случая отправить» [17. Кн. 52. Д. 7. Л. 4].

В эти годы у Общества восстановился книгообмен с Чешским народным музеем. В 1852 г. из Праги в Москву были доставлены семь книг на немецком языке [15. Кн. 23. С. III].

30 апреля 1856 г. магистр Московского университета А.Ф. Гильфердинг через Бессонова представил отношение Верхнелужицкого общества наук в Герлице, в котором «Общество сие изъявляет желание вступить в сношение» с ОИДР, «и, прося о присылке книг, издаваемым Московским обществом, со своей стороны препровождает следующие книги: 6 книг под названием “Scriptores rerum Lusatarum”, 21 книгу своих “Neues Lausitzches Magazin”». В письме в ОИДР от 18 апреля 1856 г. Гильфердинг подчеркнул, что секретарь Верхнелужицкого общества д-р Нейман лично ему выразил «желание вступить в сношения» с ОИДР [17. Кн. 13. Л. 229]. ОИДР постановило «благодарить за присланные книги и при отношении препроводить в оное книги, изданные ОИДР, и вперед высылать в оное книги, издаваемые обществом» [15. Кн. 25. С. LXX].

Гильфердинг также привез в Москву первый том «Regesta Bohemiae et Moravia» («Документы Богемии и Моравии»), который передал для Общества автор – известный чешский ученый, хранитель городского архива в Праге К.Я. Эрбен. На заседании 30 апреля 1856 г. Эрбен был избран в почетные члены ОИДР, и ему был отправлен диплом [15. Кн. 25. С. LXXI].

Таким образом, в период 1848–1857 гг. Общество, справившись с неподвижными трудностями, успешно продолжило свою работу, несмотря на «темную восьмилетнюю ночь», которая многих повергла в бездействие. Заседания Общества не прекратились, они созывались регулярно, по шесть-семь раз в год. Славянская тема в ОИДР, развиваясь, обрела новые горизонты. Общество переходило от контактов с отдельными зарубежными учеными к установлению отношений с научными обществами и организациями. Рассматриваемый период в деятельности ОИДР достойно заканчивал эпоху становления славяноведения в России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ишутин В.В.* Славянская проблематика в научных заседаниях Общества истории и древностей российских при Московском университете в первой половине XIX в. // *Историографические исследования по славяноведению и балканистике.* М., 1984.
2. *Ишутин В.В.* Славянская проблематика, история и культура южных славян в изданиях ОИДР за 1815–1848 гг. // *Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы.* М., 1986.
3. *Латтева Л.П.* Славяноведение в Московском университете в XIX – начале XX века. М., 1997.
4. *Боярченков В.В.* С.Г. Строганов, С.С. Уваров и “история Флетчера” 1848 г. // *Российская история.* 2009. № 5.
5. *Фролова М.М.* О.М. Бодянский и Императорское общество истории и древностей российских (1842–1857) // О.М. Бодянский и проблемы истории славяноведения (К 200-летию со дня рождения ученого). М., 2009.
6. *Кондрашов Н.А.* Осип Максимович Бодянский. М., 1956.
7. *Алексаикина Л.Н.* О.М. Бодянский. Из истории возникновения славяноведения в России // *Проблемы всеобщей истории.* М., 1973.
8. *Аристова Л.Ю.* Роль О.М. Бодянского в издании «Чтений в Обществе истории и древностей российских» // *Славяноведение в России в XIX–XXI веках.* М., 2007.
9. *Боярченков В.В.* «Секретарь антикварного сословия»: О.М. Бодянский в Обществе истории и древностей российских. К 200-летию со дня рождения ученого-слависта // *Славяноведение.* 2009. № 2.

10. Korespondence Pavla Josefa Šafaríka. Praha, 1927. Vsaajemné dopisy Šafaríka s ruskými učenci (1825–1861). Čast 1.
11. *Тодийчук О.В.* Украина XVI–XVIII вв. в трудах Общества истории и древностей российских. Киев, 1989.
12. Материалы для истории ОИДР. Переписка гг. действительных членов Общества. Письма Н.Н. Мурзакевича к О.М. Бодянскому (1838–1866) // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1887. Кн. 1.
13. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 231. Разд. II.
14. *Барсуков Н.П.* Русские палеологи 40-х годов // Древняя и новая Россия. 1880. Т. 16.
15. Временник Общества истории и древностей российских (1849–1857).
16. *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., Т. 10.
17. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 203.
18. Русский исторический сборник. 1843. Т. VI. Кн. 4.
19. *Никитенко А.В.* Дневник А.В. Никитенко. 1847–1849 гг. // Русская старина. 1890. Т. 65. № 2.
20. *Энгельгардт Н.А.* Очерки Николаевской цензуры // Исторический вестник. 1901. Т. 86. № 12.
21. Российский государственный исторический архив. Ф. 735. Оп. 2. Д. 729.
22. *Титов А.А.* Биографический очерк М.А. Максимовича // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1887. Кн. 1.
23. *Пичета В.* К 100-летию Императорского общества истории и древностей российских // Летопись Екатеринославской ученой архивной комиссии. Екатеринослав, 1904. Вып. 1.
24. *Попов А.* Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1858. январь–март. М., 1858. // Известия Императорского археологического общества. СПб., 1859. Вып. I.
25. *Чернышевский Н.Г.* Временник ОИДР. Книги 16, 17, 18, 19. М., 1853–1854. // Полн. собр. соч. М., 1949. Т. 2.
26. *Забелин И.Е.* 80-летие императорского Общества истории и древностей российских // Журнал министерства народного просвещения. 1884. Ч. 233. № 5. Отд. 4.
27. *Мурзакевич Н.Н.* Записки // Русская старина. 1889. Т. 61. № 2.
28. *Францев В.А.* Очерки по истории чешского возрождения. Русско-чешские связи конца XVIII и первой половины XIX ст. Варшава, 1902.
29. Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. Варшава, 1905.

© 2012 г. Б.Н. МОРОЗОВ

ЦАРЬ ВАСИЛИЙ ШУЙСКИЙ ПЕРЕД ПОЛЬСКИМ КОРОЛЕМ
(НОВЫЙ ПАМЯТНИК «ТУРЕЦКОЙ ТЕМЫ»
С ЛЕГЕНДАРНОЙ ПЕРЕПИСКОЙ ПОЛЬСКОГО КОРОЛЯ,
ТУРЕЦКОГО СУЛТАНА И ЦАРЯ МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА)

В работе впервые публикуются и исследуются уникальные тексты из рукописного Хронографа XVII в., содержащие легендарное сказание о событиях Смутного времени – мужественном поведении пленного царя Василия Шуйского, представленного польскому королю. Памятник содержит также апокрифическую переписку турецкого султана с польским королем и царем Михаилом Федоровичем, связанную с так называемой турецкой темой, популярной в западно-европейской публицистике XV–XVII вв.

In the present article, the unique texts from the hand-written *Chronograph* of the seventeenth century are for the first time published and researched. They contain a legendary account – composed for the Polish king – of the events of the Time of Troubles, telling about behaviour of captured Tsar Vasili Shuyskiy. This document also contains the apocryphal correspondence of the Ottoman Sultan with the Polish king, and Tsar Mikhail Fedorovich, which is interwoven with the so called Turkish problematic, popular in the west-European political writings of the fifteenth-seventeenth centuries.

Ключевые слова: Смутное время, Польша, Турция, Василий Шуйский, царь Михаил Федорович, древнерусские сказания.

В 1985 г. А.С. Станиславским был открыт и опубликован (совместно с автором этих строк) замечательный памятник древнерусской литературы «Повесть о Земском соборе 1613 г.» [1. С. 89–96]. Этот небольшой текст входит в состав сложной компиляции различных повестей и сказаний о Смутном времени, содержащейся только в двух списках Хронографа особого состава (на основе редакции Хронографа 1620 г.)¹. Уже при первой публикации памятника было высказано предположение, что он мог быть частью большого пока неизвестного сочинения о Смуте и ее преодолении, поскольку в составе данной компиляции находились и другие отдельные оригинальные известия и тексты [1. С. 94; 2. С. 167–170]. Датировать же создание этой переработки Хронографа 1620 г. и, соответственно, все входящие в нее тексты можно не позднее 1620-х годов, очевидно, до составления официального Нового летописца (ок. 1630 г.).

Среди текстов обращает на себя внимание, помещенная под 1615 г. отдельная статья, как бы завершающая всю хронографическую компиляцию, содержащая

Морозов Борис Николаевич – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Археографической комиссии.

¹Описание данных рукописей: Гос. литературный музей. Ф. 439. Оп. 1. № 254А и 245Б-кон. XVII в.; БАН, 33.10.13-ХVII–ХVIII вв. приведено в публикации 1985 г. [1. С. 89–90].

грамоту от «турецкого царя Садовлея» к московскому царю и ответ на нее от имени царя Михаила Федоровича (текст II в конце статьи). Содержание переписки – призыв турецкого султана идти вместе «на литовского короля войною» и отказ русского царя от этого предложения, мотивированный тем, что отец царя – патриарх Филарет Никитич находится в польском плену. В этих текстах соединяются реальные и легендарные известия. Действительно в 1615 г. между московским правительством и султаном Ахмедом I (а не вымышленным Садовлеем) происходил обмен посольствами, и именно русские дипломаты, как и ранее в 1613 г., пытались уговорить султана вступить в войну с Польшей, а не наоборот: данные тексты пытаются выдать желаемое за действительное [3. С. 58–63; 4. С. 4–9.]. Очевидно, их можно соотносить с имевшей широкое хождение в русской книжности второй половины XVII в. вымышленной переписке турецкого султана с Иваном Грозным, польским королем, цесарем Леопольдом, запорожскими и чигиринскими казаками. Тексты были связаны как с оригинальными русскими памятниками (например, со знаменитой перепиской Грозного с Курбским), так и опирались на западно-европейские антитурецкие памфлеты (как было доказано американским исследователем Д. Уо [5]). Но в составе данной хронографической компиляции эта переписка объединяется с оригинальным сказанием (разделенным на две статьи, вставленные в статью Хронографа «О послах»), освещающем события русской Смуты в связи с позицией Турции и также содержащем легендарные послания (текст I в конце статьи). Следует отметить, что все эти тексты можно отнести к одним из самых ранних русских памятников так называемой турецкой темы, очень популярной в европейской публицистике, начиная с XV в.

В первой статье сказания, описывается мужественное поведение свергнутого царя Василия Шуйского, представшего в качестве пленника перед польским королем, но вынудившего Сигизмунда III первым поклониться ему. Это мужество произвело на короля большое впечатление, и он приказал повесить привезших царя русских «изменников» во главе с Захарием Ляпуновым (известие, отсутствующее в других источниках – в действительности королю представлял царя Василия под Смоленском гетман Жолкевский). Далее в этом тексте следует выдержка из королевского «посольского листа» в 12 государств и к «турскому царю» о воцарении на Российское государство. Продолжение этой статьи помещено далее под 1614 г., когда турецкий посол (вымышленный Тевлеремий Толовлеевич) приходил к королю «занеже турской царь не верил литовскому послу, что де Московское государство за щитом взял и царя Василия полонил». Здесь же приведен текст легендарного послания турецкого султана «Салдовлея» (так!) с требованием к «литовскому королю» представить послу царя Василия. Далее следует яркая речь Василия Шуйского, в которой он объясняет свое пленение происками изменников и утверждает, что королю «аки ушей своих не видать» Московского государства. Турецкий посол «возъярився с великою бранию на литовского короля за его ложную похвальбу» и написал «в листе» своему государю речь царя Василия. Король же испугался гнева турецкого султана «и не смея своего королевича на Москве царем дати», а Василия Шуйского с братом Дмитрием Ивановичем «скрыв в нужные места [...] злой смерти их предал».

Такая трактовка событий, конечно, не соответствует действительности, но слухи о мужестве в плену непопулярного при жизни царя Василия Шуйского, стали распространяться среди современников после его смерти в 1612 г. и, очевидно, получили официальное одобрение при патриархе Филарете (недавнем польском пленнике). Этому посвящен специальный рассказ в главе 247 «Нового летописца» (но без какого-либо упоминания турецкой стороны), особенно сближающийся со сказанием в хронографической компиляции в описании места захоронения Василия Шуйского с братом в Варшаве «на перекрестке дорог» [6. С. 103–104; 7. С. 110–112]. Но связь легенды о пленном русском царе с турец-

кой темой ярко представлена в Хронике Буссова, где после рассказа о встрече Шуйского с турецким послом (которая в реальности произошла, конечно, не в 1614 г., а на Варшавском сейме 1611 г.) и следует полный текст гневного послания турецкого султана польскому королю [8. С. 179–180]. Исследовавший специально данный текст и установивший его связь с более ранними апокрифическими посланиями турецкого султана XV–XVI вв. Д. Уо, как и ранее публиковавшиеся его позднейшие русские переводы М.Д. Каган, никак не комментировали предыдущий рассказ о турецком после и царе Василии [5. Р. 23–44; 9. С. 228–230]. Между тем, можно предположить, что составитель текста, помещенного в хронографической компиляции (как и позднейшие переводчики турецкой переписки) был связан с Посольским приказом и мог почерпнуть сюжет о встрече Шуйского с турецким послом из западно-европейских памфлетов, где в 1613–1621 гг. неоднократно перепечатывалось послание султана (его перевод есть и в русских курантах 1621 г. [9. С. 222, 250]). Но автор рассматриваемого цикла статей не был простым переводчиком (собственно текст самого послания султана он и не воспроизвел, придумав другие грамоты), а составлял новый оригинальный памятник.

Связь рассказов о царе Василии с указанной выше перепиской султана с Михаилом Федоровичем определяется помещенным перед ней известием под 1615 г. о войне «турского царя» с «литовским королем» именно «за лживую похвальбу на Московское государство». Следует отметить, что статья об этой «войне» турецкого султана с королем в 1615 г. (речь идет о временном захвате нескольких пограничных городов на Дунае) с упоминанием того же фантастического «турского царя Савдовлея» помещена в известном памятнике по истории Смуты – «Ином сказании». В нее включен текст той же легендарной переписки турецкого султана с русским царем Михаилом Федоровичем, но не в виде собственно посланий с титулами, а в пересказе [10. Стб. 132–133]. Но предыдущих рассказов о гневе турецкого султана после получения известия о беседе посла с пленным царем Василием Шуйским в известных списках «Иного сказания» нет. Поэтому читателю может быть и непонятно за какую «похвальбу на Московское государство» пошел султан войной на короля. Очевидно, составитель «Иного сказания», являвшегося также компилятивным произведением, взял этот текст из другого сочинения о Смуте, что намечает один из путей продолжения изучения всей хронографической компиляции с «Повестью о земском соборе 1613 г.» в этом направлении.

Тексты публикуются по рукописи Хронографа Гос. литературного музея № 254Б. Заголовки текстов даны публикатором.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Станиславский А.Л., Морозов Б.Н.* Повесть о Земском соборе 1613 г. // Вопросы истории. 1985. № 5.
2. *Солодкин Я.Г.* Повесть о победе под Москвой и Земском соборе 1613 года // Словарь книжников и книжности древней Руси. СПб., 1998. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 3.
3. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. 9 // Сочинения. М., 1990. Кн. V.
4. *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. М., 1946. Т. 2.
5. *Waugh D.K.* The Great Turkes Defiance. On the History of the Apocryphal Correspondence of the Ottoman Sultan in its Muscovite and Russian Variants. Columbus (Ohio), 1978.
6. Полное собрание русских летописей. СПб., 1910. Т. 14.
7. *Цветаев Д.В.* Царь В.И. Шуйский и места его погребения в Польше. М.; Варшава, 1910. Т. I.
8. *Буссов.* Московская хроника. 1584–1613. М.; Л., 1961.
9. *Каган М.Д.* Легендарный цикл грамот турецкого султана к европейским государям – публицистическое произведение второй половины XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. XV.
10. Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени // Русская историческая библиотека. СПб., 1909.

I. Сказание о царе Василии Шуйском, польском короле и турецком после

(л. 223) ...Привезли царя Василия и з братиеню его и подручники его х королю изменники, рязанец дворянин Захарей Ляпунов, да князь Петр Засекин, да князь Василей Туренин. И король поставивши пред себя царя Василия с его братьеню и с подручники его, а за королем стоя многие сенаторие и гетманы. И король же Жигимант ждаше от царя Василия поклона и покорения пред ся. Царь же Василей стояше в молчании, и много времени стояше король. Король же не // (л. 223об.) дождавши его поклонения, возвратижеся король назад и глаголаше сенатарем и гетманом своим: «Московский царь да многими царствы и государствы обладатель и царский венец на нем. Да подобает мне преже поклон сотворити». И поклонишася король царю Василию преже. Также потом и царь Василей поклонишася королю.

И король повеле их, царя Василия и со всеми московскими властями и послов прежних, отвести в Литву и городом розвести, и честь над ними держати, не оскорбити. А изменников, Захарию Ляпунови² и с его советники, король повеле повесити. «Что де вы над своим царем учинили, силою царя своего постригли и ко мне сами своими руками отдали, и государство свое отдали, и хотите моего сына царем к себе; и сыну моему вы учините, что над своим царем». И приговорил король: «Ты де, Захарие, своему царю болшей доброхот и болшее жалование от мене». Выше всех повеле повесити и злой смерти предати.

И потом взял король Смоленск, и вскоре из Литвы посла 12 послов к турецкому царю и в иные царства. Писал в посольские листа, докладывая: «Воцарися что де я³, Росийское государство за щитом взял, и московского царя жива полонил, и в Литву привез и с ним многих властей».

В лета 7122-го году июля во 12 день⁴.

Прииде от турецкого царя посол Тевлеремий Толовлеевич в Литву, занеже турецкой царь не верил литовскому послу и листу, что литовской король писал лист посольской, что де Московское⁵ государство за щитом взял, и царя Василия полонил, и в Литву привел и со многими властями // (л. 224) его, и докладывая сыну своему воцаритися на Московское государство царем. И повеле турецкой царь перед посла своего поставити царя Василия, и пред царем Василием посол лист посольской пред короля положил. И король лист распечатав, и в том листу написано:

«От турецкого царя Салдовлея литовскому королю. Поставил царя Василия московского перед посла моего Тевлеремия, и послу моему у московского царя Василия допросити, како над ним збытисия, что о нем писал литовской король».

И король повеле царю Василию приитти⁶. И турецкой посол посольство от турецкого царя правил и допрашивал все по ряду повеленное по посольству.

И царь Василей Иванович во слезах и глаголя перед послом, пишем сие вкратце: «Королю литовскому, аки ушей своих не видать, также бы ему меня и Московского государства ему не имывать за щитом. Толки бы изменники московские меня не здали, и в Литву к нему сами не привезли, и Московского государства ему сами не поручили».

Туреской же посол возъярився с великою бранию на литовского короля за его ложную похвалбу на Московское государство и на московского царя Василия и на ложное его королево своими послы посольское писанье к турецкому королю. И написав турецкой посол лист, речь царя Василья, и поиде из Литвы от короля турецкой посол с великим гневом за его ложную похвалбу.

Корол⁷ же литовской царя Василия за те его речи, что, он, царь Василей, короля литовского, его ложную похвалбу на Московское государство посрамил перед

² Так в ркп.

³ Повторено два раза – в строке а йотированное и над ним юс малый.

⁴ Заголовок киноварью на отдельной строке.

⁵ Буквы «вско» приписаны над строкой, более светлыми чернилами.

⁶ В середину слова была вписана буква «і».

⁷ Так в ркп., здесь и далее.

турским послом, не по его королевскому посольству // (л. 224об.) и не по прежнему его писанью сказал, и за то король царя Василья и скрыв его в нужные места и з братом его князем Дмитрием Ивановичем Шуйским и злой смерти их предал.

Король же литовской посрамлен и обличен бысть от царя Василья, что писал ложную похвалбу на Московское государство, царем докладывая, королевичю воцаритися, и бояся турскаго царя и не смея своего королевича к Москве царем дати.

Царь же Василей Иванович, по его королевскому повелению, погребен бысть на гранех, а по рускому именуется на хресцех. А хресца именуются потому, что с того места пойдут дороги из Литвы во все орды и во все царствы, во все четыре страны. Дорога первая пойдет к Турскому царству, другая дорога пойдет в Римское царство, третья дорога⁸ в Дамаскому к Селунскому царству, четвертая дорога в Крымскую орду, а иные дороги в иные орды многие, и в Черксы, и к Дону. Брат же царя Василия князь Дмитрий Иванович Шуйской тут же погребен по левую страну. Межу ими поставлен бысть столп каменной утвержен. На столпе же том в летописе подпись подписана: «Лежит тут русский московский царь, государь и великий князь Василей Иванович всея Руси Шуйской, а по левую страну лежит погребен брат его, князь Дмитрий⁹ Иванович Шуйской».

II. Переписка турецкого султана и царя Михаила Федоровича

(л. 244об.) ...В¹⁰ лета 7123-го году прииде турский царь Садовлей с великим войском своим на литовскаго короля войною за лживую его похвалу на Московское государство. И повоевал многие места литовские, села и жилища, и Дунай-реку великую перевезся на Литовскую страну, и Подонскую землю взле Дунай-реку повоевал, и много литовских людей побил, и семь городов Подонской земли взял. И гонца своего турской царь к Москве послал, и писал к московскому:

«Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всея Руси. Чтоб тебе, московскому царю, с литовским розмиритца и притти бы тебе своим войском от Москвы от своей страны Литвы воевать, а аз де от своей стороны. И Литву де потесним, и отольем кровь христианскую, и лживую похвальбу литовскаго короля на Московское государство ему отомстим».

И царь государь и великий князь Михайло Федорович всея Руси турскаго посла того отпустил честно з дары велики и писал к турскому царю честно:

«Наивыйшему брату и радею. С тобою совет держати и на литовского войною быти».

И царь государь в ту пору в борзе на Литву войною не пошел, войска своего не послал для того, что еще батюшко его, великий государь Филарет Никитич, в Литве полонен, и чтобы король смерти не предал, и мысля государь, чтобы его из Литвы к Москве здрава выручити.

А король литовской и с королевичем своим от турскаго короля¹¹ устрашилися велми, и хотя король бежати в немцы, а королевич заперся в опсад в Смоленске-граде. И в то время пригони гонец ис Турские земле к турскому царю, что де в Турской земле промежу собою учинилось смятение великое и бысть сеча и война велика. И турской царь со всем своим воинством поиде во свою землю, и литовские грады, кои взяты были, все покинул. И литовской король со¹² своим королевичем опять в Литве своей укрепился.

⁸ Слово написано в правом поле и вставлено в текст киноварным знаком вставки.

⁹ Слово написано на правом поле и вставлено в текст киноварным знаком вставки.

¹⁰ Отсюда и до конца текст, схожий с текстом «Иного сказания».

¹¹ Так в рук.

¹² В ркп. нет, исправлено по «Иному сказанию».

Г.А. ПОЖИДАЕВА. Лексикология демественного пения. М., 2010. 765 с. + VIII илл.

Монография Г.А. Пожидаевой посвящена древнерусскому церковному демественному распеву, который был признан современниками самым совершенным и искусным. Ее несомненная научная ценность заключается в комплексном подходе автора к изучению демественного распева как явления русской культуры. Автор исследует источники и музыкальный язык распева, его поэтические и музыкальные (попевки, лица и фиты) составляющие, тексты и их редакции и делает важные выводы об истории его развития. Теоретическое осмысление музыкального языка демественного распева позволяет исследовательнице понять принципы его музыкальной письменности – демественной нотации – и создать сводную азбуку. Труд Г.А. Пожидаевой отличается глубоким анализом разнообразнейших источников демественного распева: памятников литературно-исторических, литургической письменности, музыкальных письменных (служебные певческие книги и музыкально-теоретические руководства) и устных памятников (современные старообрядческие аудиозаписи).

Широкий охват источников позволил автору опровергнуть традиционные для классической медиевистики представления о возникновении демественного пения в период Киевской Руси. Анализ летописей, чиновников крупнейших кафедральных соборов Древней Руси, предисловий к певческим сборникам, азбук демественного пения и других исторических материалов привел Г.А. Пожидаеву к выводу о том, что торжественный распев впервые появился в Москве при Иване III не позднее 1479 г. Далее она раскрывает преемственность демества и кондакарного пения как пения для

кафедральных соборов и выявляет в них общие стилистические черты.

Еще более веско подтверждает выводы автора о происхождении демественного пения обзор певческих источников в рукописной традиции конца XV – XIX в. Г.А. Пожидаева собрала огромный редчайший материал по источниковедению демественного распева, представленный в инципитном каталоге песнопений. Следует отметить, что подобный каталог, в котором не только приводятся «адреса» списков, но и определяются литературные и музыкальные редакции песнопений, составлен впервые.

Выявленные Г.А. Пожидаевой редакции песнопений (на основе созданных ею принципов) раскрывают большое их разнообразие: демество малое, большое, среднее, авторское – Маркелла Безбородого, Федора Крестьянина, Василия Рогова(?), безымянные «ин переводы», псково-печерское монастырское и уральское (усольское и екатеринбургское). Данная автором новая оценка старообрядческого периода как времени не только сохранения, но и развития демественного соголосия также веско и аргументированно подтверждается певческими источниками.

Главная проблема исследования – проблема языка демественных песнопений в историческом аспекте ставится в музыкальной медиевистике впервые, причем это относится как к отечественной, так и к зарубежной ее ветви. Историческая музыкальная лексикология в перспективе может стать новым направлением в музыкальной медиевистике, поскольку этот метод применим также и ко всем другим распевам, как одноголосным, так и многоголосным.

Он пригоден также и для изучения западно-европейской григорианики и византийской средневековой традиции пения.

Плодотворным для работы оказалось привлечение методов и результатов смежной филологической науки, а именно, истории русского языка XI–XVII вв. для сравнения с аналогичными периодами в истории гимнографии. Это дало возможность автору проследить, как развивалась техника распева на протяжении его истории и как это в конечном результате привело к более органичному слиянию поэтического текста и напева в песнопении. Г.А. Пожидаева убедительно показывает, как слияние семантики речевой, музыкальной и поэтической приводит к возникновению наиболее выразительных языковых единиц песнопений. При этом торжественный и праздничный характер демественного распева раскрывается автором через культуру речи. В процессе исследования ею учтено использование интонационного рисунка речевых мелодем (восклицательной и императивной или звательной) в соответствующих музыкальных единицах напева.

Книга содержит уникальную сводную азбуку демественной нотации, созданную по принципу двознаменника (параллельного крюкового и нотно-линейного изложения). Основу азбуки составляют материалы крюковых и линейных рукописей конца XVII–XVIII в., из которых автор составил свод значений демественных знаков по нотно-линейным подстрочникам к крюковым спискам. В дополнение к своду приводятся данные из крюковых старообрядческих азбук XVIII–XIX вв. В отличие от прежних азбук, в которых демественное знамя переводится в столповое, азбука Г.А. Пожидаевой содержит перевод демественных знаков в современное нотное письмо. Кроме того, этот перевод существенно отличается от старообрядческих азбук ритмическим значением знамен. Важно, что автор не только констатирует эти отличия, но и объясняет их особенностями исторического развития демества у старообрядцев. Кроме знаков нотации, в данной азбуке кокизы и фиты впервые выделены как наиболее значимые и важные единицы музыкального языка. Таким образом, азбука Г.А. Пожидаевой продолжает традиции музыкальной теории Древней Руси, выявляя в демественном распеве свойства, общие с другими распевами – знаменным и путевым. Теоретические руководства последних, как известно, также содержали значения не только отдель-

ных знамен, но и их соединений в кокизах (кокизники) и фитах (фитники).

В Приложении к книге содержатся авторские расшифровки демественных песнопений: впервые прочитанные образцы XVI–XIX вв. Подобный материал в двознаменном изложении (крюковой нотацией и современной линейной), вводящий в культурный оборот произведения средневекового церковного певческого искусства, несомненно, будет широко востребован. Он может быть использован при чтении вузовских курсов по русской средневековой культуре и истории музыки, в хоровой концертной и клиросной практике, а также как «вторичный фольклор» при создании произведений искусства, связанных с отечественной духовной культурой (музыка, театр, кино).

При всей основательности и фундаментальности исследования можно отметить и некоторые недочеты. Так, в первой главе дается обзор летописных источников с упоминанием о демественном пении. Такое упоминание впервые появляется в Повести о преставлении князя Дмитрия Юрьевича Красного (ум. 1441). Изучая эту повесть по большей части летописного наследия – 28 летописям, автор, тем не менее, не дает ее количественную оценку, и остается неясным, все ли летописи вошли в ее поле зрения или какая-то их часть осталась неучтенной.

На наш взгляд, в первых четырех главах недостаточно используются отсылки к последующим инципитному каталогу и песнопениям нотно-крюкового приложени-я, что сделало общую композицию книги менее цельной. Это же относится и к приводимым иллюстрациям: в таком солидном труде их можно было сделать не только черно-белыми, но и цветными. Немалым упущением, по нашему мнению, является и то, что в списке песнопений нотно-крюкового приложения отсутствуют указания на страницы книги. При столь большом объеме издания такие указания были бы весьма полезны. Вероятно, следовало бы расширить и справочный аппарат, добавив указатель музыкальных терминов, самоназваний песнопений и авторских «переводов». Высказанные замечания не влияют на суть работы и не умаляют ее результатов. В своем фундаментальном труде Г.А. Пожидаева вскрыла ценные пласты истории отечественного церковного пения и ввела в научный оборот огромное количество новых материалов. Она анализирует их

глубоко и обстоятельно, задавая своим новаторским подходом новое направление в музыкальной медиэвистике. Этот труд можно считать настоящим научным событием:

он, несомненно, станет вехой в изучении русской средневековой культуры.

© 2012 г. И.И. Калиганов

Славяноведение, № 2

Полацкі этнаграфічны зборнік. Вып. 1. Ч. 1–2. Народная медыцына беларусаў Падзвіння / Склад. У.А. Лобач, У.С. Філіпенка. Наваполацк, 2006. 148 с. и 332 с.; Вып. 2. Ч. 1–2. Народная проза беларусаў Падзвіння / Уклад., прадмова и паказ. У.А. Лобача. Наваполацк, 2011. 292 с. и 368 с.

Полоцкий этнографический сборник. Вып. 1. Ч. 1–2. Народная медицина белорусов Подвинья / Сост. В.А. Лобач, В.С. Филипенко; Вып. 2. Ч. 1–2. Народная проза белорусов Подвинья / Сост., предисловие и указ. В.А. Лобача

Серия региональных публикаций, посвященных традиционной культуре и фольклору различных областей Белоруссии, пополнилась еще одним изданием – с 2006 г. выходит в свет «Полоцкий этнографический сборник», представляющий материалы по этнографии, мифологии, фольклору, «устной истории» белорусского Подвинья. Следует отметить, что в последние годы стараниями белорусских коллег материалы по региональной белорусской этнографии и фольклору (в том числе многочисленные данные, зафиксированные во время полевых исследований) значительно пополнили имеющуюся в распоряжении исследователей фактическую базу данных, а публикуемые в Белоруссии своды фольклорно-этнографических материалов стали ценным источником для специалистов, занимающихся проблемами традиционной духовной культуры славянских народов.

Белорусские издания представлены такими фундаментальными сводами, как серия «Традиционная художественная культура белорусов» – в настоящее время вышли в свет уже пять томов по различным регионам Белоруссии (рецензии см. [1; 2]); двухтомная энциклопедия «Белорусский фольклор» (2005–2006); энциклопедический словарь «Мифология белорусов» (его расширенное и дополненное издание появилось в 2011 г.), а также целым рядом

публикаций региональных материалов, вышедших в последние годы в Гомеле, Гродно и др. (см., например, [3–5]).

Рецензируемое издание являет собой удачный опыт презентации материалов, собранных в последние годы во время полевых этнографических исследований на территории Витебской обл. Задача издания – составить комплексную картину современного состояния традиционной культуры белорусского Подвинья во всем ее многообразии. Именно поэтому составителями был избран тематический принцип подачи материала, что позволяет детально осветить ту или иную сферу народной культуры в ее региональном воплощении. Открывается серия выпуском, посвященным народной медицине. Данная тема в последние годы оказалась чрезвычайно привлекательной для фольклористов и этнографов – в России, на Украине и в Белоруссии вышли в свет исследования, посвященные народным врачевным и магическим практикам, появились новые издания лечебных заговоров с подробным анализом их сюжетной и мотивной структуры и образности (см. [6–10]). Это не удивительно – ведь народная медицина представляет собой сферу живой традиции, востребованной, развивающейся и в то же время сохраняющей многие архаические черты даже в эпоху глобализации и культурной унификации.

Первая часть первого выпуска содержит краткий, но информативный очерк, представляющий народную медицину белорусов Подвинья в этнокультурном аспекте: это история изучения народной медицины белорусов (с указанием многочисленных источников, некоторые из которых стали уже библиографической редкостью), народная диагностика заболеваний, традиционные лекарственные средства, акциональные методы народной медицины и символические приемы, направленные на преодоление болезни, объекты сакральной топографии в народно-медицинских практиках. Далее следует подборка заговоров, записанных студентами и преподавателями Полоцкого государственного университета во время полевых исследований в 1995–2006 гг., а также публикация двух тетрадей с заговорами, находившихся в обращении у информантов (всего 316 текстов).

Вторая часть первого выпуска представляет подборку материалов по народной медицине (рассказы о болезнях и знахарях, о способах и средствах лечения, о глазе и порче, о «святых» местах и объектах, обладающих целительной силой, и т.п.). Данные сгруппированы по географическому принципу (представлены 12 районов Витебской обл. Белоруссии и Себежский р-н Российской Федерации, исторически относящийся к территории Подвинья). Завершает вторую часть указатели (перечень болезней – тут же приводится локальная терминология; указатель лечебных средств и географический указатель) – вещь чрезвычайно нужная и полезная. Внутри «районных» подборок материал сгруппирован таким образом, что совокупно подаются записи, сделанные одним собирателем от определенного информанта, что создает тематическую «чересполосицу» – вперемешку рассказы о знахарях и болезнях, о конкретных заболеваниях, сведения о болезнях и лечебно-магических практиках. Затрудняет пользование материалом и отсутствие сплошной нумерации текстов. Представляется более логичным, когда в изданиях такого рода разделы строятся по единой схеме – это позволяет уже при первом знакомстве с материалом классифицировать и аналитически оценивать его, сравнивая данные из разных районов одного региона.

Второй выпуск «Полоцкого этнографического сборника» посвящен народной прозе. Жанры фольклора, объединяемые этим понятием, разнообразны – это этиологические легенды и топонимические

предания, мифологические рассказы, нарративы, связанные с историей семьи и края, «устная история» и запечатленная в слове фольклорная картина мира.

Во втором выпуске материал структурирован более удачно. Введена сплошная нумерация текстов, что позволяет судить об объемах вводимой в научный оборот информации (всего в книгу вошло 1483 текста!), а также сравнивать версии одного и того же сюжета. Так, чрезвычайно интересной оказалась подборка легенд про аиста (с. 28–30), где представлены как широко известные (общеславянские) версии сюжета (превращение человека в аиста за то, что не выполнил поручение Бога и распустил по земле гадов и насекомых), так и оригинальные варианты (Бог собирает в ковчег «по паре» всех насекомых и гадов, чтобы сохранить их вместе с другими животными, а люди распускают их, за что превращены в аистов и вынуждены исправлять оплошность, собирая разбежавшуюся живность – Лепельский и Чашницкий р-ны; гадов в мешок собирает некий «знахарь», и он же обращается в аиста – Докшицкий р-н).

Раздел топонимических преданий – это богатейший свод материалов по «сакральной географии» Витебщины. В сборник вошли записи о разнообразных природных и культурных объектах, с которыми связаны самые разные мифологические представления и ритуальные практики. Столь репрезентативная подборка открывает широкие перспективы для комплексного изучения почитаемых в народе объектов и картографирования фольклорных сюжетов, к ним приуроченных.

Целый раздел посвящен народной религиозности – для такого поликонфессионального региона, как Витебщина, эта тема очень актуальна. Рассуждения на тему «своей» и «чужой» религии и веры, «своих» и «чужих» обычаев позволяют составить представления о том, как в фольклорном сознании формируется облик национальной системы духовных ценностей и выстраивается аксиологическая шкала, по которой оценивается весь окружающий мир.

Для белорусского Подвинья, расположенного на культурном и конфессиональном пограничье, показательным является комплекс стереотипов о представителях различных народностей. Рассказы о «чужаках» (в этническом и религиозном смысле) объединены в сборнике в особый раздел, представляющий интересный материал из сферы «народной этнологии». В сборнике

даны колоритные примеры, отражающие представления белорусов о русских (в основном старообрядцах), цыганах, евреях, поляках, латышах, литовцах, татарах. Показательно, что в современной традиции по большей части сохраняются основные мифологические стереотипы по отношению к «чужакам» (представления об их «неправильной» вере, о связи с потусторонним миром, о причастности к колдовству и т.п.) и целый ряд общеславянских и даже общеевропейских легендарных сюжетов, характеризующих те или иные черты этнических соседей (цыгане могут безнаказанно красть, так как во время распятия Христа цыган украл и спрятал гвоздь, которым хотели насмерть убить Христа; евреи не едят свинину, так как свинья – это превращенная женщина, которую евреи спрятали под корыто, чтобы испытать всеведение Бога или Христа).

Вызывает интерес небольшой раздел, посвященный этике повседневности, которая ориентирована на контакт с миром сакрального (использование освященных предметов – икон, «юрьевского» хлеба – для тушения пожара или прекращения града; молитвы об урожае; правила обращения с нищими; паломничества к «святым местам»). Представляется, что данный раздел мог бы быть расширен за счет сюжетов, относящихся также к «мифологии повседневности» (бытовые запреты и предписания, которые также часто мотивированы теми или иными событиями священной истории).

В отличие от первого выпуска «Полоцкого этнографического сборника», выпуск, посвященный народной прозе, снабжен лишь географическим указателем (что, безусловно, важно, поскольку материал подается в книге не по географическому, а по тематическому принципу). Однако совершенно очевидно, что для адекватной презентации фольклорных текстов обязательно нужен указатель сюжетов и мотивов. При анализе быличек и демонологических рассказов указатель поможет обрисовать основные отличительные характеристики демонологических персонажей, а также функции «знающих» и колдунов и арсенал их магических средств. В случае легенд и преданий указатель мотивов необходим для выявления универсалий и оригинальных версий; кроме того, появляется возможность установить характер бытования того или иного сюжета в культурном пространстве региона – фик-

сируется ли он повсеместно или бытует на пограничье; в последнем случае открывается перспектива для изучения влияния соседних традиций, в том числе и неславянских.

Рассмотрим только один пример (с. 349). На западе Витебщины, в Поставском р-не отмечен чрезвычайно распространенный на пограничье восточно- и западнославянских традиций стереотип – представление о том, что инородцы и иноверцы рождаются слепыми и для того, чтобы дети стали видеть, нужны специальные средства, например христианская кровь (подробнее см. [11. С. 54–55]). Данный пример происходит из приграничного с Литвой района Витебской обл. Возникает вопрос – бытует ли мотив слепоты инородцев где-то еще на территории Белоруссии? Или это локальный, «пограничный» сюжет, обусловленный в данном регионе влиянием польско-литовской традиции (в том числе костельной)? Ответ могут дать лишь дальнейшие исследования в области «мифологии соседства» и фольклора культурного пограничья.

Хочется пожелать составителям и редакторам «Полоцкого этнографического сборника» успешного продолжения начатой серии. Богатая фольклорно-этнографическая традиция витебского Подвинья достойна подробной и квалифицированной презентации в научном издании, поставившем своей целью не только введение в научный оборот обширного аутентичного материала, но и анализ данных, полученных в ходе полевых исследований. А непреходящая ценность регионального материала в том и состоит, что на его основе можно составить детальное описание народной традиции определенного культурного ареала и изучать эту традицию на более широком общенациональном фоне.

© 2012 г. О.В. Белова

Работа выполнена в рамках проекта «Мифологические и легендарные нарративы белорусско-русского пограничья в контексте внутренних и внешних связей» (БРФФИ–РГНФ, 11-24-01002a/Bel)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белова О.В. Традиционная культура белорусов: новая региональная серия // Живая старина. 2008. № 2.

2. Белова О.В. «Традиційная мастацкая культура беларусаў» (т. 1–4) // Славяноведение. 2010. № 6.
3. Народна міфалогія Гомельшчыны / Укл. У.Ф. Штэйнер, В.С. Новак. Мінск, 2003.
4. Новак В.С. Славянская міфалогія (на матэрыялах Гомельскай вобласці). Мінск, 2009.
5. Беларускі фальклор Гродзеншчыны. Народны эпас. Замовы. Варажба / Склад. Р.К. Казлоўскі. Гродна, 2007.
6. Агапкина Т.А. Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении. Сюжетика и образ мира. М., 2010.
7. Боряк О.О. Баба-повитуха в культурно-історичній традиції українців: між профанним і сакральним. Київ, 2009.
8. Народная медицина. Рытуальна-магічная практыка / Уклад., прадм. і паказ. Т.В. Валодзінай; навук. рэд. А.С. Ліс. Мінск, 2007.
9. Валодзіна Т.В. Цела чалавека. Слова, міф, рытуал. Мінск, 2009.
10. Народна культура українців: Життєвий цикл людини. Т. 1: Діти. Дитинство. Дитяча субкультура / Наук. ред. М. Гримич. Київ, 2008.
11. Белова О.В. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М., 2005.

Славяноведение, № 2

Н.М. ВАГАПОВА. Международные театральные сезоны в Белграде: БИТЕФ 1967–2007. М., 2011. 214 с., илл.

Не часто можно увидеть в витринах книжных магазинов книгу о современной театральной жизни в славянских странах. Монография Н.М. Вагаповой посвящена одному из самых примечательных европейских культурных событий последних пятидесяти лет – основанному в 1967 г. в социалистической Югославии и ни на один год не прекращавшему своей работы, несмотря на все трудности судьбы города, давшего ему название, Белградскому интернациональному театральному фестивалю (БИТЕФ).

Анализируя программы международных сезонов БИТЕФа, автор погружает нас в бурную атмосферу общественной жизни одной из славянских столиц. Повествование дополняют выполненные автором синхронистические таблицы, которые создают контекст исканий сценического искусства разных стран.

Несмотря на сложные геополитические реалии (и зачастую даже вопреки им), в которых пребывает нынешняя Сербия, на театральной карте Европы Белград занимает видное место. Более того: каждый год во второй половине сентября столица Республики Сербии превращается в европейскую театральную столицу. Происходит это благодаря БИТЕФу, который становится на

две недели местом встречи театров всего мира, театров всевозможных направлений и концепций, но в первую очередь, конечно, европейского театра. А прежде БИТЕФ был чуть ли не единственной площадкой, где встречались театры двух противостоящих друг другу политических систем – социалистической и капиталистической.

БИТЕФ пережил очередной юбилей; в 2011 г. он отметил свое 45-летие. И хотя белградский фестиваль на 20 лет моложе Авиньонского и Эдинбургского, он – не сразу, но все-таки довольно быстро – занял достойное место в этом ряду ведущих театральных смотров. Если названные фестивали появились в послевоенной Европе и знаменовали собой начало мирной и новой театральной жизни, то БИТЕФ заявил о себе в напряженный 1967 г., на волне нарастающих кризисов, в преддверии больших социальных и культурных потрясений 1968 г. И на протяжении всей своей истории фестиваль неизменно отражал все перипетии новейшей европейской истории и в первую очередь историю стран, двадцать лет назад входивших в состав Югославии.

Книга Н.М. Вагаповой – литератора, крупнейшего отечественного специалиста

по драматургии и театру Западных Балкан – описывает 40-летнюю историю фестиваля.

В театроведении (по крайней мере, пока) не существует отдельной дисциплины – фестивалеведение, хотя всякий фестиваль со временем обрастает большим количеством литературы: издаются альбомы и каталоги, сборники рецензий и красочные юбилейные обзоры. Но крайне редко можно встретить работу, которая обобщала бы опыт и осмысляла значение того или иного фестиваля и рассматривала бы его в широком культурном контексте. От автора подобного исследования требуется не только знание, глубокое понимание предмета и обширная эрудиция, но и виртуозность и чуткость в отборе материала, поскольку фестивальная жизнь – субстанция текучая и крайне подвижная. Фестивальная жизнь пребывает в постоянном движении: сменяются лица, декорации, сталкиваются мнения и симпатии, случаются ссоры и склоки, внезапные нападки критики и столь же неожиданные волны поддержки со стороны общества, триумфы и провалы...

Н.М. Вагапова нашла для своей книги форму, которая упорядочила этот хаос, столь противоречивый и атомизированный организм, каковым является всякий фестиваль. Она вычленила то значимое, характерное, что было и есть в БИТЕФе, подчинила его анализу и описанию, разложила, так сказать, целое на его составляющие, чтобы снова вернуться вместе с читателем к целому, но уже стройному, упорядоченному, систематизированному, осмысленному целому.

Форма книги – синтетическая в самом широком смысле слова. Во-первых, это синтез личных впечатлений и изучения обширнейших материалов, связанных с БИТЕФом. Многолетнее сотрудничество и участие автора позволяет преподнести жизнь фестиваля не просто изнутри, а из глубины, из эпицентра. Она приподнимает многие завесы, где-то, может быть, даже приоткрывает профессиональные – фестивальные – тайны. Читатель вслед за автором не только видит сцену, но и проникает за кулисы фестиваля. Личное присутствие, вовлеченность позволяет честно, без лишней идеализации показать всю сложность, противоречивость непосредственного фестивального процесса, но именно это позволяет передать «атмосферу радости от искусства» (с. 14), столь свойственную БИТЕФу. Иногда автор, не боясь противоречить решениям жюри или вкусу публики,

предлагает аргументы в защиту своей оценки, своего эстетического отношения к тому или иному спектаклю. Но никогда этот авторский голос не заглушает иные голоса, встраиваясь в общий хор. Обильно цитируемые отзывы, рецензии, устно высказанные критические мнения (причем из самых разных лагерей) призваны дать как можно более объективную картину. Такая двойная оптика, безусловно, создает стереоскопический эффект, придает впечатлению от фестиваля рельефность и объемность.

Книга состоит из шести глав. В целом Н.М. Вагапова придерживается хронологического принципа, но не становится его заложником. Последовательно, год за годом, десятилетие за десятилетием, излагая свой материал, автор пользуется широким стилистическим и жанровым спектром. Мы встречаем в книге не только критические разборы и анализы спектаклей, но и эссеистические зарисовки, написанные самыми теплыми словами портреты участников и организаторов фестиваля, экскурсии в смежные области, будь то эпизоды из истории сербского театра или примеры взаимоотношений творца и власти. Эта «свобода» не только дает повествованию сильный оживляющий эффект, она способствует представлению истории фестиваля не линейно, а, по возможности, комбинированно, комплексно и в широком контексте, что позволяет, в свою очередь, обнаруживать часто неуловимые в строгих академических исследованиях смысловые нити, связывающие совершенно разные театральные эпохи, школы, традиции.

В первой главе – «Истоки. Конец 60-х» речь идет о зарождении фестиваля. Воспроизводя его предысторию, Вагапова обозревает все факторы, которые столь удачно сложились в Белграде в самом конце 1966 – начале 1967 г. Автор в первую очередь акцентирует внимание на том, как радостная, озорная атмосфера в небольшом театре «Ателье 212» породила столь грандиозное театральное предприятие, как помогла преодолеть многие трудности, имеющие по большей части внетеатральный характер. БИТЕФ изначально задумывался не как очередной смотр достижений югославских театров, каковые и без того имелись («Стерийино позорье» в Нови Саде, «Дубровницкие летние игры» и «Фестиваль югославского театра» в Сараеве), а был нацелен на самое новейшее, новаторское, экспериментальное, причем в международном масштабе. Недостаток новых форм, нового

взгляда на искусство сцены, как пишет Вагапова, ощущался в рамках традиционного театра. Мы видим, что с первых же дней руководство фестиваля ставило перед собой амбициозные и довольно рискованные цели. А именно, как писал впоследствии художественный директор БИТЕФа Йован Чирилов, «отобразить [...] то, что мы сочтем самым лучшим из недавно поставленного, то, что внушало бы нам доверие и в то же время могло вывести из себя даже наших сторонников, не говоря уже о наших противниках, то, что соответствовало бы вкусу современно мыслящих людей и раздражало консерваторов» (с. 21).

Ставка первого фестиваля была сделана на Ежи Гротовского. По мнению Вагаповой, именно его знаменитый спектакль – «Стойкий принц» по пьесе Кальдерона стал «реальным открытием БИТЕФа, которое заставило говорить о нем как о серьезном фестивале новых театральных тенденций» (с. 22).

Но при всем экспериментаторском пафосе фестиваль не порывал безоглядно с традицией, с классикой, с первых же дней своего существования установив с ней особые отношения, а именно утвердив целое направление, обозначенное впоследствии как «новый взгляд на классику» (с. 25).

Вторая глава – «Дух протеста, жажда обновления. Политический театр 60–90-х годов», – единственная часть книги, где в нарушение хронологической последовательности избирается проблемный принцип. Автор обращается к спектаклям на политические темы или имеющим политический контекст, анализируя материал нескольких десятилетий. Политический театр для Вагаповой – это не только спектакли с политическим оттенком, но и та атмосфера, которая складывалась за стенами фестиваля, и то, как она воздействовала на театральный процесс.

Политическая тема вообще проходит красной нитью через всю книгу, и ее включение в эстетический и театральный контекст понятно и легко объяснимо. Сама специфика культурного пространства недавней Югославии определяет его пограничным положением, его принадлежностью как к Южной Европе, так и к Восточной и Западной, а в период «холодной войны» и советско-югославского конфликта – и между двумя политическими системами. На исходе XX в. культура стала чуть ли не единственным мостом между родственными, но, тем не менее, нередко враждовавшими

на протяжении всей истории народами. Так БИТЕФ – в силу своего местоположения – стал фестивалем, лицо которого определялось не только искусством, но и политикой.

Примечательно то, что политический театр на БИТЕФе был представлен как с востока Европы, так и с запада. Но если западный театр (особенно 1960–1970-х годов) был преисполнен антибуржуазным пафосом и определялся движением контркультуры, то восточный привлекал к себе внимание оппозиционной социалистическому общественному устройству «ересью» (с. 35–36). Так в Белграде сталкивались различные понимания свободы общественной и личной, причем зачастую осуществлялись они на классическом материале. Особенно востребованным был в этом отношении шекспировский Гамлет, «озабоченный [...] цинизмом той системы догм, которая мирно объединяла режим казарменного социализма и потребительские стандарты» (с. 40).

В третьей главе – «Новая театральность и сила сценических безумств. Прекрасные 70-е, бурные 80-е» Вагапова снова обращается непосредственно к эстетической материи фестиваля. В начале 1970-х годов БИТЕФ уже вошел в пору первой зрелости, приобрел определенную солидность и большую степень концептуальности в выборе спектаклей. Фестиваль старался идти в ногу со временем, а иногда, пожалуй, и опережал его. На БИТЕФе уже в 1970-х годах обозначались те тенденции, споры вокруг которых актуальны и для сегодняшнего дня. Пространство театрального эксперимента постоянно расширялось: значительное место стали занимать средства невербального театра, активно использовался танец. Все это, безусловно, вызывало острейшие дискуссии, с ходом которых мы имеем возможность ознакомиться на страницах книги. Вагапова кропотливо протоколирует напряженность театральных поисков 1970–1980-х годов. При этом, как она замечает, и программы БИТЕФа, и результаты голосования жюри, тем не менее, не раз подтверждали жизненность позиций различных форм психологического театра.

В четвертой главе – «Театр и паратеатр. Кризисные 90-е» БИТЕФ представлен на фоне трагических событий на Балканах 1990-х годов. Перед фестивалем предстала реальная угроза закрытия. «БИТЕФ, как и прежде, разделял судьбу города, давшего ему название», – пишет Вагапова (с. 75).

В сущности, автор в этой главе ищет ответа на им же самим сформулированный вопрос: «Как удалось людям театра бывшей Югославии сохранить традиции своей культуры в водовороте балканских междоусобиц?» (с. 75).

В пятой главе – «Новый мировой (театральный) порядок» Вагапова пишет о театре первой половины 2000-х годов. Короткая дистанция, отделяющая нас от этого времени, еще не позволяет делать широкие обобщения, поэтому данная часть имеет скорее характер хроники последних сезонов, хотя автор неизменно фиксирует определенные тенденции новейшего времени. Она дает емкие зарисовки всех программ, отмечая наиболее важные спектакли.

Последняя, шестая, глава (она же «Вместо заключения») «Продолжение театральной авантюры» посвящена постюбилейному сорок первому сезону БИТЕФа и одновременно – подведению итогов. «Театральная авантюра, начатая в 1967 году, продолжается» (с. 128), – такими словами заканчивает свое повествование Вагапова.

Заключают книгу синхронистические таблицы, в которых по годам перечислены все участвовавшие в смотрах театры, названы все члены международных жюри, отмечены все премированные спектакли. Обширный фактический материал воссоздает всю масштабность БИТЕФа, позволяет заново осмыслить прочитанное.

В непривычно большом для современных изданий о театре количестве присутствует в книге иллюстративный материал. Фотографии спектаклей дают визуальное представление о жизни современного театра.

Книга Н.М. Вагаповой – первая монография о БИТЕФе, уже переведенная, хотя и в сокращенном варианте, на сербский язык и в Сербии опубликованная.

Значимость БИТЕФа для Сербии невозможно переоценить. Вагапова свидетельствует, как параллельно фестивалю оживает культурная жизнь, но в первую очередь, конечно, театральная и театроведческая, ибо фестиваль способствует тому, что на сербский язык переводятся многие труды теоретиков и практиков европейского и американского театра. Но также

40-летняя история БИТЕФа – эта история европейского театра и в первую очередь театра славянского региона. Российский критик Марина Давыдова дала БИТЕФу следующее определение – «[...] что-то вроде театральной энциклопедии» (с. 8). Монография Вагаповой тоже соответствует этой дефиниции, поскольку на ее страницах мы встретим огромное количество имен – режиссеров, актеров, сценографов. Пожалуй, ни одно имя, сколь-нибудь значимое в мировом театре, не было автором забыто. «Героями» книги являются такие разные, а нередко полярные режиссеры, как Питер Брук и Кристоф Марталер, Пина Бауш и Ариана Мнушкина, Лука Ронкони и Роберт Уилсон и многие другие. Особое место занимают в этом ряду театральные режиссеры из славянских стран. В особенности спектакли Е. Гротовского и О. Крейчи, как явствует из книги, сыграли важную роль в становлении и развитии БИТЕФа. Но и сам БИТЕФ имел огромное значение для славянского региона, в первую очередь, конечно, южнославянского. После распада Югославии именно БИТЕФ стремился к восстановлению культурных связей между ее бывшими республиками. Театры Македонии, Хорватии, Словении являются постоянными гостями и номинантами фестиваля. И лауреатами

Книга представляет и взгляд со стороны на советский, а затем российский театр, взгляд европейского и прежде всего сербского зрителя и театроведа (Вагапова приводит цитаты из местной и европейской прессы). Едва ли на каком-либо ином иностранном театральном фестивале так широко была представлена прежде советская, а теперь российская режиссура. На БИТЕФе не только бывали, но и неизменно с триумфом выступали и привозили из Белграда призы А.В. Эфрос, Ю.П. Любимов, П.Н. Фоменко, Г.Н. Яновская, А. Могуций.

При всей своей фактической и иллюстративной насыщенности книга не представляет собой герметичный, сугубо театроведческий текст, поэтому будет интересна самому широкому культурному читателю.

© 2012 г. *И.Н. Проклов*

J. MED. Literární život ve stínu Mnichova (1938–1939). Praha, 2010. 340 s.

Я. МЕД. Литературная жизнь в тени Мюнхена (1938–1939)

Ярослав Мед (род. 1932) – чешский литературовед, сотрудник Института чешской литературы Чешской академии наук, издал книгу о ситуации в чешской литературе и публицистике так называемой второй республики – короткого периода (167 дней) после подписания мюнхенского договора (30 сентября 1938 г.) и до начала гитлеровской оккупации Чешских земель (15 марта 1939 г.). «Краткое и печальное интермеццо в чешской истории» (s. 249) – так называет автор этот промежуток времени, до предела насыщенный идейными столкновениями в среде чешской творческой интеллигенции, четко проявившими позиции отдельных ее группировок. Идейную борьбу во второй республике Мед рассматривает в широком контексте чешской литературной и гражданской истории, главным образом периода первой республики (1918–1938). Публицистический материал занимает в монографии больше места, чем собственно художественная литература, что вполне естественно и оправдано основной задачей исследования и подчеркнуто заглавием книги. «Анализ литературной жизни второй республики, – поясняет автор свой замысел, – не ограничивается тем, чтобы нанести на карту недостаточно описанную часть чешской литературы, которая к тому же зачастую интерпретируется сквозь призму затертых исторических клише; он прежде всего направлен на то, чтобы показать, как вели себя творческие люди перед надвигающейся национальной катастрофой, превзошедшей самые наихудшие ожидания» (s. 294).

В межвоенный период Чехословакия, по определению Я. Меда, представляла собой в Европе «остров демократической стабильности» (s. 43) с заметным левым уклоном. На протяжении почти всего этого двадцатилетия в культурной жизни страны свободно сосуществовали и конкурировали, вели между собой острые дискуссии разные направления: от сторонников коммунистической идеологии до правых националистов. В книге достаточно подробно

охарактеризованы программы левых по своим политическим убеждениям авангардистов-интернационалистов (Витезслав Незвал, Карел Тейге и др.), писателей католического направления (Ярослав Дурих, Ян Заградничек), «руралистов» – почвенников (Франтишек Кршелина, Йозеф Кнап), националистов-государственников (Виктор Дык). Наиболее близко автору направление, которое он называет «государственно-центристским» и в идейном отношении связывает с «демократическим социализмом без революционных экспериментов, гуманистическим рационализмом Т.Г. Масарика и либерально-демократическим строем, установленным в ЧСР и дававшим государству разумную стабильность, духовную и творческую свободу» (s. 17). Самым крупным и талантливым представителем этого течения в литературе был Карел Чапек, в публицистике – Фердинанд Пероутка.

Писатели разных направлений по-разному относились к проблемам государственной самостоятельности Чехословакии, социальному вопросу, религии, к вопросу национальному. В книге кратко, но убедительно показано, как это отношение менялось во времени: оно было одним в первые годы после создания независимой республики, другим – в период экономического кризиса, в годы гражданской войны в Испании, однако, при всех разногласиях и подчас очень бурных дискуссиях, в среде чешских литераторов все же сохранялось некоторое ощущение общности. Мюнхенский сговор больших европейских держав, положивший конец первой республики, положил конец этому единению, сколь бы относительным оно ни было.

События в Чехословакии, в чешской литературе, Мед рассматривает в общеевропейском контексте. Политическую систему второй республики, ознаменовавшую собой конец либеральной демократии в Чехословакии, он объясняет общеевропейским кризисом демократии, проводя различие между итальянским фашизмом и гитлеровским нацизмом с определяющим для

него выдвижением на самый первый план расистской теории, чего не было в «латинском» фашизме. Но при всем том Мед ни в коей мере не замалчивает нарастание в преддверие Мюнхена кризисных явлений в своей стране, в среде чешской творческой интеллигенции, рост националистических тенденций, приобретавших, как и чешский католицизм, все более реакционный характер, раскол в лагере литераторов-коммунистов по вопросу о политических репрессиях в СССР и т.п.

Режим второй республики кардинально отличался от предшествовавшего с самого начала. С демократией было покончено, ускоренными темпами ужесточалась цензура, в октябре 1938 г. была запрещена вся коммунистическая печать, в декабре – распущена Коммунистическая партия. Марионеточное правительство урезанной страны объединилось со всеми реакционными силами Чехии в категорическом осуждении Масарика и Бенеша, которых теперь обвиняли в крахе Чехословакии. Мед подробно анализирует нападки на Масарика со стороны католиков: «Вершиной антимасариковской оптики во взгляде на первую республику явились две статьи: “Очищение души” Ярослава Дуриха и “Дни, через которые мы прошли” Зденека Калисты» (s. 244). Особенно интересно разбирается эволюция взглядов талантливого и противоречивого католического писателя и идеолога Дуриха, который видел путь к достойному существованию нации в соединении бедности, труда и веры в Бога. Если в 1924 г. Дурих приветствовал Масарика, то в период второй республики он стал автором, «пожалуй, самого острого выпада» против уже покойного президента. Самый крупный католический писатель теперь решительно отрицает заслуги Масарика в области философии, в понимании чешской истории, не усматривая в его позиции ни нравственности, ни уважения к культуре. Мед цитирует слова Дуриха о том, что « всю эту катастрофическую науку необходимо как можно быстрее и категоричнее запретить во всем мире и вместо нее снова превознести и восславить веру в Бога и любовь к отечеству» (s. 245). Несколько ранее столь же категорической была его позиция по отношению к гражданской войне в Испании, ибо «для нас борьба испанских католиков против красной власти – святой бой, наш собственный, наш первейший» (s. 77). Среди литераторов, противостоявших Дуриху, Мед выделяет коммуниста Юлиуса Фучика, который в период второй

республики мог печататься уже только под псевдонимом – Карел Стрнад.

Мед специально рассматривает проблему антисемитизма в публицистике и литературе второй республики, проясняя свое мнение экскурсами в предшествующую чешскую историю. Он обращает внимание на то, что антисемитские тенденции подкреплялись, с одной стороны, тем, что евреи в Чехии в своем большинстве принадлежали к немецкой культуре и немецкому языку, соответственно на них распространялись антинемецкие настроения чехов, с другой стороны, существенная часть еврейского населения придерживалась левых и даже коммунистических воззрений. Если в эпоху первой республики можно было наблюдать лишь отдельные проявления антисемитизма, то в период второй республики крайняя реакция в культуре, особенно в публицистике, позволяла себе воинствующие антисемитские выпады, распространяя их и на критику масариковско-бенешевской политической и культурной ориентации. К сожалению, антисемитские высказывания допускали и некоторые талантливые писатели (Якуб Демл, Ян Заградничек).

Позитивным моментом в чешской культуре второй республики Мед считает обращение к чешской классике, к традициям национальной культуры, что проявлялось и в критике и в издательской практике: «Культура была призвана сохранить дух нации, мобилизовать активность народа, на что оказалась не способна политика» (s. 259).

В монографии убедительно показано, как боролись против надвигающейся фашистской агрессии замечательные чешские писатели, подробно описываются мужественные выступления сохранявшего несмотря ни на что оптимизм Карела Чапека, вызвавшего ненависть реакционеров. Большое внимание в книге уделено попыткам литературной общественности объединиться в это трудное время, инициаторами которых были прежде всего представители левого и промасариковского крыла чешской культуры, встречавшие жесткое противодействие со стороны той части писателей, которые отреклись от демократического наследия первой республики, этого «золотого века чешской литературы» (s. 291). О необходимости национального единства говорили и правые, но они заявляли, что достичь этой цели можно, только освободившись от иностранных и политически левых влияний, от пагубного, по их утверждению, наследия Масарика – Бенеша. Это вело к тому, что на

деле «вместо желаемого и провозглашаемого национального единства лишь углублялась поляризация литературной жизни во имя “очищения” от всего чужеродного и левого, что они связывали с политическим и культурным профилем предшествующего двадцатилетия» (s. 265).

Мед очень высоко оценивает антифашистскую чешскую поэзию, отразившую подъем боевых настроений простого народа в майские дни всеобщей мобилизации – стихи Йозефа Горы, Франтишека Галаса, Владимира Голана, Витезслава Незвала, Ярослава Сейферта и других, опубликованные в журналах. Станислав Костка Нейман составил из стихотворений 1938 г. сборник «Чехословацкая осень», в предисловии к которому он выражал уверенность, что эта поэзия останется в чешской литературе «драгоценным монументом боли и отваги» (s. 209). Автор монографии не дает анализа художественных достоинств поэзии тех лет, замечая лишь, что она тогда приобрела «почти магически ритуальный характер» (s. 207). Конечно, об этой поэзии уже много написано, да и заглавие книги говорит о «литературной жизни», а не собственно о литературе времен Мюнхена, но все же, по моему мнению, можно высказать со-

жаление, что Мед не остановился на этом подробнее, мне представляется, что, опираясь на свое видение общей атмосферы того периода, он мог бы и здесь сказать что-то новое и интересное.

Последней попыткой объединить силы чешской литературы явилось, по условиям времени довольно сдержанное, обращение «К чешскому народу», которое в июне 1939 г. составили писатели разных направлений: Дурих, Кршелина, Гора, Кнап и другие, но оно так и не было принято из-за отказа в поддержке со стороны уже фактически марионеточного тогдашнего чешского правительства. «И это был завершающий контрапункт литературной жизни второй республики, в эпоху которой слово писателя играло столь значительную роль» (s. 289), – резюмирует автор.

В книге Меда, основанной на долговременной кропотливой исследовательской работе, впервые столь документированно и убедительно воссоздана картина литературной жизни Чехии 1938–1939 гг., что помогает яснее понять богатую и противоречивую историю чешской литературы XX в.

© 2012 г. *С.А. Шерлаимова*

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ВЫБОР ВЕРЫ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ИЗМЕНЕНИЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА
В ПЕРСПЕКТИВЕ СРАВНИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

29 сентября – 1 октября 2011 г. в университете г. Жешув (Польша) прошла международная междисциплинарная конференция «Выбор веры и идеологические изменения в Средние века в перспективе сравнительных исследований», организованная кафедрой средневековой истории и древнескандинавских исследований по инициативе известного специалиста по славянским и скандинавским древностям профессора Лешека Слупецкого.

В конференции приняли участие ученые из Великобритании, Германии, Дании, Исландии, Польши, России, Финляндии. Тематика докладов была сосредоточена вокруг проблем восприятия новой монотеистической религии традиционными обществами раннесредневековой Европы.

Терри Гуннел (Рейкьявик) в докладе «Восприятие Одина: в преддверии восприятия Бога» обратил внимание на перемены, которые произошли в обществе и религии Скандинавии в середине I тыс. н.э. Новые культовые центры возникли в резиденциях вождей, что автор связывает с появлением жрецов «годи». Эти вожди поклонялись Одину, божеству, которое не было привязано к природным объектам и в большей мере ассоциировалось со смертью, удачей и воинским загробным миром. Обращение к Одину было не менее важным, чем последующее обращение к христианскому Богу.

Выступление состоялось в режиме интерактивной презентации, поэтому слушатели смогли задать докладчику, находившемуся в это время в Исландии, вопросы и провести оживленную дискуссию по докладу.

Кристиан Любке (Лейпциг) выступил с докладом «Лютичи: обращение и повторное обращение». Исследователь проанализировал ситуацию, сложившуюся после восстания полабских славян – лютичей против политики христианизации славянских земель Оттонской Германией в 983 г. Славяне вернулись к культу языческих богов и удерживали свою веру в течение полутора столетий. Докладчик отметил, что у лютичей не сложился культ святых князей. Анализируя эту уникальную ситуацию «языческой реакции», докладчик поставил вопрос о ее причинах.

В докладе *Ольги Беловой* (Москва) «“Выбор веры” в восточноевропейском фольклоре» были рассмотрены фольклорные нарративы на тему выбора веры различными народами, сакральными персонажами, историческими лицами. Народные легенды, отражающие библейские и летописные сюжеты, трактуют проблему выбора веры с позиций этноцентризма, «национализации» Бога и сакральных персонажей, а также местной «устной истории» (Бог наделяет «правильной» верой русских, украинцев, поляков, евреев; Христос и Богородица принимают крещение и становятся не только православными или католиками, но и русскими, украинцами, поляками; католики в Западном Полесье якобы получили свою веру от «евреев из Рима», а греко-католики Галиции – от «греков, пришедших из Вавилона», и т.п.). Материалом для доклада послужили фольклорные записи XIX–XXI вв. из регионов этнокультурного и этноконфессионального пограничья.

Исследователь *Фрог* (Хельсинки) представил доклад на тему «Шаманы, христиане и те, что между ними: загадки культурного развития в средневековой Карелии». В центре внимания докладчика была проблема смены традиционных шаманских культов институтом «знающих» (*tietäjät*), развивающегося под влиянием германских традиций, начиная с железного века. Процесс христианизации затронул как шаманов, так и «знающих». Для доказательства своей концепции докладчик привлекал материал карельских рун.

Анна Кайнер (Варшава) представила результаты своего диссертационного исследования о раннесредневековых городах в исландских сагах. Особое внимание докладчица уделила соотношению топонимики исландских саг (Гардарики, Миклагард и др.) и представлений о далеких землях, расположенных на периферии культурного пространства.

Владимир Петрухин (Москва) в докладе «Сакральный царь и иудаизм у хазар» высказал гипотезу, что представления о «сакральном правителе» и ритуальном убийстве кагана у хазар относятся к сфере легенд, но не актуальных обычаев. Для своих подданных каган стремился продемонстрировать свою приверженность традиционным ценностям, а для международных связей он использовал статус приверженца монотеистической религии – иудаизма. В ходе дискуссии по докладу почетный гость конференции проф. *Кароль Модзелевский* (Варшава) напомнил о распространенном в Европе сюжете об убийстве священного царя, который со времен Дж. Фрейзера трактуется как реальный обычай.

Доклад *Кароля Коллингера* (Жешув) «Бруно Кверфуртский и его описание миссии к печенегам» был посвящен анализу текста, написанного самим Бруно в 1008 г. и повествующего о его попытке обратить в христианство печенегов (показательно, что русский князь Владимир отговаривал миссионера от этой идеи – в дискуссии по докладу было высказано предположение, что Владимир не считал необходимой миссионерскую деятельность среди инородцев).

Исследовательница из Лейпцига *Ундине Отт* в докладе «Обращение и централизованная власть в повествовательных источниках средневековой Центральной Европы и Центральной Азии» предложила сравнительный анализ процессов обращения в христианство венгерской династии Арпадов и Караханидов, правителей обширной империи в Средней Азии, которые приняли ислам.

Якуб Моравец (Катовице) в докладе «“Обращение” королевской идеологии: христианская основа правления Кнута Великого в Англии» сообщил, что хотя в 1017 г. Кнут завоевал Англию как викинг, он попытался изобразить свою власть как данную Божьей милостью и даже с этой целью контролировал посвященную ему традиционную поэзию скальдов.

Сабина Вальтер (Бонн) посвятила свой доклад «Историческая память об обращении: христианизация исландцев согласно “Книге об исландцах”» функциональному анализу древнеисландского памятника, в котором говорится о становлении «нового народа», добровольно принявшего новую религию.

Всеобщий интерес вызвал доклад *Руди Зимека* (Бонн) «Что в религии германцев обусловило средневековую христианскую веру в демонов?». Противопоставляя описания демонов и монастырей в средневековой книжности, докладчик отметил, что альфы (персонажи дохристианских верований, собственно не-люди) превратились в христианских демонов болезней, от которых защищали средневековые амулеты.

Войцех Бедыньский (Жешув) в докладе «Некоторые социальные аспекты христианизации Ирландии» остановился на уникальном характере ирландского христианства: ирландцы были крещены без специального участия Римской империи, что и предопределило специфические черты кельтской церкви.

В докладе *Лукаша Малиновского* (Краков) «Грехи и добродетели в языческом изложении: “Сага о Хрольфе Пешеходе” в христианской перспективе» говорилось о том, что сага, записанная в начале XIV в. автором-христианином, была посвящена языческим временам и героям. Однако перечень смертных грехов и главных добродетелей был христианским – автор использовал языческий сюжет для демонстрации христианской морали.

Шимон Вержбиньский (Лодзь) в докладе «От викингов-язычников до воинов Христовых – обращение как показатель смены культурной парадигмы» отметил, что норманны играли значительную роль в истории христианского мира XI–XII вв. Хотя Нормандия была отдана языческим викингам из Скандинавии, за короткий период норманны стали христианами и были ассимилированы в Северной Франции.

Интересный археологический материал представил *Лешек Гардела* (Абердин) в докладе «Нетипичные погребения до и после христианизации: кросскультурная перспектива». Речь шла о захоронениях у славян и в Северной Европе, в которых человеческие останки были завалены камнями, расчленены и т.п., что принято расценивать как проявление защитных действий против вампиров. Докладчик поставил вопрос – насколько сохранилась подобная мотивировка данной традиции после принятия христианства. В дискуссии было

отмечено повсеместное распространение этих обычаев и представлений, в том числе и обычай «вторичного погребения» у южных славян.

Завершил конференцию доклад *Лешека Слупецкого* (Жешув) «Части тела богов в источнике Мимира», в котором в остроумной форме на материале скандинавской мифологии была продемонстрирована идея о том, что ради обретения сверхъестественных способностей (видения всех миров, способности слышать все звуки во вселенной и т.п.) божества жертвовали источнику соответствующие органы своих тел.

В заключительной дискуссии участники конференции отметили актуальность и перспективность темы, которая позволила обсудить на материале разных традиций (преимущественно северноевропейских) базовый для европейской цивилизации концепт, определивший вектор культурного развития средневекового общества.

© 2012 О.В. Белова, В.Я. Петрухин

Славяноведение, № 2

ПОЛИТИКА И КУЛЬТУРА В БЕЛОРУССКО-РУССКО-УКРАИНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ XVII–XXI ВЕКОВ

14 апреля 2011 г. в Институте славяноведения состоялась научная конференция «Политика и культура в белорусско-русско-украинских отношениях XVII–XXI вв.», организованная отделом восточного славянства. Организаторы конференции предложили проанализировать различные системы идентичности, существовавшие в восточнославянском этнокультурном пространстве, с точки зрения влияния государственно-политического фактора на процессы социокультурной ассимиляции и дезинтеграции. Социальные, этнические, языковые аспекты взаимодействия, проблемы конфессиональной жизни – все эти вопросы оказались в центре внимания участников конференции.

На конференции выступили представители различных гуманитарных дисциплин – историки, лингвисты, культурологи, этнологи. Основное внимание было уделено поворотным моментам этнокультурного взаимодействия русских, украинцев и белорусов на протяжении последних четырехсот лет – с XVII в. и до настоящего времени. Несколько докладов было посвящено русско-украинским отношениям в XVII–XVIII вв. Большой интерес участников конференции вызвали выступления *Б.Н. Флори*, который проанализировал контакты Киевской митрополии с Москвой, и *К.А. Кочегарова*, уделившего внимание роли брачных связей в интеграционных процессах после вхождения Украины в состав России. *Ю.А. Лабынцев* и *Л.Л. Щавинская* рассмотрели различные способы употребления термина «Белая Русь» в канцелярских и католических административных документах XVIII – начала XIX в.

Несколько докладов было посвящено XIX – началу XX в., – периоду формирования национальных идеологий. В рамках этого блока особое внимание было уделено анализу роли культурного фактора в формировании наций. *И.А. Кукушкина* рассмотрела украинскую художественную литературу рубежа XIX–XX вв. в качестве фактора формирования украинского национального самосознания. *С.В. Снатковская* сосредоточила свое внимание на образовательных подходах и концепциях конца XIX – начала XX в. в системе просвещения Российской империи, показала роль этнокультурных факторов, лежащих в основе развития образования в Белоруссии. *М.Э. Клопова* остановилась на восприятии идеи славянского единства участниками русского и украинского движений в Галиции накануне Первой мировой войны.

Конференцию продолжили выступления, посвященные первой половине XX в. – периоду радикализации национальных движений и государственного строительства на Украине и в Белоруссии. *А.В. Ганин* продемонстрировал на примере судьбы генерала Сергея Дядюши всю сложность происходивших в массовом сознании изменений, связанных с повышением роли национального фактора в механизмах идентификации. Влияние

государственного фактора на процесс формирования национального самосознания был рассмотрен в докладе *Е.Ю. Борисенко*, посвященном проблеме «украинизации» пролетариата в политике руководства УССР в 1920-е годы. *Е.П. Максименко* представила славянскую политику большевиков в качестве части концепции «Москва – третий Рим» на белорусском материале 1941–1945 гг.

Участники конференции проявили интерес к докладам, в которых рассматривалась роль языка в формировании национального самосознания на современном этапе. Активизация нациостроительства привела не только к новой попытке формулирования культурно-языковой идеологии, но и к существенным изменениям в языковой ситуации на Украине. *О.А. Остапчук* в своем докладе проанализировала характер распределения русского и украинского языков по сферам употребления и формам коммуникации на современной Украине, а *Е.Е. Левкиевская* основное внимание уделила украинской лексике в русском публицистическом дискурсе, продемонстрировав эволюцию этнокультурных и языковых стереотипов в русском сознании с 1910-х годов по настоящее время.

Отдельный проблемный блок конференции был посвящен конфессиональной проблематике, в частности роли православной традиции в сохранении памяти о своей истории (*А.И. Юренко, И.А. Снежкова, К.В. Цеханская*), что позволило по-новому взглянуть на роль общеславянского компонента в культурно-историческом сознании трех народов.

Каждое выступление на «круглом столе» сопровождалось интересной дискуссией.

© 2012 г. *Е. Борисенко*

К ЮБИЛЕЮ СЕРГЕЯ ВАСИЛЬЕВИЧА НИКОЛЬСКОГО

27 февраля 2012 г. – юбилей Сергея Васильевича Никольского, 90 лет со дня рождения. Для российской славистики, да и не только российской, это большой праздник. Имя этого выдающегося ученого, более шестидесяти лет работающего в Институте славяноведения Российской академии наук, известно всем, кто занимается славянскими литературами, а для коллег, работающих с ним бок о бок, это огромная честь отметить вместе с ним его день рождения в стенах родного института.

С.В. Никольский окончил русское отделение филологического факультета МГУ в 1945 г. и наверняка стал бы прекрасным специалистом по русской литературе, но сложилось так, что с открытием Института славяноведения АН СССР в 1947 г. потребовались новые кадры, специалисты именно по зарубежным славянским литературам. И вот, можно сказать, повезло литературе чешской, которой еще с детства увлекался будущий ученый, читая вздохом в пионерском лагере «Похождения бравого солдата Швейка». Лучший перевод этого гашековского шедевра принадлежит профессору П.Г. Богатыреву, который и стал научным руководителем Никольского. В 1949 г. Сергей Васильевич защитил кандидатскую диссертацию, посвященную Ф.Л. Челаковскому и связям с русским фольклором, а в 1971 г. – докторскую, посвященную творчеству К. Чапека.

Интересы Никольского поражают своим многообразием, но один автор, который остается для него «особым», это, конечно, Чапек. Никольский и Чапек это вообще особая глава «взаимоотношений», о которой можно было бы написать многое, в частности то, что еще в начале 1950-х годов работы Никольского о Чапеке сыграли решающую роль в пресечении попыток перечеркнуть творчество чешского автора по политическим мотивам и отбросить все нелепые обвинения в «буржуазном гуманизме». Гашек и Чапек – основные авторы, которыми занимался и продолжает заниматься С.В. Никольский. Не будем забывать и о К.Г. Махе, И. Волькере и др. Ему принадлежат монографии «Карел Чапек – фантаст и сатирик» (1973; издано в Москве и Праге), «Две эпохи чешской литературы» (1981), «Карел Чапек» (1990), «История образа Швейка. Новое о Ярославе Гашеке и его герое» (1997), «Над страницами антиутопий К. Чапека и М. Булгакова. Поэтика скрытых мотивов» (2001). Русская литература никогда не уходила из поля зрения Сергея Васильевича. Близость с ней, образ мыслей и склад характера ученого всегда были прочно связаны с русской культурой, которая и взрастила этого настоящего русского интеллигента. В 2009 г. вышло и второе издание последней книги, ставшей большим событием не только в отечественной богемистике, но и булгаковедении.

Неутомимость Сергея Васильевича (он написал более 500 научных работ по истории прежде всего чешской литературы, чешско-русским литературным связям), его тонкое прочтение и анализ творчества выдающихся авторов, умение приоткрыть завесу над тайнами, остававшимися неразгаданными в течение многих лет, поистине поражают.

При участии Сергея Васильевича создавались академические истории чешской, словацкой, польской, болгарской литератур, написаны работы по взаимосвязям русской литературы с литературами западных и южных славян. Он был членом редколлегии и одним из авторов таких трудов, как «Очерки истории чешской литературы XIX–XX вв.» (М., 1963), «История всемирной литературы» (М., 1983–1994. Т. 1–8), «Краткая литературная энциклопедия» (М., 1962–1978. Т. 1–9), «История литератур западных и южных славян» (М., 1997–2001. Т. 1–3). В последнем издании Никольский был ответственным редактором второго тома. Он также входил в состав редколлегий «Кратких сообщений» (1951–1955) и

«Ученых записок» (1957–1966) Института Славяноведения, с 1979 г. он – член редколлегии журнала «Славяноведение».

Совсем недавно, в ноябре 2011 г., Сергей Васильевич выступил с интереснейшим докладом на тему «Репутация русской литературной классики в Чехии» на международной конференции «Русский человек и Россия в славянских литературах, фольклоре, документалистике».

С.В. Никольский – заслуженный деятель науки (звание присвоено в 1989 г.), профессор, почетный доктор Университета им. Ф. Палацкого в Оломоуце (Чехия), почетный член чешского Общества братьев Чапеков. В течение многих лет был членом Советского комитета славистов. С 1958 г. – член правления и председатель сначала литературной комиссии Общества советско-чехословацкой дружбы, а затем секции чешского Общества братьев Чапеков в России, действующей при Обществе дружбы с Чехией. Нельзя не упомянуть об огромной популяризаторской деятельности Никольского, активно пропагандировавшего творчество чешских писателей, издававшего их сочинения, выступавшего с лекциями. Труды российского богемиста получили признание у нас и за рубежом, издавались в Чехии, Польше, Югославии, Германии. С.В. Никольский награжден медалью «За трудовую доблесть», Золотой медалью 1-й степени «За заслуги в развитии дружбы и сотрудничества», почетной медалью Союза чехословацко-советской дружбы, медалью Союза обществ дружбы, медалью Ф.К. Шальды (на Всемирном конгрессе богемистов в Праге в 1995 г.), медалью Я. Масарика в 2001 г., медалью Чешской академии наук в 2002 г. За исследование и популяризацию чешской литературы ему присуждена премия чешского Литфонда в 1975 г., вручены грамота Президиума РАН, награда Министерства иностранных дел Чешской республики *Gratias Agit* («В знак благодарности»).

Нельзя не сказать о Никольском просто как о личности, замечательном человеке. Он стал свидетелем поистине нескольких эпох, войны, катаклизмов, всевозможных «перегибов», «перестроек». Его детство было омрачено смертью отца. Не так давно стали известны конкретные даты. Василий Сергеевич Никольский родился в 1898 г. в деревне Сивцово Тверской губернии, был священником, в 1937 г. арестован и 3 ноября 1937 г. расстрелян по обвинению в «антисоветской агитации». В августе 2000 г. он был канонизирован Архиерейским собором русской православной церкви и признан священномучеником.

Уже не раз звучали и еще много слов благодарности юбиляру прозвучит от тех, кто считает себя учениками Сергея Васильевича, не только от бывших аспирантов и студентов, но всех тех, кто работал и работает с ним. Отзывчивость, мягкость, всегдашняя готовность помочь, посоветовать, доброта Сергея Васильевича согревают и защищают. Особо надо сказать о его неподражаемом чувстве юмора. Чапек считал, что «юмор – это всегда немножко защита от судьбы». Чтобы взглянуть на события как бы со стороны и уловить их смешную сторону, надо обладать большой твердостью духа; развитое чувство юмора бывает лишь у душевно стойких, сильных людей, каковым без сомнения является Никольский. А потрясающий дар рассказчика, как будто продолжающего дело бравого солдата Швейка? Несмотря на свой почтенный возраст Сергей Васильевич молод в душе, а иногда и значительно моложе в видении мира и суждениях, чем люди, годящиеся ему во внуки. Всегда доброжелателен, полон творческой энергии, обаяния. Хотелось бы пожелать Сергею Васильевичу здоровья и долголетия, а всем нам, кто любит, уважает и гордится знакомством с прекрасным ученым, еще долгих лет общения с ним и счастья находиться рядом с таким человеком.

Коллеги, ученики и друзья

Дирекция и коллектив Института славяноведения РАН, редколлегия и редакция журнала «Славяноведение» присоединяются к поздравлению и желают Сергею Васильевичу здоровья и творческих успехов.

К ЮБИЛЕЮ ВИКТОРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ХОРЕВА

22 февраля 2012 г. исполнилось 80 лет одному из основателей российской полонистики, Виктору Александровичу Хореву, доктору филологических наук, профессору, заслуженному деятелю науки Российской Федерации, заведующему Отделом истории славянских литератур, сотруднику Центра по изучению современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН.

С Институтом Виктора Александровича связывают долгие годы плодотворной работы: поступив сюда в аспирантуру после окончания филологического факультета МГУ (1954), а затем будучи зачислен в штат (1957), он прошел все ступени научного роста – от младшего научного сотрудника до заместителя директора (1988–2005).

Научная деятельность Виктора Александровича, воспитавшего несколько поколений исследователей, поражает своей масштабностью и многообразием. В библиографическом списке его работ более 350 наименований, среди которых – монографии разных лет, например «О литературе народной Польши» (1961), «Владислав Броневский» (1965), «Становление социалистической литературы в Польше» (1979), «Польша и поляки глазами русских литераторов. Имагологические очерки» (2005), «Польская литература XX века. 1890–1990» (2009), а также главы в академических трудах по истории польской литературы (1969), всемирной литературы (1994, совместно с В.В. Витт), литератур Восточной Европы после Второй мировой войны (1995, 2001).

Виктор Александрович в течение многих лет руководит международным проектом «Россия – Польша. Взаимное видение в литературе и культуре», в рамках которого прошло несколько конференций, а их материалы опубликованы в коллективных трудах, где В.А. Хорев выступает в качестве автора и ответственного редактора. Только за последние пять лет вышли «Творчество Витольда Гомбровича и европейская культура» (2006), «Адам Мицкевич и польский романтизм в русской культуре» (2007), «Творчество Болеслава Пруса и его связи с русской культурой» (2008), «Русская культура в польском сознании» (2009), «Юлиуш Словацкий и Россия» (2011), «Отзвуки Шопена в русской культуре» (2011). Этот многолетний масштабный труд Виктора Александровича был по достоинству оценен Президиумами как Российской, так и Польской академий наук, и отмечен премией и медалью «За вклад в науку».

Среди заслуженных наград юбиляра – орден Дружбы (1997), польский Командорский крест со звездой Ордена Заслуги перед Польской республикой (1999), медали «За заслуги перед польской культурой» (1996), «Медаль Комиссии народного образования» (1997), «Мицкевич и Пушкин» (2002), медаль и почетный диплом Объединения Европейской культуры (Societe Europeenne de Culture – SEC – 2006), награду посла Польши в РФ «Польский Пегас» (2010), золотая медаль «За заслуги в области культуры Gloria Artis» Министерства культуры и национального наследия республики Польша (2010), диплом министра иностранных дел Польши «За выдающиеся заслуги в пропаганде польской культуры в мире» (2010).

Глядя на польскую литературу XX в. глазами русского полониста – так называлась одна из его статей сборника «Москва – Варшава: 1900–2000» (2005) – Виктор Александрович исследовал творчество многих польских писателей и поэтов, составивших славу своей национальной литературы, – С.И. Виткевича и З. Налковской, В. Броневского и К.И. Галчиньского, С. Дыгата и К. Филиповича, Л. Кручковского и Т. Брезы, Я. Ивашкевича и Л. Шенвальда, Т. Ружевица и С. Мрожека, Б. Чешко, Ю. Кавальца, В. Мысливского.

Этот перечень может быть продолжен: исследовательский интерес Виктора Александровича привлекают такие значимые фигуры польской литературы более раннего периода, как А. Мицкевич, Ю. Словацкий, Г. Сенкевич, Я. Каспрович; проблемы сравнительного изучения литератур и русско-польские литературные связи, стереотипы национального восприятия

и взаимная рецепция культур; польская проза так называемого второго круга обращения (2000); современные парабеллетристические жанры – эссе, дневники, мемуары, т.е. литература «человеческого документа», как он назвал одну из своих статей, подводя «литературные итоги XX века» (2003), и др. Работы Виктора Александровича вызывают заслуженный интерес и высокую оценку отечественных и зарубежных коллег. Он активно публикуется в Польше – упомянем, например, его статью о восприятии польской культуры в России в 1945–1990 гг. в сборнике «Dusza polska i rosyjska. Spojrzzenie współczesne» (Łódź, 2003), или исследование «петербургского текста» Ярослава Ивашкевича в издании «Album Gdańskie. Prace ofiarowane profesorowi Józefowi Bachórzowi» (Gdańsk, 2009) – и в других странах (см. его исследование роли культурных клише в истории «Polen und Deutschen» (Дюссельдорф, 1993).

Все годы научной деятельности Виктор Александрович принимает активнейшее участие в международных конференциях, Съездах славистов, публикуя доклады в сборниках их материалов (например, об имагологическом аспекте изучения литературных связей на Межрегиональной конференции славистов 2005 г., о Достоевском в сознании польских писателей второй половины XX в. на XIV МСС 2008 г., и др.).

Тесное сотрудничество связывает В.А. Хорева с МГУ им. Ломоносова: это и организация проводимых вместе с нашим Институтом научных конференций, и чтение студентам спецкурса по современной польской критике, оппонирование дипломных работ, и членство в диссертационном совете кафедры зарубежной литературы.

Следует отметить роль Виктора Александровича и в развитии белорусской полонистики: он активно участвовал в создании первой в истории кафедры польской филологии Гродненского государственного университета им. Янки Купалы, которую в течение 21 года возглавляла его ученица, проф. С.Ф. Мусиенко; регулярно выступал на защитах диссертаций, участвовал в Международных научных конференциях этой кафедры, был научным редактором ее трудов, членом редакционного совета «Вестника Гродненского университета».

Помимо непосредственных занятий наукой, Виктор Александрович успевает исполнять и иные требующие большой отдачи функции: он является председателем Мицкевичевской комиссии Совета по истории мировой культуры РАН, членом российско-польской исторической комиссии, заместителем председателя общества «Россия – Польша», членом редколлегии журнала «Славяноведение» и «Славянского альманаха». Виктор Александрович выполняет и огромную переводческую работу, а также столь обширную функцию популяризатора польской литературы в России, что его по праву можно уподобить мосту, объединяющему народы, культуры и страны, и «чрезвычайному и полномочному» послу польской литературы и культуры в России и странах, где читают на русском языке.

Яркая личность, незаурядный организаторский талант, человеческое обаяние, чувство юмора, неизменная доброжелательность притягивают к Виктору Александровичу людей, создают вокруг него неповторимую атмосферу.

Невозможно перечислить все заслуги и труды В.А. Хорева, всесторонне оценить его вклад в науку, впрочем, этому препятствует и сам жанр юбилейного поздравления, и неуместность «подведения итогов» деятельности активно работающего ученого, от которого научная общественность ожидает дальнейших глубоких исследований, ярких открытий, новых, как всегда, побуждающих к поискам и размышлениям работ.

Коллеги, друзья и ученики Виктора Александровича, уже с благодарностью и восхищением отмечавшие его прошедшие юбилеи посвященными ему трудами (Studia Polonica. К 60-летию Виктора Александровича Хорева. М., 1992; Studia Polonica II. К 70-летию Виктора Александровича Хорева. М., 2002), желают юбиляру крепкого здоровья, долгих лет творческой жизни, плодотворной деятельности на благо нашей науки.

Коллеги, друзья

Дирекция и коллектив Института славяноведения РАН, редколлегия и редакция журнала «Славяноведение» присоединяются к поздравлению и желают Виктору Александровичу здоровья и творческих успехов.

CONTENTS

ARTICLES

<i>Petrukhin V.Ya.</i> (Moscow). The Origin of Rus': The Old-Russian tradition and medieval historiography. Myth, truth and fiction	3
<i>Turilov A.A.</i> (Moscow). Forgotten or less known facts from the history of the most ancient translation of the Prologue among the Southern Slavs (concerning the problem of the «first Eastern-Slavic influence»)	8
<i>Tairova-Yakoveva T.G.</i> (St.-Petersburg) The problem of the rise of big private landowning in the Ukrainian Hetmanate (the late seventeenth – early eighteenth centuries)	27
<i>Kostyashov Yu.V.</i> (Kaliningrad). General Ivan Horvath – a Serbian adventurer on the Russian service (the second half of the eighteenth century)	34
<i>Sazonova L.I.</i> (Moscow). The story of Napoleon the Antichrist: An Old-Believers version of the anti-Napoleonic myth	42

REPORTS

<i>Urunova R.D.</i> (Ulyanovsk). On the origin of variants of the first-person singular pronoun in Eastern-Slavic texts of the tenth – fourteenth centuries	62
---	----

FROM THE HISTORY OF SLAVONIC STUDIES

<i>Lapteva L.P.</i> (Moscow). The role of Václav Hanka in the development of Slavonic studies in Russia and Russian-Czech scholarly contacts in the nineteenth century	68
<i>Frolova M.M.</i> (Moscow). The Society for History and Russian Antiquities and the Slavic problematic (1848–1857)	86

PUBLICATIONS

<i>Morozov B.N.</i> (Moscow). Tsar Vasili Shuyskiy before the Polish king (a new source on the «Turkish» issue with the fictional correspondence of the Polish king, the Ottoman sultan and Tsar Mikhail Fedorovich)	102
--	-----

REVIEWS-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Kaliganov I.I.</i> Г.А. Пожидаева. Лексикология демественного пения.....	107
<i>Belova O.V.</i> Полацкі этнаграфічны зборнік. Вып. 1. Ч. 1–2. Народная медыцына беларусаў Падзвіння; Вып. 2. Ч. 1–2. Народная проза беларусаў Падзвіння	109
<i>Proklov I.N.</i> Н.М. Вагапова. Международные театральные сезоны в Белграде: БИТЕФ 1967–2007	112
<i>Sherlaimova S.A.</i> J. Med. Literární život ve stínu Mnichova (1938–1939)	116

SCHOLARLY LIFE

<i>Belova O.V., Petrukhin V.Ya.</i> International conference «The choice of confession and ideological changes in the Middle Ages in the light of comparative research»	119
<i>Borisenok Ye.Yu.</i> Politics and culture in the Belorussian-Russian-Ukrainian relations in the seventeenth – twenty-first centuries	121

JUBILEES

To the jubilee of Sergei Vasilyevich Nikol'sky	123
To the jubilee of Viktor Aleksandrovich Khorev	125

Сдано в набор 01.12.2011 Подписано в печать 25.01.2012 Формат бумаги 70 × 100¹/₁₆
Цифровая печать. Усл.печ.л. 10,4 Усл.кр.-отт. 3,0 тыс. Уч.-изд.л. 12,4 Бум.л. 4,0
Тираж 278 экз. Зак. 2158

Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН

Издатель: Российская академия наук. Издательство «Наука», 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 8-495-938-01-20

E-mail: zhurslav@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен АИЦ «Наука» РАН

Отпечатано в ППП «Типография “Наука”», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

ПОДПИСКА-2012

ВТОРОЕ ПОЛУГОДИЕ

ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ

1 Российские и зарубежные газеты и журналы

2 Книги и учебники

УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ!

Журналы Российской академии наук можно выписать в любом почтовом отделении России по объединенному Каталогу Федерального управления почтовой связи (ФУПС). Академические журналы объявлены в этом каталоге в разделе "АПР"

ПРЕС
1 РОС
И З
ГАЗ
ТОМ И Ж